

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»
(392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33)

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
д. филол. н., д. ист. н. А.А. Бурыкин
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Астана, Казахстан)
д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Германия),
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Е.Г. Задворная
(г. Минск, Беларусь)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рабибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Казахстан)
д. филол. н., доц. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Казахстан)
д. филол. н., проф. В.К. Харченко
(г. Белгород, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33.
Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440.
E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru.
[http://www.journals.tsutmb.ru/neofilology-
about.html](http://www.journals.tsutmb.ru/neofilology-about.html)

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-70137
от 16.06.2017 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге
АО Агентства «Роспечать».

© ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина», 2018
© Журнал «Неофилология», 2018

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2018
Т. 4, № 14

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Гончарова Н.А., Швецова В.М.** Иноязычные слова в
родной речи: обогащение языка или символ чужой? 5
- Баудер Г.А., Полунина Л.И.** Психолого-педагогический
аспект национального характера в обрядовых играх рус-
ского народа 11
- Жмайло Т.В.** К вопросу об онтологии оценочной функ-
ции человеческого сознания 18
- Вайгандт К.Э.** Поликодовая метафоризация в текстах
социальной рекламы 25
- Абильдинова Ж.Б.** Языковое сознание как психолингви-
стический феномен 33
- Гредель В.П.** Концепт 'НАУКА И ИСКУССТВО' в ху-
дожественно-дискурсионном поле коммуникативно-
синтаксической структуры романа Е.И. Замятина «Мы» .. 44

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- Чэнь Сыци, Будажапова Б.Б.** Особенности обучения
китайских студентов чтению на русском языке 54

Редакторы:

А. А. Манаенкова,
М. И. Филатова

Редакторы английских текстов:

С. Ю. Можаров, Т. А. Сустина

Компьютерное макетирование

Т. Ю. Молчановой

Дизайн обложки

Т. О. Прокофьевой

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический фарс и сатирические средства его выражения в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» 60

К 100-ЛЕТИЮ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТАМБОВЩИНЕ

Сазонова В.А. Эпоха Г.Р. Державина и тамбовский театр 72

ПЕРСОНАЛИИ

Туманова А.Б., Щербак А.С. Ученый с большой буквы 86

Для цитирования:

Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. 88 с.

ISSN 2587-6953. DOI: 10.20310/2587-

6953-2018-4-14

Подписано в печать 31.05.2018.

Выход в свет

Формат 60×84 1/8.

Гарнитура «Times New Roman».

Печать офсетная.

Печ. л. 11,0.

Усл. печ. л. 10,23.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 18163.

Свободная цена.

Адрес издателя:

392000, г. Тамбов,

ул. Интернациональная, д. 33.

ФГБОУ ВО «Тамбовский

государственный университет

имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме

«Державинский». 392008, г. Тамбов,

ул. Советская, д. 190г.

E-mail: izdat@tsutmb.ru

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education "Tambov State University
named after G.R. Derzhavin"
(392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya Street)

Editor-in-Chief

Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak
(Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor

Doctor of Philology, Doctor of History
A.A. Burykin
(St. Petersburg, Russian Federation)

Executive Editor

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board

Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva
(Astana, Kazakhstan)

Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev
(Tambov, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor
M.V. Gorbanevskiy

(Moscow, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor R. Goldt
(Mainz, Germany)

Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva
(Moscow, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor E.G. Zadornaya
(Minsk, Belarus)

Doctor of Philosophy, Associate Professor
J. Curtis

(Oxford, Great Britain)

Doctor of Philology, Associate Professor
O.N. Novikova

(Ufa, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova
(Tambov, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina
(Tambov, Russian Federation)

Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina
(Tambov, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg
(Penza, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun
(Volgograd, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina
(Pavlodar, Kazakhstan)

Doctor of Philology, Associate Professor
A.B. Tumanova

(Almaty, Kazakhstan)

Doctor of Philology, Professor V.K. Kharchenko
(Belgorod, Russian Federation)

Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin
(Tambov, Russian Federation)

Editorial address: 33 Internatsionalnaya St.,
Tambov, 392000

Editorial telephone: (4752)-72-34-34
extension tel. 0440.

E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru.

[http://www.journals.tsutmb.ru/neophilology-
eng.html](http://www.journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html)

The mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-70137 of June 16, 2017.

Subscription index in the catalogue of the Stock
company Agency "Rospechat" is 80303

© FSBEI of HE "Tambov State
University named
after G.R. Derzhavin", 2018

© The journal "Neophilology", 2018

NEOPHILOLOGY

2018

Vol. 4, No. 14

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015

ISSUED 4 TIMES A YEAR

CONTENTS

	3
LINGUISTICS	
Goncharova N.A., Shvetsova V.M. Borrowed words in native speech: enriching the language or the alien symbol?	5
Bauder G.A., Polunina L.I. Psychological and pedagogical aspect of national character in ritual games of Russian people	11
Zhmaylo T.V. On the issue of evaluation function ontology of human consciousness	18
Vaygandt K.E. Polycode metaphorization in the texts of public service announcements	25
Abildinova Z.B. Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon	33
Hredel V.P. A 'SCIENCE AND ART' concept in artistic-discursive field of communicative-syntactical structure of E.I. Zamyatin's "We" novel	44
INTERCULTURAL COMMUNICATION	
Chen Siqi, Budazhapova B.B. Features of teaching Chinese students to read in Russian	54

Editors:

A. A. Manaenkova, M. I. Filatova

English texts editors:

S. Y. Mozharov, T. A. Sustina

Computer layout

T. Y. Molchanova

Cover design

T. O. Prokofeva

STUDIES OF LITERATURE

- Kolchanov V.V.** “Trotskyists”: literature and political farce and satirical means of its expression in the novel by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs” 60

ON THE OCCASION OF 100 ANNIVERSARY OF HIGHER EDUCATION AT TAMBOV LAND

- Sazonova V.A.** The epoch of G.R. Derzhavin and Tambov theatre 72

PERSONALIA

- Tumanova A.B., Shcherbak A.S.** A Scholar with a capital “S” 86

For citation:

Neophilology. 2017. Vol. 4, no. 13. 88 p.

ISSN 2587-6953. DOI: 10.20310/2587-

6953-2018-4-14

Podpisano v pechat' 31.05.2018.

Vykhod v svet

Format 60×84 1/8.

Garnitura «Times New Roman».

Pechat' ofsetnaya.

Pech. list 11,0.

Usl. pech. list 10,23.

Tirazh 1000 ekz.

Zakaz № 18163.

Svobodnaya tsena.

Adres izdatelya:

392000, g. Tambov,

ul. Internatsional'naya, d. 33.

FGBOU VO «Tambovskiy

gosudarstvennyy universitet

imeni G.R. Derzhavina».

Otpechatano v Izdatel'skom dome

“Derzhavinsky”. 392008, g. Tambov,

ul. Sovetskaya, d. 190g.

E-mail: izdat@tsutmb.ru

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В РОДНОЙ РЕЧИ: ОБОГАЩЕНИЕ ЯЗЫКА ИЛИ СИМВОЛ ЧУЖОЙ?

Наталья Александровна ГОНЧАРОВА¹⁾, Виктория Михайловна ШВЕЦОВА²⁾

¹⁾ ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»
393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101
E-mail: nata-alexa@mail.ru

²⁾ ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vmsh72@yandex.ru

Аннотация. Раскрыты общие вопросы функционирования заимствованных слов в родной речи. Замечено, что в мире нет языка, который полностью свободен от влияний иноязычных слов. Родная речь человека насыщена заимствованиями. Длительные политические, экономические, военные, культурные отношения между странами обогащают язык заимствованиями. Использование иноязычных слов в речи имеет определенную стилистическую роль, наиболее ярко проявляющуюся в различных функциональных стилях, например, в научном, публицистическом, официально-деловом и художественном. Постоянное заимствование способствует увеличению доли иностранных слов и уменьшению доли русских слов. Заимствование обогащает иностранную часть языка, исконная часть остается в нетронутом состоянии. Введение в речь иноязычных элементов засоряет родной язык. Использование заимствованных слов без учета семантики приводит к речевым неточностям. Подчеркнуто, что актуальной становится идея очищения языка от ненужных заимствований, становится очевидной необходимость употребления иностранных слов в соответствии со значением подобных слов. Осознанное отношение к использованию иноязычных слов поможет избежать речевых ошибок и сохранить чистоту речи. Статья акцентирует внимание на неоднозначном отношении носителей языка к употреблению заимствованных слов в процессе коммуникации.

Ключевые слова: родная речь; заимствования; обогащение языка; чужая культура

Бесспорно, что историю развития любой нации в политическом, экономическом, культурном планах можно проследить по заимствованиям иноязычных слов и выражений. В мире нет такого народа, язык которого был бы полностью свободен от влияний иноязычных слов, в противном случае, согласно обоснованному мнению, язык должен быть изолирован от контакта с другими языкам. Родная речь любого человека, например, носителя русского языка, в той или иной степени насыщена заимствованиями, отражающими как общий уровень образованности индивида, так и веяния актуального для говорящего человека времени. Так, из-за длительных политических, экономических, военных, культурных отношений между странами русский язык регулярно пополняется новыми словами неславянского происхождения.

Слова-иностранцы существуют практически повсюду: в спорте, бизнесе, политике, науке и даже в быту. Слова-иностранцы прочно вошли в повседневность. Большинст-

во подобных слов не имеют аналогов в родной речи, например, такие слова, которые заимствованы из других языков: *офис, рейтинг, имидж, провайдер, Интернет, харизма, спикер*. Также существуют и более древние слова нерусского происхождения: *карандаш, баня, школа, лампа, солдат*. Однако обозначенные слова настолько «прижились» в русской речи, что носители русского языка и не догадываются об истинных корнях данных слов.

Попутно заметим, что под заимствованием понимается усвоение, копирование, перенятие какого-либо слова из одного языка в другой. Это продолжительный процесс, результатом которого будет закрепление иноязычной лексемы в речи носителя.

Существует небезосновательное мнение, что словарный состав русского языка состоит из иностранных (*компьютер, банк, панк, лампа*) и исконных русских (*дерево, земля, читать, быть*) слов, соотношение которых в языке постоянно меняется. Так, при постоян-

ном заимствовании доля иностранных слов стремительно увеличивается, доля русских слов неумолимо уменьшается. Доказано, что такой путь обогащения, как заимствование обогащает только иностранную часть языка, в то время как исконная часть остается в нетронутом состоянии. При этом именно исконная часть, по мнению исследователей, является по-настоящему русским языком¹. В исследованиях замечено, что часто от сторонников иностранных слов в русском языке можно услышать утверждение, что заимствование является обогащением русского языка². Естественно, что возникает вопрос, так ли это?

Заметим, что заимствованные слова воспринимаются носителями языка неоднозначно. Так, слова, прочно вошедшие в обиход, перестают восприниматься как заимствованные. К подобным словам, как показывает изучение этимологии слова, относятся *время, враг, справедливый, сахар, работа, кровать, мудрость*. Будучи единственными для обозначения тех реалий и понятий, которые закреплены за данными словами, данные слова не воспринимаются в процессе коммуникации (устной или письменной) как заимствования.

Не воспринимаются как заимствования и слова, используемые в процессе коммуникации для обозначения реалий и понятий, для которых в родном языке не нашлось «собственного» слова. Зачастую подобный пласт заимствований характеризует название тех предметов, которые присутствуют в жизни человека, но для которых раньше не было названий в языке. По справедливому мнению исследователей, такие слова заполняют собой пустые ниши в языке, поскольку для некоторых таких понятий слов в языке еще не придумано [1].

Однако есть в языке слова, которые полностью воспринимаются носителями русского языка как иноязычные слова. Подобный пласт лексики зачастую обозначает понятия, не всегда понятные для носителя языка. К перечню таких заимствований относятся *квота, генезис, секвестр, имидж, эксклюзивный* и др.

¹ Родноречие. URL: <http://xn-d1acalxecme5e.xn-p1ai/> (дата обращения: 15.11.2017).

² Там же.

Также среди заимствований выделяются слова, с помощью которых дается описание чужих стран, чужой жизни и нравов: *саби, ваби, сибуй, югэн*. Данные слова, являясь экзотизмами, представляют собой своеобразные «локальные приметы». Употребление подобных слов, зачастую совершенно непонятных для носителей русского языка, способствует ложному погружению коммуникантов в чужую, порой малознакомую или совершенно незнакомую, культуру. Бывает так, что коммуникант, употребивший подобное слово, даже не в состоянии объяснить то понятие, которое скрывается за тем произносимым набором звуков, который в другой культуре является полноценным словом с определенным значением и смыслом.

По мнению исследователей, близки к экзотизмам варваризмы, представляющие собой подлинно иностранные слова и выражения, вкрапленные в русский текст, но не полностью освоенные или совсем не освоенные из-за фонетических и грамматических особенностей русского языка. Варваризмы, как правило, употребляются в несуществующих в русском языке формах и часто передаются средствами языка-источника: *авеню, денди, мосье, фрай, tete-a-tete, cito, ultimatio* [2].

За варваризмами в русском языке закреплены определенные функции: варваризмы называют то, что по-русски не имеет названия, а также служат средством речевой характеристики персонажей. С помощью варваризмов достигается иллюзия присутствия в чужой культуре. Однако, как справедливо замечено, варваризмы обычно придают тексту юмористический, иронический или сатирический оттенок.

Именно к подобным словам (иноязычным, экзотизмам и варваризмам) наблюдается неоднозначное отношение носителей русского языка. Как справедливо отмечает Л.П. Крысин, иноязычные вкрапления и экзотизмы, в отличие от заимствованных слов, не теряют ничего или почти ничего из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением. Они не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве единиц, более или

менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка [3].

Анализ специальных источников показал, что лингвисты занимают нейтральную позицию в полемике относительно пользы или вреда заимствований в русском языке. Лингвистов больше волнует невежественное употребление иноязычных слов, чем внедрение слов-иностранцев в русский язык. Лингвисты считают, что язык сам рано или поздно будет отторгать лишние слова, поскольку механизм саморегуляции заимствованных слов в языке действует по принципу «иммунной системы» и со временем расставит все на свои места.

Следует заметить, что в научных дискуссиях все чаще поднимается вопрос об избыточности заимствований в родной речи [4]. Некоторые носители языка оценивают явление заимствования крайне негативно. Еще в начале XX века языковед А. Пешковский заметил, что такой консерватизм, который мы встречаем по отношению к языку, больше нигде не увидать. С одной стороны, это даже хорошо. Такая реакция помогает держать оборону от лишней чрезмерности. С другой стороны, насколько было замечено, негативное отношение к заимствованным словам характерно для людей старшего поколения, которые склонны оборачиваться назад и в современности видеть негатив [5, с. 104].

Попутно заметим, что во все периоды развития русского языка считалось, что русский язык деградирует и теряет себя. Однако существует и противоположное мнение, согласно которому русский язык развивался, обогащался и адаптировался под изменяющиеся реалии. При этом в настоящее время наблюдается такая же картина, как и много лет назад: все процессы заимствования происходят под неизбежное возмущение и ропот носителей русского языка в качестве родного языка.

Полагаем, что использование иноязычных слов в родной речи, безусловно, несет определенную стилистическую роль, влияющую на частотность употребления подобных слов в различных функциональных стилях. Так, установлено, что научный стиль, избыточный терминологией, больше всего сконцентрирован на употреблении иноязычных слов и выражений. Публицистический стиль

в меньшей степени подвержен влиянию иноязычных слов, в то время как официально-деловой и художественный стили предполагают самую меньшую концентрацию иноязычных слов для передачи смысла, заложенного в тексте.

Безусловно, что необоснованное введение в родную речь иноязычных элементов засоряет родной язык, а использование заимствованных слов без учета семантики приводит к неточностям в высказываниях коммуникантов. Однако, как отмечают исследователи, набирает актуальность идея очищения русского языка, особенно литературного языка, от ненужных заимствований, возникает необходимость употребления иностранных слов в строгом соответствии с их значением, возрастает потребность в разумном предпочтении нерусским книжным словам общеупотребительных эквивалентов русских слов [6].

Так, в процессе коммуникации на родном языке не следует прибегать к иноязычным словам, если у таких слов есть русские эквиваленты, точно передающие аналогичное значение. Необходимо всегда помнить, что самые грубые ошибки возникают тогда, когда иноязычные слова употребляются без учета семантики слова. Иноязычные слова должны быть понятны и доступны коммуникантам [7]. Бесспорно, что многие иностранные слова, уместные и необходимые в специальной, научной и технической литературе, являются неуместными в статьях, брошюрах, докладах, лекциях, предназначенных для широкого круга читателей или слушателей и не затрагивающих узкоспециальных научных и технических вопросов [8–10].

Деятели науки, культуры, литераторы подчеркивают мысль о том, что только необходимость может сделать целесообразным использование заимствованных слов. В свою очередь В.Г. Белинский писал, что «в русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей», «...охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания противна здравому смыслу и здравому вкусу»³.

---

³ Родноречие. URL: <http://xn-d1acalxecme5e.xn-p1ai/> (дата обращения: 15.11.2017).

Только осмысленное отношение к использованию иноязычных слов в соответствии с их точным значением и стилистической коннотацией поможет избежать речевых ошибок, сохранить чистоту русской речи. Чистая речь свободна от языковых элементов, чуждых литературному языку, а также отвергаемых нормами нравственности слов и словесных оборотов. Чистота речи предполагает соблюдение не только языковых (в первую очередь стилистических в области произношения и словоупотребления), но и этических норм.

Согласно вышеизложенному становится очевидным, что заимствования не обогащают русский язык. Будучи веянием времени, заимствования только лишь способствуют ложному погружению в чужую, порой незнакомую культуру того народа, откуда пришли данные слова. Заимствования обогащают долю иностранных слов в языке, уменьшая при этом долю исконных русских слов, характеризующих истинный русский язык.

Список литературы

1. *Коккина И., Мамыркина А.* О проблеме заимствований в русском языке // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 9-11.
2. *Михайловская Н.Г.* Варианты «безэквивалентной» (экзотической) лексики // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983. С. 120-139.
3. *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
4. *Апресян Ю.Д.* О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 2.
5. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. СПб., 1999. 320 с.
6. *Вепрева И.Т.* О кодифицированной норме в современной культурно-речевой ситуации: Норма и мода // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006. С. 116-117.
7. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному языку и социолингвистике. М., 2004. 196 с.
8. Культура русской речи и эффективность общения / под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. М., 1996. 382 с.
9. *Волконский С.М.* О русском языке // Русская речь. 1992. № 2. С. 46-47.
10. *Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988. 242 с.

Поступила в редакцию 27.01.2018 г.
Отрецензирована 20.02.2018 г.
Принята в печать 26.04.2018 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Гончарова Наталья Александровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков и методики их преподавания. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация. E-mail: nata-alexa@mail.ru

Швецова Виктория Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vmsh72@yandex.ru
Для корреспонденции: Швецова В.М., e-mail: vmsh72@yandex.ru

Для цитирования

Гончарова Н.А., Швецова В.М. Иноязычные слова в родной речи: обогащение языка или символ чужой? // Нефилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 5-10. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-5-10.

BORROWED WORDS IN NATIVE SPEECH: ENRICHING THE LANGUAGE OR THE ALIEN SYMBOL?

Natalya Alexandrovna GONCHAROVA¹⁾, Victoria Mikhailovna SHVETSOVA²⁾

¹⁾ Michurinsk State Agrarian University
101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation
E-mail: nata-alexa@mail.ru

²⁾ Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vmsh72@yandex.ru

Abstract. General questions of functioning of borrowed words in native speech are revealed. It is noticed that there is no language in the world that is completely free from influences of foreign words. The native speech of the person is sated with borrowings. The long political, economic, military, cultural relations between countries enrich the language with borrowings. The use of foreign words in speech has a certain stylistic role, most clearly manifested in various functional styles, for example, in the scientific style, in the journalistic style, in the official business style and the artistic style. Constant borrowing contributes to an increase in the share of foreign words and a decrease in the proportion of Russian words. Borrowing enriches the foreign part of the language; the original part of the language is remained untouched. The introduction of foreign language elements into the speech clogs the native language. The use of borrowed words without the semantics leads to speech inaccuracies. We emphasize that the idea of clearing the language of unnecessary borrowing becomes urgent, it becomes obvious the necessity of using foreign words in accordance with the meaning of such words. A conscious attitude to the use of foreign words will help to avoid speech errors and preserve the purity of speech. We focus on the ambiguous attitude of native speakers towards the use of borrowed words in the process of communication.

Keywords: native speech; borrowing; enriching the language; alien culture

References

1. Kokina I., Mamyrkina A. O probleme zaimstvovaniy v russkom yazyke [On the problem of borrowed words in the Russian language]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2016, no. 7, pp. 9-11. (In Russian).
2. Mikhaylovskaya N.G. Varianty «bezekvivalentnoy» (ekzoticheskoy) leksiki [Variants of non-equivalent (exotic) lexis]. *Literaturnaya norma v leksike i frazeologii* [Literary Norm in the Lexis and Phraseology]. Moscow, 1983, pp. 120-139. (In Russian).
3. Krysin L.P. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Borrowed Words in the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 208 p. (In Russian).
4. Apresyan Y.D. O sostoyanii russkogo yazyka [On the Russian language condition]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1992, no. 2. (In Russian).
5. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi* [Linguistic Taste of the Epoch]. St. Petersburg, 1999, 320 p. (In Russian).
6. Vepreva I.T. O kodifitsirovannoy norme v sovremennoy kul'turno-rechevoy situatsii: Norma i moda [On the codified norm in the modern cultural and speech situation: Norm and fashion]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoy normy* [The Russian Language Today. Issue 4. Problems of Linguistic Norm]. Moscow, 2006, pp. 116-117. (In Russian).
7. Krysin L.P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, One's and Other's: Studies on the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow, 2004, 196 p. (In Russian).
8. Graudina L.K., Shiryayev E.N. (eds.). *Kul'tura russkoy rechi i effektivnost' obshcheniya* [Culture of the Russian Speech and Communication Efficacy]. Moscow, 1996, 382 p. (In Russian).
9. Volkonskiy S.M. O russkom yazyke [On the Russian language]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1992, no. 2, pp. 46-47. (In Russian).

10. Serebrennikov B.A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [Role of the Human Factor in Language. Language and Thinking]. Moscow, 1988, 242 p. (In Russian).

Received 27 January 2018

Reviewed 20 February 2018

Accepted for press 26 April 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Goncharova Natalya Alexandrovna, Doctor of Pedagogy, Professor of Foreign Languages and Methods of Its Teaching Department. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: nata-alexa@mail.ru

Shvetsova Victoria Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vmsh72@yandex.ru

For correspondence: Shvetsova V.M., e-mail: vmsh72@yandex.ru

For citation

Goncharova N.A., Shvetsova V.M. Inoyazychnye slova v rodnoy rechi: obogashchenie yazyka ili simvol chuzhoj? [Borrowed words in native speech: enriching the language or the alien symbol?]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 5-10. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-5-10. (In Russian, Abstr. in Engl.).

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-11-17
УДК 398.54+81.282

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОБРЯДОВЫХ ИГРАХ РУССКОГО НАРОДА

Галина Анатольевна БАУДЕР, Людмила Игоревна ПОЛУНИНА

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

E-mail: tatmila@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время значительный интерес вызывают исследования, посвященные изучению русского национального характера. Русский народ нуждается в утверждении национальных достоинств на уровне всестороннего анализа национального характера (каждая нация неповторима в своей индивидуальности). Возникающий интерес и желание понять характерные черты русского национального характера объясняют его необычность и непонятность: доброта, широта души, веселье, рассудительность и т. д. Данные особенности закладываются характерными особенностями ландшафта и климата (равнинность и северное расположение). Существование внешней угрозы и необходимость быстрой мобилизации явились определяющим фактором, который оказал существенное влияние на политический и социальный уклад русских земель. Выполнение оборонительных задач, которые русский народ осуществлял на протяжении первых этапов своей истории, наложило отпечаток на русский народный характер. После нашествия степняков русские люди были заняты обустройством и восстановлением государства. По мнению К.Д. Ушинского, язык соединяет людей в одно великое историческое целое: «Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно эта сама жизнь... Новую родину даже может создать народ, но языка – никогда; вымер язык в устах народа – вымер и народ».

Ключевые слова: русский национальный характер; православие; российский менталитет; социальная организация общества

В настоящее время необычайно актуальны исследования, посвященные изучению русского национального характера. Сегодня русский народ нуждается в подтверждении своих национальных достоинств, в том числе на уровне анализа национального характера. Являясь частью всемирно-исторического процесса, каждая нация неповторима в своей индивидуальности. Необычность и непонятность русского национального характера возбуждают интерес и желание объяснить и понять его характерные черты.

Основными чертами русского народного характера являются широта души, веселье, рассудительность и т. д. Они закладываются характерными особенностями ландшафта и климата: северным расположением и равнинностью.

Главный фактор, который оказал существенное влияние на политический и социальный уклад русских земель – существование внешней угрозы и необходимость быстрой мобилизации.

Отпечаток на русский народный характер наложило выполнение оборонительных задач, которые русский народ осуществлял на протяжении первых этапов своей истории. Русские люди были заняты обустройством и восстановлением государства после нашествия степняков [1].

К.Д. Ушинский считал, что язык соединяет людей в одно великое историческое целое. «Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно эта сама жизнь... Новую родину даже может создать народ, но языка – никогда; вымер язык в устах народа – вымер и народ [2, с. 541-542].

Особого внимания заслуживают диалектизмы, которые подразделяются на пять наиболее общих групп слов.

1. Лексические диалектизмы – слова местного происхождения, чаще производные от корней, существующих в литературном языке. Ср.:

колгота – суетливое поведение;

могуты (могутов нет) – нет силы что-то делать;

абапольник – наговорщик, пустобрех, болтун;

шебола – неумеха, бесполезный игрок;

шеболда – бездельник, плохой игрок.

2. Словообразовательные диалектизмы – слова местного происхождения, отличающиеся морфемным составом от слов литературного языка. Ср.:

знакомка – хорошая знакомая;

веселуха – веселая в игре девушка;

игривица – кокетка, любящая играть девушка.

3. Фонематические диалектизмы – слова, отличающиеся одной или несколькими фонемами от литературных слов. Ср.:

силяк – силач;

тишки – кишки.

4. Семантические диалектизмы – слова, одинаковые по звучанию с соответствующими словами литературного языка, но имеющие иное значение. Ср.:

игрец – хороший умелый игрок;

кричать – плакать, причитать, громко произносить слова;

стыдливый – скромный, незаметный;

бабка – игральная кость;

женка – детский мяч.

5. Грамматические диалектизмы – слова, имеющие иную по сравнению с литературным языком родовую принадлежность. Ср.:

яблок – яблоко;

полотенце – полоте'нец;

мяса – мясо;

коромысел – коромысло.

Принцип предикативной репрезентации отношений вне языковой действительности свойственен игровому творчеству [3; 4]. Изображение различных событий, реалий, фактов как самоценных величин, обладающих равной эстетической значимостью, обуславливает единая предикативная форма представления разных экстралингвистических отношений. В центре внимания в игровом контексте стоит человек [5; 6].

Языковым материалом, используемым игроком в процессе игры, служит система местного говора, которым он пользуется в обиходном общении, со свойственным ей словарным составом, фонетическим, грамматическим и словообразовательным строем. С течением времени происходит обработка

диалектных средств, которая в большей или меньшей степени ориентирована на нормы современного русского языка [7].

Рассматривая любую игру как речевое произведение, мы отмечаем уникальное поэтическое творчество, так как в процессе игры дети «подвергают» свои мысли целенаправленной сознательной обработке, обогащая свое общение друг с другом образами, у которых нет автора, как нет автора у игры. Эстетические свойства в игровой лексике, в тексте игры определяются, как нам думается, не речевым отбором и сочетаниями присутствующих данному говору языковых средств, а использованием особой маркированной системы форм его организации. Приходим к выводу, что игра как текст создается средствами языка, а не речи.

Кубар' – этъ шар, што 'ыз д'эр'ыва, был он раскрашын'ь, над'авал'сы нъ д'эр'ыв'анну'у ношку, а в'эр'тыца как валч'ок. Зъпуска'ут' кубар' рукамы. Тап'эр'ыч'ъ сър'ывнаван'ы'а – ч'э'ъ кубър' дол'шы в'эр'тыца. А как'и'ъ пастаршы р'ыб'аты – то і'ыш'ш'о 'ыурал'ы – ч'э'ъ дал'шы у'д'от' (Бондарский р-он, с. Чернавка, В.Н. Попов, 1924 г. р., запись 1994 г.).

Б'ыр'ул'к'ы – так'ы ф'ыгурк'ы. Д'эль'ыс' 'ыс кост'ы ал'ы д'эр'ва. Этъ ч'а'ын'к'ы, съмавары, ч'ашыч'к'ы, зв'оздыч'к'ы. Б'ыр'ул'к'ы складывъл'ы ф к'рабок, тр'ахал'ы 'ы вывал'ывъл'ы на стол. У таво, хто 'ыурал, был'ы д'ыр'ыв'анны'ъ ал' жал'эзны'ъ кр'уч'к'ы. Эт'ым'ы кр'уч'кам'ы цапл'ал'ы б'ыр'ул'к'ы, штоп н'ы з'цап'ыт' друу'о'ъ 'ы лажыл'ы к саб'э. і'эс'л'ы з'цап'ыл, то нъч'ына'ыт' друу'о'ъ. Пъб'ажда'ыт' тот, хто бол'ъ ф'с'эх набрал б'ыр'ул'ык (Бондарский р-он, с. Максимовка, А.С. Кириллова, 1931 г. р., запись 1993 г.).

'Б'урак'ы станов'аца ф крук. Ад'ын вод'ыт'. Вад'ашш'ы'ъ б'эу'а'ыт' по крууу зад'ы 'ы н'ызам'этнъ клад'от' платок. Тот, каторьму п'ялажыл'ы платок, должън і'аво падн'ат' 'ы пасал'ыт' вад'ашш'ыва, што па крууу б'ажыт'. і'эс'л'ы жъ 'ыурук этъвъ н'ъ зам'эт'ыт', то вад'ашш'ы'ъ, када крук аба'д'от', станов'ыца простъ 'ыураком. А тот, хто н'ъ зам'эт'ыл платоч'ык, станов'ыца вад'ашш'ым. 'Б'ура пръдалжа'ыца (Бондарский р-он, с. Макси-

мовка, А.С. Кириллова, 1931 г. р., запись 1993 г.).

Кажны'ъ б'ар'от' с'аб'э па шес'т' шл'уш'к. Кажн'му над'т' па оч'ыр'ыд'ы падброс'ыт' адну шл'ушку так, штобы эн'ты астал'ны'ы разб'ыл'ыс'. і'эсл'ы разб'ыл, браса'ыт' снова. і'эсл'ы н'ы разб'ыл, так далжон брасат' друу'о'ъ. Брасал'ы па мноуу разоф, пака ус'э н'ы р'эзаб'і'уца. Эт'т' 'ы вы'гур'ыл. Хто вы'гур'ыл, тот 'ы б'ар'от' с'аб'э ус'э шл'уш'к'ы (Мичуринский р-он, с. Жидиловка, Т.И. Соловых, 1929 г. р., запись 1992 г.).

С'б'ыраі'уца р'аб'аты на пол'ъ 'ы р'ысу'і'ут' ч'ыр'ту, за н'э'ъ і'амку, шауу два ат н'аі'о. А патом і'ыш'ш'о адну, тож'ъ шауа за два ат п'эрвы'ъ. Станав'ыл'ыс' у ч'ыр'ты 'ы брасал'ы в'іамкы шыш'к'ы, камуш'к'ы так'ы'б'ъ. А хто пр'эмахн'оца, тот 'ы в зат станов'ыщ'э, а хто п'эпад'от' в і'амк'ы, тот 'ы уч'ын'ык. Хто п'эпадаі'ыт' патом снач'аль в дал'н'уі'у, а патом в бл'ыжн'уі'у, тот п'эдмаст'эр'і'а (Первомайский р-он, с. Хоб. Богоявленское, В.Е. Попова, 1930 г. р., запись 1989 г.).

Языковые единицы, объединенные темой «человек», выделяются среди лексем, характеризующих людей по характерным признакам: полу, возрасту, социальному положению, морально-нравственным и интеллектуальным качествам, подчеркивающим образ жизни и, конечно же, характер человека. Рассмотрим примеры.

Гуляка (развратный, распутный человек): [Он в мольдас'т'ы да 'ыгур ахоч'ы'ъ был, 'ызв'эсны'ъ гур'ака] (Мичуринский р-он, с. Борщевое, М.А. Невзорова, 1923 г. р., запись 1998 г.).

Проньра (хитрый, коварный человек): [Харошы'ъ 'ыгрок – зт' праныра знач'ыт'] (Мичуринский р-он, с. Борщевое, П.А. Пенина, 1923 г. р., запись 1993 г.).

Шельма (плут, мошенник): [Х'ытрьва 'ыграка пр'эзывал'ы шэл'мь'ъ']. [Х'ытры'ъ был шэл'ма, лав'ы – н'ъ лав'ы, н'ъ п'ъ'маі'ыш] (Мичуринский р-он, с. Стаево, Г.Б. Кастрикин, 1936 г. р., запись 1994 г.).

Хват (в простореч. означает человека предприимчивого, смелого и проворного): [Он у нас п'эрвы'ъ хват в 'ыгур'э 'ыгурат', п'эс'н'ы з'вад'ыт']. (Никифоровский р-он, с. Киселевка, С.Ф. Савилова, 1931 г. р., запись 1995 г.).

В игровом тексте важное место занимает ключевое слово, которым называется игра. Слово называется информатором [8]. Ключевое слово мотивирует всю последующую организацию текста. Эффект игры достигается:

1) последовательностью присоединения новых игроков;

2) многократностью повторов тех или иных конструкций;

3) наличием рифмы и счета:

а) Тан'ы-бан'ы, што пад нам'ы,
П'эд жал'эзным'ы сталпам'ы?

Или:

б) Рас, два н'ы варон',
Б'ауы, как ауон'!

Интересно особое средство текстообразования – номинация субъекта действия по названию игры, то есть наименование лиц – игроков:

а) по отношению к действию («затевщик», «водительщик», «заводник», «начинщик», «зачинщик», «жилак», «обыграла», «окула», «выкупала», «биток», «закатай», «выжигала», «подавальщик», «заводила» и ряд других);

б) по месту действия в играх («майданник», «заугольник»);

в) по определенной роли в играх («большуха», «бабка», «десятник», «матка», «детка», «передовка»). Заслуживает внимания обилие глагольной лексики, которая несет большую эмоциональную и экспрессивную нагрузку. Отмечаем множество лексем, характеризующих состояние чувств человека («остолбенеть», «оторопеть», «одуреть», «оцепенеть», «обомлеть», «осатанеть»); лексем, обозначающих речемыслительные процессы («наклепать», «журить», «баить», «хвастать»);

г) лексем, характеризующих поведение человека: («выкликать», «ветреничать», «зевать», «гикать», «куликать», «жеманиться», «мыкаться», «ловчиться», «пристраститься», «разгаляндаться», «развиливать», «таскаться», «сварнакать», «шататься»). Отмечается обилие глагольной лексики, предполагающей функцию воздействия на других людей («волочиться», «гвоздить», «пхнуть», «поджигать», «потакать», «подъяривать», «скопытить», «стращать»).

Исходя из понимания, что текст – это особый способ передачи и шлифовки когни-

тивной информации, именно сигнификативная функция значения выполняет роль национального, этнографического коррелята. Обрядовая игровая лексика, являясь средством передачи эмоционального опыта, традиционно для крестьянского социума, наглядно свидетельствует о распространении в быту не только в прошлом, но и в современной жизни (насколько можно судить по сегодняшним диалектологическим экспедициям) игровых поэтических текстов. Основная функция игровой лексики наряду с самими играми – эстетическая, создание образа. Поэтическая функция в игре, наряду с другими, не менее важными (скажем, познавательной), доминирует.

Сигнификативная функция в игровом тексте подчиняет номинативную, коммуникативную, прагматическую, являясь обобщающим знаком, являясь знаком знака, то есть символом. Текст как коррелят игровой ситуации обладает качеством сигнала, он как бы отсылает к какому-то ответному действию, вызывает заранее известное поведение и предполагает заданную схему этого поведения. Игровой текст может сворачиваться, сжимать информацию. Такое состояние семиотической системы В.Г. Руделев называет одним общим термином – нейтрализация. Сжатая концентрация информации приводит к неразличению слова и действия [9]. Не случайно в обрядовых игровых текстах так широко используется диалогический характер речи. В игровом тексте всегда отмечается побуждение к действию и ответная реакция.

Интересна мысль Л.Н. Мурзина о том, что даже когда формируется мысль, «мы тем самым уже производим актуальное членение» [10].

Особое свойство текста – постоянное воспроизведение текста игры, стремление к внешним повторам. По определению Ю.Н. Караулова, прецедентность – это качество текста, которое играет существенную роль для познавательного и эмоционального развития личности [11]. В тексте игры слово обретает символическое, даже ритуальное (порой, вовсе забытое) значение.

Преемственность качеств и черт национального характера обеспечивается социальными средствами передачи общественно-исторического опыта поколениями. Его

нельзя «корректировать», но он подвержен определенным изменениям.

Национальный характер – это совокупность психологических качеств, сформированных у представителей нации в определенных исторических, природных, социально-культурных и экономических условиях ее развития.

Черты характера можно определить в соотнесении с общей системой ценностей, которые зависят от образа жизни народа, его географических и социально-экономических условий.

В современной этнопсихологии понятие национального характера является до сих пор наиболее дискутируемым.

Феномен русского национального характера во всей его сложности и противоречивости всегда притягивал к себе внимание тех, кто с ним соприкасался. Особого внимания заслуживает книга русского философа Н.О. Лосского «Характер русского народа», где автор дает следующий перечень основных черт, присущих русскому национальному характеру: религиозность русского народа, высокое развитие нравственного опыта, чувство и воля, свободолюбие, доброта, жестокость, веселье, открытость.

Русский национальный характер складывался на протяжении веков под воздействием множества факторов: влияние христианства и византийской культуры, рост российского государства и взаимодействие с иными этносами, промежуточное положение России между Европой и Азией. В основном все сводится к религии, истории и географии. Реже говорят о наследственности, о «генетических русских». Существует мнение, что современными русскими называют смесь из финно-угров, татар и славян.

На формирование русского культурного характера большое влияние оказало принятие в X веке христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме. Русский человек изначально был подготовлен к восприятию православия всем ходом собственного развития. Православие не захватывало человека целиком, оно руководило лишь религиозно-нравственным бытом русского народа, то есть регулировало церковные праздники, семейные отношения, времяпрепровождение (при этом обычная

будничная жизнь русского человека не затрагивалась им). Такое положение вещей предоставляло свободный простор самобытному национальному творчеству.

У русских нет врожденного стремления пустить пыль в глаза, тяги к деньгам, немецкой педантичности, американского снобизма, японского трудолюбия... Но невозможно выделить характерной, достаточно яркой черты, которая стала бы характерной чертой всей нации. В настоящее время Россия переживает не лучшие времена. Нам предстоит возродить в себе все лучшие черты, которые были потеряны, и изжить недостатки, которые переросли в пороки.

Список литературы

1. Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1982. Т. 41. № 5. С. 397-405.
2. Ушинский К.Д. Родное слово. Избранные педагогические сочинения. М., 1954. Т. 2.
3. Аникин В.П. Народная игра как художественный феномен // Филологические науки. 1996. № 3. С. 14-25.
4. Овдей Л.М. Семантическая и структурная характеристика лексики русских народных
5. спортивных игр (на материале имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1979. 18 с.
6. Игры народов СССР / сост. Л.В. Былеева, В.М. Григорьев. М., 1985. 137 с.
7. Игры народов СССР / сост. В.Н. Всеволодский-Гернгросс, В.С. Ковалева, Е.И. Степанова. Москва; Ленинград, 1931. 270 с.
8. Подгаецкая И.М. Воспитание у учащихся интереса к изучению русского языка. М.: Просвещение, 2005. 263 с.
9. Горбунов Б.В., Ефимов Л.Ф., Ефимова Е.А. Традиционные народные игры и забавы Рязанского края. Рязань, 1994. 142 с.
10. Руделев В.Г. Об основных постулатах современной лингвистической теории // Грамматические классы слов русского языка. Тамбов, 1976.
11. Мурзин Л.Н. Текст и актуальное членение предложения // Деривация и семантика: Слово – предложение – текст. Пермь, 1986. С. 76-79.
12. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 97 с.

Поступила в редакцию 29.11.2017 г.

Отрецензирована 23.12.2017 г.

Принята в печать 26.04.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Баудер Галина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация. E-mail: tatmila@yandex.ru

Полунина Людмила Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская обл., Российская Федерация. E-mail: tatmila@yandex.ru

Для корреспонденции: Полунина Л.И., e-mail: tatmila@yandex.ru

Для цитирования

Баудер Г.А., Полунина Л.И. Психолого-педагогический аспект национального характера в обрядовых играх русского народа // Нефилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 11-17. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-11-17.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT OF NATIONAL CHARACTER IN RITUAL GAMES OF RUSSIAN PEOPLE

Galina Anatolevna BAUDER, Lyudmila Igorevna POLUNINA

Michurinsk State Agrarian University
101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation
E-mail: tatmila@yandex.ru

Abstract. Nowadays there is a great interest to researches, which explore Russian national character. Russian people feel the need in national merits consolidation on the level of detailed analysis of national character (each nation is unique). The interest and desire to explain and comprehend peculiarities of Russian national character can be understood due to its extravagance and obscurity: kindness, great heartedness, merriment, reasonableness, and etc. These peculiarities are based on peculiar features of landscape and climate (plainness and northern location). The existence of an external threat and the need for rapid mobilization were the determining factor that had a significant impact on the political and social structure of the Russian lands. The implementation of the defensive tasks that Russian people carried out during the first stages of its history left its mark on Russian national character. After the invasions of the steppes, the Russian people were busy with the arrangement and restoration of the state. According to K.D. Ushinskiy the language unites people in one great historic entity: “It not only expresses the life of the people, but it is the life itself... The people can make a new homeland, but they can never make a language; if the language of the people is dead – the people are dead”.

Keywords: Russian national character; Orthodoxy; Russian mentality; social organization of society

References

1. Tolstoy N.I. Nekotorye problemy i perspektivy slavyanskoy i obshchey etnolingvistiki [Some issues and prospects of Slavic and general etnolinguistics]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya Literatury i Yazyka*, 1982, vol. 41, no. 5, pp. 397-405. (In Russian).
2. Ushinskiy K.D. *Rodnoe slovo. Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya* [Native Word. Selected Pedagogical Works]. Moscow, 1954, vol. 2. (In Russian).
3. Anikin V.P. Narodnaya igra kak khudozhestvennyy fenomen [Folk game as artistic phenomenon]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1996, no. 3, pp. 14-25. (In Russian).
4. Ovdey L.M. *Semanticheskaya i strukturnaya kharakteristika leksiki russkikh narodnykh sportivnykh igr (na materiale imen sushchestvitel'nykh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic and Structural Characteristic of Russian Folk Sports Games Lexicon (On the Material of Nouns). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Saratov, 1979, 18 p. (In Russian).
5. Byleeva L.V., Grigorev V.M. (compilers). *Igry narodov SSSR* [Games of the USSR Peoples]. Moscow, 1985, 137 p. (In Russian).
6. Vsevolodskiy-Gerngross V.N., Kovaleva V.S., Stepanova E.I. (compilers). *Igry narodov SSSR* [Games of the USSR Peoples]. Moscow, Leningrad, 1931, 270 p. (In Russian).
7. Podgaetskaya I.M. *Vospitanie u uchashchikhsya interesa k izucheniyu russkogo yazyka* [Nurturing the Interest to Learning Russian among Students]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2005, 263 p. (In Russian).
8. Gorbunov B.V., Efimov A.F., Efimova E.A. *Traditsionnye narodnye igry i zabavy Ryazanskogo kraya* [Traditional Folk Games and Amusements of the Ryazan Region]. Ryazan, 1994, 142 p. (In Russian).
9. Rudelev V.G. Ob osnovnykh postulatakh sovremennoy lingvisticheskoy teorii [On basic postulates of modern linguistic theory]. *Grammaticheskie klassy slov russkogo yazyka* [Grammatical Classes of the Russian Language Words]. Tambov, 1976. (In Russian).
10. Murzin L.N. Tekst i aktual'noe chlenenie predlozheniya [Text and actual division of a sentence]. *Derivatsiya i semantika: Slovo – predlozhenie – tekst* [Derivation and Semantics: Word – Sentence – Text]. Perm, 1986, pp. 76-79. (In Russian).

11. Karaulov Y.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Persona]. Moscow, 1987, 97 p. (In Russian).

Received 29 November 2017

Reviewed 23 December 2017

Accepted for press 26 April 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Bauder Galina Anatolevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: tatmila@yandex.ru

Polunina Lyudmila Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: tatmila@yandex.ru

For correspondence: Polunina L.I., e-mail: tatmila@yandex.ru

For citation

Bauder G.A., Polunina L.I. Psikhologo-pedagogicheskiy aspekt natsional'nogo kharaktera v obryadovykh igrakh russkogo naroda [Psychological and pedagogical aspect of national character in ritual games of Russian people]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 11-17. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-11-17. (In Russian, Abstr. in Engl.).

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИИ ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Татьяна Владимировна ЖМАЙЛО

Павлодарский государственный педагогический университет
140002, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60
E-mail: tatyana161282@mail.ru

Аннотация. Оценка рассмотрена как онтологическая характеристика человека. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом ученых к изучению категории оценки. Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий и признается основным способом отражения системы ценностей человека в языке. Оценка рассматривается как универсальная категория текста. Проанализированы типы категории оценки: эмоциональная, интеллектуальная, эмоционально-интеллектуальная. Оценка представляет собой специфическое системное аффективно-когнитивное, оценочно-самооценочное психическое образование, выполняющее важную функцию человеческого сознания, регулирующую поведение и деятельность индивида. Комплексным методом исследования рассмотрены основные характеристики оценочной деятельности человека. Проанализированы прототипы адаптивного поведения индивида. Обосновано влияние адаптивных стимулов на эмоционально-поведенческие реакции на основе деятельностного подхода. Представлены функции оценочных суждений. Выявление оценки лексических единиц осуществляется на основе сем «хорошо» или «плохо», так как положительное или отрицательное значение этих сем не вызывает сомнений. Оценочность может быть выражена в денотативном и коннотативном значениях, оценка может появиться окказионально, то есть под влиянием контекста или фоновых знаний. Благодаря контексту лексические единицы, не имеющие никаких оценочных семантических признаков, могут стать оценочными и менять оценочный знак на противоположный в зависимости от ситуации, при этом данные суждения всегда антропоцентричны.

Ключевые слова: оценка; эмоции; онтология; психология; внутренние и внешние раздражители; модальность; человеческое сознание

Одной из важнейших функций человеческого сознания является оценочная функция, позволяющая человеку вырабатывать оценочное суждение относительно того или иного объекта окружающей действительности на основе воспринимаемого и познаваемого [1, с. 102]. При этом философы указывают, что биологической предпосылкой оценки является эмоция (эмоция – особый психофизиологический механизм, удерживающий жизненные процессы в их оптимальных пределах и закрепляющий правильность и полноту совершающегося акта, его соответствие исходной потребности) [2, с. 157]. Но с психологической точки зрения это не совсем так. Во-первых, люди, далекие от психологии, часто под термином эмоция понимают и аффекты, и драйвы (мгновенную интеграцию как внешних, так и внутренних раздражителей), и сами эмоции. Во-вторых, оценка и эмоция имеют общую прототипическую психическую аффективно-когнитивную основу,

из которой они развиваются. В своей структуре они обнаруживают аффективный компонент, дающий и эмоции, и оценку валентности или модальности (положительную или отрицательную), а также когнитивный компонент. Когнитивный компонент определяет то, что акт оценивания и эмоциональное переживание (эмоция, а не аффект или драйв) сопровождаются обдумыванием, осмыслением факта, предмета, ситуации.

Человеку свойственно испытывать чувство недовольства собой и окружающей действительностью. Это чувство является основным двигателем развития личности человека. Однако в своем развитии человек может ошибаться, «падать» и «подниматься», поскольку процесс развития личности человека не является ни линейным, ни прогрессирующим. Это сложный процесс. Принято считать, что в теологии «первородный грех», то есть онтологическая вина, понимаемая как чувство неудовольствия при естественном

стремлении живого организма к удовольствию, заставляет чувства человека постоянно балансировать между удовольствием и неудовольствием. Это дает почву как для возникновения эмоций, так и для адаптации человека к окружающей действительности, то есть для развития его личности [3, р. 9]. Такое свойство живого организма балансировать между удовольствием и неудовольствием в комплексе первичных эмоций человека, разработанном Р. Плутчиком, выступает аффектом или драйвом и придает валентность той или иной эмоции. Р. Плутчик рассматривает эмоции в качестве средства адаптации, играющего важную роль в выживании на всех эволюционных уровнях. Р. Плутчик выделил базовые прототипы адаптивного поведения и соответствующие им эмоции (аффективно-когнитивные структуры) (табл. 1). Причем первичные эмоции в классификации Р. Плутчика представлены аффективно-когнитивными адаптивными цепочками: «стимул + аффект (драйв) + поведенческая реакция = первичная эмоция». Вторичные эмоции выступают комбинациями первичных эмоций, например: «гордость = гнев + радость», «любовь = радость + принятие», «любопытство = удивление + принятие», «скромность = страх + принятие», «ненависть = гнев + удивление», «вина = страх + радость или удовольствие», «сентиментальность = принятие + горе». Социальные регуляторы (феномены суперэго), по Р. Плутчику, вы-

ступают сочетаниями страха и других эмоций [4, с. 53].

В ходе антропосоциогенеза аффективно-когнитивные структуры трансформируются в результате интеграции внешних социальных и внутренних адаптивных стимулов. Нормативно признаваемые либо осуждаемые социумом эмоционально-поведенческие реакции определяют выбор поведения индивидом. Социализация индивида обуславливает возникновение социальных эмоций, таких как эмпатия, симпатия, антипатия, связанных с пробуждающимся осознанием предпочтительности той или иной социальной эмоции в определенном социуме или определенной ситуации. При этом вырабатывается устойчивый ритм опредмечивания/распредмечивания, социально поощряемые эмоционально-поведенческие реакции интериоризируются, а интенциональный язык дифференцируется, обретая способность регулировать отношение человека к окружающему его миру, а также межличностные отношения членов социума.

В результате антропосоциогенеза оценочное отношение человека к окружающему его миру, покоящееся на адаптивных аффективно-когнитивных оценочно-самооценочных структурах психики человека, трансформируется в аксиологическое отношение к объектам и явлениям мира в соответствии с оценочными конвенциями социума, к которому человек принадлежит [5]. Оценка выступает он-

Таблица 1

Аффективно-когнитивные структуры

Вода, пища	Удовольствие «+»	Инкорпорация – поглощение пищи, воды	Принятие
Невкусная, горькая пища	Неудовольствие «-»	Отвержение – отторжение, экскреция, рвота	Отвращение
Препятствие на пути к удовольствию	Неудовольствие «-»	Разрушение, устранение препятствия	Гнев
Боль, угроза боли	Неудовольствие «-»	Защита	Страх
Сексуальный объект	Удовольствие «+»	Репродуктивное поведение – реакции, сопутствующие сексуальному поведению	Радость
Потеря объекта, приносящего удовольствие	Неудовольствие «-»	Депривация, изоляция, одиночество	Горе
Незнакомый объект	Неудовольствие «-»	Ориентировка как реакция на контакт с новым, незнакомым объектом	Испуг
Интересная местность	Удовольствие «+»	Исследование – более или менее беспорядочная, произвольная активность, направленная на изучение окружающей среды	Надежда или любопытство

тологической характеристикой человека, под которой в философии понимается категория, выражающая аксиологическое отношение человека к нормативно-представленному многообразному миру предметов человеческой деятельности и возможностям их познания и освоения.

Природа оценочной категоризации всегда в большей степени субъективна, поскольку она является результатом сложных физиологических и психологических процессов и связана со шкалой ценностей индивида и существующими в социуме конвенциями, нормативами и стереотипами. Объективность в свою очередь поддерживается содержанием оцениваемого объекта.

Категории оценки свойственна вариативность как в диахроническом, так и синхронном аспектах. Иными словами, концепция оценки может меняться как при переходе от одной исторической эпохи к другой: в ретроспективе и перспективе, так и в случае, если мы имеем дело с разными социальными (либо социально-политическими, конфессиональными и пр.) группами людей, живущими в один и тот же исторический период времени.

Под этим углом зрения К. Манхейм пишет о кризисе оценки, который выражается в исчезновении общепринятого критерия ценностей либо тяготеющего к нему представления о ценностях, в углублении несовпадения оценки буквально по всем вопросам жизни между представителями разных социальных, социально-политических, конфессиональных и прочих общественных групп [2, с. 158].

Современные философы отмечают, что оценка становится универсальным способом выражения углубляющейся аксиологизации сегодняшней социальной жизни и показателем всевозрастающей релятивности ценностных ориентиров. Человеку свойственно критическое (оценочное) отношение к окружающему его миру, при этом в структуре феномена оценки всегда присутствуют аффективный и когнитивный компоненты, связь между которыми усложняется по мере развития психики человека. В процессе развития индивидуальной психики на основе аффективно-когнитивной структуры возникает аффективно-когнитивный оценочно-са-

мооценочный комплекс. В различных ситуациях и на различных этапах развития индивидуальной психики человека в деятельности аффективно-когнитивных оценочно-самооценочных структур может преобладать какой-либо из компонентов: аффективный либо когнитивный. При преобладании аффективного компонента в аффективно-когнитивном оценочно-самооценочном комплексе можно говорить об эмоциональной (незрелой) оценке. Преобладание когнитивного компонента позволяет говорить об интеллектуальной оценке. Интеллектуальная оценка сопровождается рассуждением прагматического характера (с точки зрения в основном утилитарности факта, предмета, ситуации и т. п.) и лишена переживания. Зрелая оценка – это эмоционально-интеллектуальная оценка, в структуре которой аффективный и когнитивный компоненты, связанные между собой довольно сложным образом, уравнивают друг друга.

Исследователь Г.Ф. Иванова отмечает, что в лингвистике оперируют тремя типами оценки [6, с. 20]. Однако Г. Ф. Иванова, перечисляя типы оценки, ставит эмоциональную оценку, основанную на аффективно-когнитивных оценочно-самооценочных структурах психики человека, на второе место. В свою очередь мы придерживаемся точки зрения, что данная оценка возникает раньше в процессе развития психики человека и дает основание для развития как интеллектуальной, так и в дальнейшем эмоционально-интеллектуальной оценки.

В современной лингвистике, таким образом, различают три типа оценки: 1) эмоциональная оценка, основанная на деятельности аффективно-когнитивных оценочно-самооценочных структур психики человека, с преобладанием аффективной составляющей, реализуется как приписывание свойств, часто объективно не присущих референту, например: *scoundrel* (негодяй, прохвост); 2) интеллектуальная оценка также основана на деятельности аффективно-когнитивных оценочно-самооценочных структур с преобладанием когнитивного компонента, поэтому включает рационально-оценочное суждение о свойствах, объективно присущих референту, например: *bad, hooligan, etc.*; 3) эмоционально-интеллектуальная оценка, представляю-

щая собой комбинацию эмоциональной и интеллектуальной оценки, в структуре которой уравновешены аффективный и когнитивный компоненты, например: *blockhead* (дубина), *babbler* (пустомеля), *etc.*

Оценочность в языке проявляет себя, прежде всего, на лексическом уровне, в связи с чем в лингвистике широко распространены попытки разграничить эмотивную и оценочную лексику на основе наличия или отсутствия эмотивного значения в семантике лексической единицы. Однако и в случае оценочной лексической единицы, и в случае эмотивной положительную или отрицательную валентность (модальность) семантическому значению сообщает аффективный компонент. Но в случае, если мы имеем дело с оценочной лексикой, аффективный компонент может оказаться не в значительной степени активным и уступать по степени актуализации когнитивному компоненту. Поскольку способность к оценочной категоризации, в равной степени как и эмоциональность, является индивидуальной физиологической и психической характеристикой личности человека, то проводить систематизацию вербализированных языковых оценочных структур, например: разграничивать эмотивную и оценочную лексику по семантическому признаку «эмотивность», на наш взгляд, представляется сложной задачей.

Касательно вопроса разграничения оценочной и экспрессивной лексики, В.Н. Телия предлагает широкое толкование феномена «экспрессивность», которое вбирает в себя все способы выражения экспрессивности: стилистический, эмоциональный, оценочный, образный и т. д. На этом основании образовано множество терминологических атрибутивных словосочетаний: эмоционально-экспрессивное, экспрессивно-стилистическое, оценочно-экспрессивное и т. д. [7, с. 27]. В таком широком понимании экспрессивность – это выразительность, детерминированная целым комплексом различных языковых и контекстуально-речевых средств.

В лингвистике широкое распространение получили понятия «общей или чистой оценки», базовыми оценочными концептами которой выступает оппозиция «плохой/хороший», в максимально концентрированном виде выражающая отрицательную и положи-

тельную валентность (модальность). Валентность задается аффективным компонентом в структуре феномена «оценка», и частные оценочные значения, сочетающие в себе дескрипцию и оценку, выводимые на том или ином основании, находящемся в прямой зависимости от индивидуальных ценностных ориентиров личности человека, которые складываются на основе социальных стереотипов языковой группы, к которой индивид принадлежит.

Классификации частных оценок, разработанные исследователями Н.Д. Арутюновой и Н.Н. Болдыревым [8; 9], соотносятся в общих характеристиках. Полагаем, что в классификации Н.Д. Арутюновой возможно рассмотреть порядок перечисления оценок, поскольку с точки зрения психологии личности сначала у человека развивается эстетический вкус на основе базовой дихотомии «плохой/хороший». Американский психолог Дж. Левинджер отмечает, что ребенок «ощущает» глазами. «Красивое» ласкает глаз, «страшное и уродливое» пугает, заставляет плакать. Для ребенка в раннем возрасте концепты «хороший» и «красивый» являются синонимичными понятиями, в равной степени как «плохой» и «уродливый». Первенство эстетического вкуса у человека закреплено в библейской легенде о яблоке, когда Ева, пленившись сочными и румяными яблоками, сорвала плод с дерева познания Добра и Зла, половину съела сама, а другую отдала Адаму. Эта легенда имеет прямую связь с более ранней древнегреческой легендой о Парисе, которому нужно было выбрать среди трех богинь самую красивую и вручить ей золотое яблоко. Парис выбрал Афродиту, из-за чего богини перессорились. В данном контексте можно предположить, что познание начинается с эстетической оценки.

В эмоциональной оценке аффективный компонент оказывается более актуализированным, чем когнитивный. Ребенок может испытывать физическую боль и эмоциональный дискомфорт, но объяснить это состояние не может, жалуясь на то, что у него «болит», поскольку он не в состоянии дифференцировать физическое состояние и эмоциональное, чувствуя несчастным, печальным или, наоборот, радостным и счастливым. Гедоническая оценка или сенсорно-вкусовая следует

за эмоциональной, когда ребенок начинает ощущать себя как физическое существо, отдельное от других (формируется «физический Я-образ»). На этапе «гедонизма» индивиду становятся доступными утилитарная и телеологическая оценки. Затем человеку становится доступной интеллектуальная оценка. Социализация, когда человек усваивает ценности социума, к которому он принадлежит, открывает для него этическую оценку.

Классификацию частных оценок Н.Д. Арутюновой можно представить следующим образом: 1) гедонические или сенсорно-вкусовые оценки, например: *tasty – tasteless, impalatable; perfume, fragrant – stink*; 2) эмоциональные оценки с преобладанием активности аффективного компонента над когнитивным, например: *happy/unhappy*; 3) эстетические оценки: *beautiful/ugly*; 4) утилитарные оценки, например: *helpful, useful – helpless, useless*; 5) телеологические оценки, например: *effective/ineffective*; 6) интеллектуальные оценки, в структуре которых активность когнитивного компонента преобладает над активностью аффективного, например: *interesting/pedestrian*; 7) этические оценки, например: *moral – amoral, immoral*; 8) нормативные оценки, например: *legal, lawful, normal, standard – illegal, illicit, unlawful, abnormal, non-standard, non-typical* [9, с. 198].

Предлагаем классификацию частных оценок с учетом эволюционного процесса психики человека, то есть иерархию оценок, способность к осуществлению которых человек приобретает на определенном этапе развития его психики (сознания). А именно: 1) эстетические (зрительные) оценки, оценочный критерий вырабатывается на основе оппозиции *beautiful/ugly* (красивый/безобразный); 2) эмоциональные оценки с оценочным критерием, выводимым на основе оппозиции: *happy/unhappy*; 3) гедонические оценки, отражающие возможности человека в осуществлении осознанной оценочной деятельности на определенном уровне развития психики, именуемом в теории личности Дж. Левинджер гедоническим [10]. Гедонические оценки можно разделить на: а) сенсорно-вкусовые: *tasty/tasteless, etc.*; б) интеллектуальные прагматического характера, к которым относятся: 1) утилитарные: *useful/useless*; а также 2) телеологические оценки:

effective/ineffective, etc.; 3) эмоционально-интеллектуальные оценки с оценочными концептами: *interesting/pedestrian* (интересный/скучный, банальный); 4) аксиологические (социальные) оценки, которые можно подразделить на: а) этические: *moral/amoral, immoral*; б) нормативные: *legal, lawful, normal, standard/illegal, illicit, unlawful, abnormal, non-standard, non-typical*.

Будучи онтологической характеристикой человека, оценка выполняет ряд важных функций: 1) адаптивную (эволюционную); 2) гносеологическую (познавательную); 3) коммуникативные: а) денотативно-оценочную, б) эмоционально-оценочную, в) рационально-оценочную; 4) аксиологическую; 5) психическую – регуляции и саморегуляции. Перечисленные функции определяют внутренние (физиологические, психические, морально-этические и т. д.) и внешние качества индивида, его социальную жизнь и деятельность.

Таким образом, оценка является онтологической характеристикой человека и представляет собой специфическое системное аффективно-когнитивное оценочно-самооценочное психическое образование, выполняющее важную функцию человеческого сознания, регулирующую поведение и деятельность индивида.

Список литературы

1. Марков Б.В. Философия. СПб.: Питер, 2011. 432 с.
2. Бряник Н.В. Общие проблемы философии науки. Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н.В. Бряник; отв. ред. О.Н. Дьячкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. 318 с.
3. Morano D.V. Existential Guilt. BV-Assen: Van Yoram & Co, 1973. 125 p.
4. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
5. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. М.: Флинта: Наука, 2003. 456 с.
6. Иванова Г.Ф. Ментальные сферы языка: оценка. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. 124 с.
7. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 144 с.
8. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1999. 896 с. Поступила в редакцию 21.02.2018 г.
10. Loevinger J. Measurement of personality. True or false // Psychological Inquiry. 2009. Vol. 4. № 1. P. 1-16. Отрецензирована 18.03.2018 г.
Принята в печать 11.05.2018 г.

Информация об авторе

Жмайло Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Павлодарский государственный педагогический университет, г. Павлодар, Республика Казахстан. E-mail: tatyana161282@mail.ru

Для цитирования

Жмайло Т.В. К вопросу об онтологии оценочной функции человеческого сознания // Нефилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 18-24. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-18-24.

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-18-24

ON THE ISSUE OF EVALUATION FUNCTION ONTOLOGY OF HUMAN CONSCIOUSNESS

Tatyana Vladimirovna ZHMAYLO

Pavlodar State Pedagogical University
60 Mira St., Pavlodar 140002, Republic of Kazakhstan
E-mail: tatyana161282@mail.ru

Abstract. Evaluation is considered as the ontological characteristics of a person. The relevance of research is due to the increased scientists' interest in the study of the category of evaluation. Evaluation is one of the most important linguistic categories and is recognized as the main way to reflect the value system of a person in the language. Evaluation is considered as a universal category of a text. We analyze the types of the evaluation category: emotional, intellectual, emotional and intellectual. Evaluation is a specific systemic affective-cognitive, evaluative-self-evaluating mental category that performs an important function of human consciousness, regulating the behavior and activities of the individual. The main characteristics of human evaluating activity are considered by a complex research method. Prototypes of adaptive behavior of the individual are analyzed. The influence of adaptive stimuli on emotional and behavioral reactions based on the activity approach is substantiated. The functions of evaluative statements are presented. The identification of evaluative component in lexical units is carried out on the basis of "good" or "bad" semes, since the positive or negative meaning of these semes is beyond doubt. Evaluation can be expressed in denotative and connotative meanings; it also may appear occasionally, i. e. under the influence of context or background knowledge. Due to the context, lexical units that do not have any evaluative semantic features can become such words and change the sign to the opposite depending on the situation, and these judgments are always anthropocentric.

Keywords: evaluation; emotions; ontology; psychology; internal and external stimuli; modality; human consciousness

References

1. Markov B.V. *Filosofiya* [Philosophy]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011, 432 p. (In Russian).
2. Bryanik N.V. *Obshchie problemy filosofii nauki. Slovar' dlya aspirantov i soiskateley* [General Problems of Philosophy of Science. Dictionary for Post-Graduate Students and Competitors]. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural State University, 2007, 318 p. (In Russian).

3. Morano D.V. *Existential Guilt*. BV-Assen, Van Yoram & Co Publ., 1973, 125 p.
4. Izard K. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. St. Petersburg, Piter Publ., 1999, 464 p. (In Russian).
5. Sidorina T.Y. *Filosofiya krizisa* [Philosophy of Crisis]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003, 456 p. (In Russian).
6. Ivanova G.F. *Mental'nye sfery yazyka: otsenka* [Mental Areas of Language: Assessment]. Ufa, Publishing House of the Bashkir State Pedagogical University, 2007, 124 p. (In Russian).
7. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative Aspect of Nominative Units Semantics]. Moscow, 1986, 144 p. (In Russian).
8. Boldyrev N.N. Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii [Cognitive schemas of linguistic interpretation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 4, pp. 10-20. (In Russian).
9. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yazyk russkoy kul'tury Publ., 1999, 896 p.
10. Loevinger J. Measurement of personality. True or false. *Psychological Inquiry*, 2009, vol. 4, no. 1, pp. 1-16.

Received 21 February 2018

Reviewed 18 March 2018

Accepted for press 11 May 2018

Information about the author

Zhmaylo Tatyana Vladimirovna, Senior Lecturer of Foreign Languages Department. Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan. E-mail: tatyana161282@mail.ru

For citation

Zhmaylo T.V. K voprosu ob ontologii otsenchnoy funktsii chelovecheskogo soznaniya [On the issue of evaluation function ontology of human consciousness]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 18-24. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-18-24. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ПОЛИКОДОВАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Карина Эдуардовна ВАЙГАНДТ

ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55а
E-mail: karina_53@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена роль метафоры в поликодовом рекламном тексте, представляющем собой комбинацию вербального и визуального кодов. В связи с тем, что целью социальной рекламы является изменение поведенческих моделей в обществе, проблема использования различных инструментов, благодаря которым создается рекламный образ, приобретает большое значение как в практике, так и в теории социальных коммуникаций. Цель данного исследования – выявление метафорических моделей в дискурсе социальной рекламы, рассмотрение специфики функционирования антропоморфной, зооморфной и артефактной метафоры на конкретных примерах рекламных сообщений. Материалом для анализа послужили 50 текстов российской и зарубежной социальной рекламы. В результате проведенного исследования установлено, что метафорические образы имеют высокий воздействующий потенциал и способны формировать убеждение целевых аудиторий в нужном направлении. Визуальные механизмы метафоризации в рекламе способствуют созданию цельного образа в сознании адресата и большей эффективности рекламного сообщения. Отдельное внимание уделено корреляции вербального и визуального кодов. Таким образом, проанализированы наиболее часто встречающиеся модели поликодовой метафоризации в рекламном дискурсе, специфика их употребления в креолизованном тексте социальной рекламы.

Ключевые слова: метафорические модели; креолизованный текст; поликодовый текст; социальная реклама; рекламный дискурс

В настоящее время экспансия метафоры входит практически во все языковые сферы, а внимание исследователей обращается к изучению метафорической категории в различных терминологических системах, в том числе на материале современных поликодовых текстов. Данный интерес обусловлен прежде всего тем, что сознание человека базируется на механизме метафоризации.

Под креолизованным (поликодовым) текстом Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов понимают «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежающей к другим знаковым системам, нежели естественный язык))» [1, с. 180]. Создание цельного, семантически и когнитивно связанного целого осуществляется за счет взаимодействия вербальных и визуальных компонентов в поликодовом тексте. Важно отметить, что визуальный компонент в креолизованном тексте несет значительную функциональную нагрузку. «Невербальные средства коммуникации в рекламном дискурсе становятся если и не ведущим средством воздействия, то ни в

каком случае не подчиненным, вторичным источником информации и инструментом манипулирования по отношению к вербальным элементам» [2, с. 363].

Широкое использование тропов, в том числе метафор, в рекламном тексте связано в первую очередь с их семантическими свойствами: запоминаемостью, созданием соответствующего ассоциативного ряда, образностью и оценочным потенциалом [3, с. 83]. Метафора представляет собой основное аргументирующее языковое средство любого образа, она добавляет ему выразительность и точность. Именно поэтому Э.П. Слободянюк отмечает, что «метафора выступает быстрым и мощным средством передачи идеи» [4, с. 183]. Из этого следует, что метафору можно рассматривать как одно из экспрессивных средств, которые рассчитаны на долговременное воздействие.

Определение «рекламной» метафоры формируется исходя из общих представлений о литературной метафоре. Исследователь М.В. Ягодкина в книге «Реклама в коммуникационном процессе» отмечает, что

«метафора создает у воспринимающего четкую фигуру, очерчивает исходный образ» [5, с. 114]. Таким образом, рекламную метафору, как и метафору художественную, мы можем воспринимать путем осмысления одних объектов через свойства других объектов. Целью данного тропа является создание уникального рекламного образа или добавление оценочного потенциала в рекламу.

Отметим, что метафора в рекламной коммуникации зачастую играет важную роль: она оказывает воздействие на чувства и эмоции адресатов. Благодаря данному тропу актуализируются положительные стороны продвигаемого продукта. Все это задействовано в оценке потребителями свойств товара. Кроме того, метафора выполняет когнитивно-прагматическую функцию, которая делает ее эффективным инструментом воздействия на сознание адресата. Одним из основных свойств метафоры является принцип языковой экономии, исключительно важный в рекламном дискурсе [2, с. 364].

В рекламе технология употребления метафоры основывается на двух базовых принципах: рациональном и эстетическом. Данные принципы реализованы соответственно в вербальном и визуальном компонентах, важным элементом соединения которых является метафора. На базе метафорического переноса зачастую создается слоган, который выражает смысл всего рекламного послания в целом [6, с. 76]. Другими словами, слоган позволяет адекватно интерпретировать смысл транслируемого образа. Нестандартные метафорические решения в выборе фраз способны представить обычные социальные проблемы в новом ракурсе, сформировать отношение к ним, стать важным элементом при выборе поведенческой модели.

При создании рекламных сообщений используются как вербальные, так и визуальные метафоры. Таким образом, можно усилить воздействие вербальных метафор изображением и наоборот [7; 8]. Метафора заслуживает к себе особого внимания благодаря своим прагматическим преимуществам. На данный момент в дискурсе социальной рекламы метафора находит свое широкое применение, что выражается в вербальных текстах и иллюстрациях социальной направленности.

Прежде чем перейти к инструментам создания социальной рекламы, следует обозначить цель социальной коммуникации, поскольку этот аспект является важной особенностью наряду с другими видами рекламных сообщений. Цель социальной коммуникации – это привлечение внимания индивида к актуальным с общественной точки зрения вопросам и способствование их решению. Данный вид коммуникаций поддерживает государственные интересы и ориентирован на достижение социально значимых целей и результатов, содействующих консолидации общества и его развитию на разных уровнях, реализации идеи устойчивого развития в массовом обществе. В институте социальной рекламы выделяют ряд основных функций: коммуникационную, информационную, мотивационно-побудительную и социализирующую.

В практике социальных коммуникаций под инструментом в обобщенном смысле понимается комбинация различных приемов для продвижения идей, которая приобретает различную форму в соответствии с каждым конкретным случаем. Инструменты создания социальной рекламы включают в себя совокупность различных средств, методов, методик, приемов коммуникации. Отметим, что инструменты создания социальной рекламы следует рассматривать в контексте средств социальной PR-деятельности.

Основными методами, которые воздействуют на потребителя социальной рекламы и потому активно используются в текстах ее сообщений, являются апелляция к страху, апелляция к юмору [9], положительные примеры авторитетных личностей, а также персонифицированный характер информирования. Кроме того, используется апелляция к положительным эмоциям – любви, заботе, семейным ценностям и др. [10; 11].

Анализ исследовательских работ ряда специалистов сферы социальной рекламы показывает, что средства социальной рекламы, которые воздействуют на потенциального потребителя, можно классифицировать в виде нескольких больших групп: текст (для устной и письменной речи), изображение (фотография, рисунок, коллаж), музыкально-звуковое сопровождение, оформление (цвет, форма, размер, пространственное располо-

жение элементов). Из вышесказанного следует, что социальная реклама способна формировать в аспекте воздействия вербальные, визуальные и аудиовизуальные образы.

Нами был проведен анализ метафоризированных сообщений наружной социальной рекламы. Всего было проанализировано 50 текстов российской и зарубежной социальной рекламы. Мы рассмотрели несколько наиболее часто встречающихся метафорических моделей в текстах социальной рекламы за период с 2016 по 2018 г.

Антропоморфная метафора. Сферой-источником данной метафоры является анатомия и физиология человеческого тела. Часто встречаются подобные метафоры в благотворительных акциях, рекламе донорства крови и органов. Здесь можно увидеть «человеченные» образы различных предметов.

Фрейм «Тело, организм человека».

Например, аргентинская социальная реклама о донорстве органов базируется на образе двух людей в песочных часах, переливающих кровь от одного к другому. Ее слоган: «Пожертвуйте жизнь. Станьте донором» (рис. 1). В данном рекламном сообщении используется как вербальная, так и визуальная метафора, что усиливает ее воздействующий потенциал на адресата. «Пожертвовать жизнь» – сделать доброе дело, помочь кому-либо, кто нуждается в этом. Изображение усиливает воздействие вербального компонента: время является крайне важным фактором, когда дело касается человеческой жизни. Слоганы, затрагивающие проблему донорства, очень часто базируются на данном метафорическом переносе: «Чужая жизнь зависит от тебя» (Красный Крест), «Отдавать кровь – дарить жизнь», «Оставь наследие. Будь донором органов» (рис. 2).

Слот «Части тела».

Зачастую в социальной рекламе можно увидеть части тела, посредством которых метафорически передается смысл обращения. Например, рекламная кампания со слоганом: «Протяните руку детям, которые нуждаются в помощи» (рис. 3). Рекламные сообщения компании UNICEF (Дания) транслируют, что средства на благотворительность можно пожертвовать, отправив СМС-сообщение. В данном случае используется фрагмент ладони на экране, но если держать те-

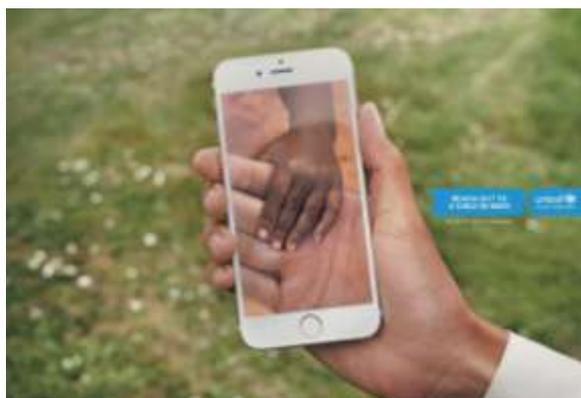
лефон в руке, то будет создаваться иллюзия того, что детская ладонь держится за руку адресата. Визуальная метафора способна привлечь и удержать внимание адресата, так как большинство людей используют смартфоны, и данный прием, на наш взгляд, является достаточно эффективным для социальной коммуникации.

Рис. 1. Пожертвуйте жизнь. Станьте донором. URL: <http://www.2social.info/sotsialnaya-reklama-2016-10-novyih-plakatov-dostoyinyih-vashego-vnimaniya>

Рис. 2. Оставь наследие. Будь донором органов. URL: <https://redapplefestival.wordpress.com/2014/04/24/374>

Рис. 3. Протяните руку детям, которые нуждаются в помощи. URL: <https://ru.pinterest.com/pin/288934132328120150>

Рис. 4. Протяните руку дикой природе. URL: <http://vicer.ru/32-креативные-рекламы-от-wwf>

Рис. 5. Их жизнь в твоих руках. URL: <https://www.coloribus.com/adsarchive/prints-outdoor/animal-conservation-appeal-zebra-7287805>

В социальной рекламе регулярно встречается такой вид художественного искусства, как боди-арт. Так, например, чаще всего эти плакаты посвящены проблеме защиты дикой природы. Всемирный фонд дикой природы (WWF) использует следующий слоган для своей рекламной кампании – «Протяните руку дикой природе» (рис. 4).

На плакатах изображены животные, в изображении которых отчетливо угадывается рука человека. Таким образом, социальная реклама акцентирует внимание адресатов на том, что мы являемся одним целым с природой и в наших силах помочь диким животным.

Другая серия рекламных плакатов сопровождается слоганом «Их жизнь в твоих руках» (рис. 5). Смысл ее остается прежним, однако, животные выглядят менее реалистично, чем на плакатах WWF.

Зооморфная метафора.

Слот «Действия животных».

Модель «Человек – это животное» является наиболее распространенной в данной категории метафор. В некоторых ситуациях поведение людей сравнивают с поведением животных, чаще всего это происходит, когда человек не соблюдает каких-либо принятых в обществе норм поведения. Социальная реклама транспортной службы имеет слоган «Очень странно, когда вы занимаете не свое место» (рис. 6). Служба Sintur-JP указывает на то, что приоритетным правом на место в общественном транспорте пользуются пожилые люди, беременные и женщины с детьми. Слоган подкреплён изображением, в котором на месте животного в будке оказывается человек. Авторы посредством метафоры показывают комичность и абсурдность ситуации, когда человек занимает «чужое» место. Таким образом, разработчики обращают внимание адресатов на соблюдение общественных норм.

Артефактная метафора. В данной метафоре в качестве сферы-источника выступают предметы. Например, в социальной рекламе против насилия над животными используется модель «Животное – это предмет», «Животное – это игрушка». В одной из рекламных кампаний (Южная Африка) на плакате мы видим пса породы далматинец, который свернулся в клубок и символизирует футбольный мяч (рис. 7). «Это не футбол» – так звучит слоган данной рекламной

кампании. Важно обратить свое внимание на то, что это живое существо и человек не имеет права обращаться с ним, как с неодушевленным предметом. В данной рекламе ярким примером служит визуальная метафора, которая оказывает воздействие на адресата без какого-либо вербального дополнения.

Рис. 6. Очень странно, когда вы занимаете не свое место. URL: <http://www.adeevee.com/2017/08/sintur-jp-dog-fish-cat-print>

Рис. 7. Это не футбол. URL: <http://terra-oko.com/?p=57364>

Рис. 8. Дикие животные слишком хрупки для человеческой жадности. URL: https://www.adsoftheworld.com/media/print/wwf_ballon_animals_1

Артефактная метафора, которая используется в рекламе о защите животных, изображает их в виде предмета быта, одежды и обуви. Если тема касается тестирования косметики на животных, то метафорические образы можно увидеть во флаконах с духами, кремах и прочих косметических продуктах. Слоган: «Зверушки – не игрушки». В рекламных плакатах по защите дикой природы также встречаются образы животных. Они могут быть представлены в виде оружия, или может быть показана их тесная связь с деревьями. Так, например, социальные плакаты WWF (рис. 8) изображают редкие виды животных как воздушные шары. Слоган рекламной кампании: «Дикие животные слишком хрупки для человеческой жадности».

В ходе исследования мы пришли к выводу, что метафора в социальной коммуникации способна привлечь и удержать внимание адресата на долгое время, она наполняет рекламу различными образами, которые сохраняются в памяти, воздействует на ассоциативное мышление целевой аудитории. Метафора является одним из инструментов воздействия, а зачастую и манипулирования сознанием – образность метафорических моделей способствует наглядному отражению специфики национального мировосприятия, благодаря этому происходит качественная оценка явлений действительности, определение уровня соответствия рекламного сообщения требованиям и ожиданиям адресата, вовлечение его в коммуникацию. В социальных плакатах визуальный компонент зачастую подкрепляется вербальным (текстом), что усиливает воздействие рекламы.

Таким образом, вербальная и визуальная метафора широко применяются в текстах социальной интернет-рекламы. При этом реклама призывает к решению таких социальных проблем, как донорство крови, помощь нуждающимся людям, несоблюдение правил поведения в общественных местах, защита животных и дикой природы и др.

Следует отметить, что метафорические образы в рекламных текстах социальной наружной и интернет-рекламы отличаются разнообразием и имеют высокий воздействующий потенциал. Анализ рекламных текстов позволил описать конкретные модели на примерах сообщений социальной рекламы.

Мы рассмотрели специфику употребления метафор в поликодовых текстах социальной рекламы и пришли к выводу, что метафорические образы путем эмоционального воздействия способны формировать ценностные ориентиры и поведенческие установки целевой аудитории.

Список литературы

1. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180-186.
2. *Терских М.В.* Специфика визуальной метафоризации в дискурсе социальной рекламы // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 362-386.
3. *Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М., 2007.
4. *Слободянюк Э.П.* Клад для копирайтера. Технология создания захватывающих текстов. М., 2014.
5. *Ягодкина М.В.* Реклама в коммуникационном процессе. СПб., 2014.
6. *Овруцкий А.В.* Анатомия рекламного образа. СПб., 2004.
7. *Малкова Ю.В.* Конструирование рекламных сюжетов. СПб., 2007.
8. *Терских М.В.* Взаимодействие вербального и визуального компонентов в метафоризированных текстах социальной рекламы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 76-84.
9. *Terskikh M.V.* Humor and fear appeals in Public Service Announcements discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). С. 155-161. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-3-155-161.
10. *Савельева О.О.* Введение в социальную рекламу. М., 2006.
11. *Terskikh M.V.* Specific features of the concept "Family" in the advertising and Public Service Announcements discourse // XLinguae. 2017. Vol. 10. № 4. P. 106-125.

Поступила в редакцию 24.02.2018 г.
Отрецензирована 27.03.2018 г.
Принята в печать 26.04.2018 г.

Информация об авторе

Вайгандт Карина Эдуардовна, магистрант по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью: современные медиатехнологии». Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: karina_53@mail.ru.

Для цитирования

Вайгандт К.Э. Поликодовая метафоризация в текстах социальной рекламы // Нефилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 25-32. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-25-32.

POLYCODE METAPHORIZATION IN THE TEXTS OF PUBLIC SERVICE ANNOUNCEMENTS

Karina Eduardovna VAYGANDT

Dostoevsky Omsk State University
55a Mir Ave., Omsk 644077, Russian Federation
E-mail: karina_53@mail.ru

Abstract. The metaphor role in the polycode advertising text representing a combination of verbal and visual codes is considered. Because the purpose of social advertising is change of behavioural models in society, a problem of use of various tools thanks to which the image is created, gains great value as in practice, and in the theory of social communications. The objective of this research designated identification of metaphorical models in a discourse of social advertising, consideration of specifics of functioning of anthropomorphic, zoomorphic and artifactual metaphors on concrete examples of advertising messages. Material for the analysis is 50 texts of the Russian and foreign social advertising. As a result of the conducted research it is established that metaphorical images have the high influencing potential and are capable to form beliefs of target audiences in the necessary direction. Visual mechanisms of metaphorization in advertising promote creation of an integral image in consciousness of the addressee and bigger efficiency of the advertising message. The author pays special attention to correlation of verbal and visual codes. The most often found models of polycode metaphorization in an advertising discourse, their specifics of the use and feature in the creolised text of social advertising are analysed.

Keywords: metaphorical models; creolized text; polycode text; public service announcements; advertising discourse

References

1. Sorokin Y.A., Tarasov E.F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of Verbal Influence]. Moscow, 1990, pp. 180-186. (In Russian).
2. Terskikh M.V. Spetsifika vizual'noy metaforizatsii v diskurse sotsial'noy reklamy [Specificity of visual metaphorization in the public service announcements discourse]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 2016, no. 10, pp. 362-386. (In Russian).
3. Artemeva E.Y. *Psikhologiya subektivnoy semantiki* [Psychology of Subject Semantics]. Moscow, 2007. (In Russian).
4. Slobodyanyuk E.P. *Klad dlya kopiraytera. Tekhnologiya sozdaniya zakhvatyvyayushchikh tekstov* [Treasure for Copywriter. Technology of Making Captivating Texts]. Moscow, 2014. (In Russian).
5. Yagodkina M.V. *Reklama v kommunikatsionnom protsesse* [Advertisement in Communication Process]. St. Petersburg, 2014. (In Russian).
6. Ovrutskiy A.V. *Anatomiya reklamnogo obraza* [Anatomy of Advertising Image]. St. Petersburg, 2004. (In Russian).
7. Malkova Y.V. *Konstruirovaniye reklamnykh syuzhetov* [Design of Advertising Plots]. St. Petersburg, 2007. (In Russian).
8. Terskikh M.V. Vzaimodeystvie verbal'nogo i vizual'nogo komponentov v metaforizirovannykh tekstakh sotsial'noy reklamy [Interaction of verbal and visual components in metaphorized texts of social advertising]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya – Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2017, no. 3 (16), pp. 76-84. (In Russian).
9. Terskikh M.V. Humor and fear appeals in Public Service Announcements discourse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2017, no. 3 (52), pp. 155-161. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-3-155-161.
10. Saveleva O.O. *Vvedeniye v sotsial'nyuyu reklamu* [Introduction to Public Service Announcements]. Moscow, 2006. (In Russian).
11. Terskikh M.V. Specific features of the concept “Family” in the advertising and Public Service Announcements discourse. *XLinguae*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 106-125.

Received 24 February 2018

Reviewed 27 March 2018

Accepted for press 26 April 2018

Information about the author

Vaygandt Karina Eduardovna, Master's Degree Student on Training Direction "Advertisement and Public Affairs: Modern Media Technologies". Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: karina_53@mail.ru

For citation

Vaygandt K.E. Polikodovaya metaforizatsiya v tekstakh sotsial'noy reklamy [Polycode metaphORIZATION in the texts of public service announcements]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 25-32. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-25-32. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Жанара Бериковна АБИЛЬДИНОВА

Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева
720044, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр-т Чингиза Айтматова, 27
E-mail: abildinova_zhana@mail.ru

Аннотация. Представлена попытка изучения проблемы языкового сознания, являющейся в настоящее время одной из значимых в психолингвистике, так как она напрямую связана с проблемой этнического менталитета. Рассмотрены основные положения о взаимосвязи языка и сознания, проанализированы структура и свойства сознания. Сознание как единое целое представляет собой сложное многослойное образование, включающее в себя онтологический, рефлексивный, хронотопический, духовный, ценностный слои. Предложено ввести в структуру сознания еще один слой – этнический, формирующий мировосприятие и мироощущение, обусловленные национальной спецификой. Объективный мир, отражаясь в этническом слое, преобразуется в субъективную реальность, которая получает «этническую окраску» и накладывает отпечаток на другие слои сознания. Особое внимание уделено различным подходам к пониманию языкового сознания, так как ученые по-разному определяют и интерпретируют данное понятие. В настоящем исследовании языковое сознание рассмотрено в этническом аспекте и определяется как часть национального сознания, способ вербального восприятия и отражения образа мира с помощью психических процессов порождения и восприятия речи, как опосредованная языком форма жизнедеятельности этноса, механизм адаптации к окружающему миру.

Ключевые слова: сознание; мышление; языковое сознание; национальное сознание; язык; речь; менталитет; образ мира

Основу современных психолингвистических исследований составляет изучение языкового сознания представителей той или иной этнической общности, а посредством него и постижение общего и специфического в их национальных образах мира. Языковое сознание определяет способ мышления лингвокультурной общности, отражает особенности ее когнитивной деятельности, специфику мировосприятия и миропонимания, а также культурные ценности и доминанты.

Иными словами, языковое сознание, будучи связанным с психической деятельностью человека, его языком и культурой, отражает менталитет этноса. Более того, оно не только отражает менталитет, но является его составной частью, определяет и оказывает формирующее влияние. Н.Ф. Алефиренко, проследившая связь между языковым сознанием и менталитетом, отмечает, что в формировании и репрезентации того или иного этнокультурного пространства участвуют как когнитивные смыслы, так и языковые значения. Согласно точке зрения ученого, «общественное сознание на высшем этапе своего становления формируется главным образом

при участии лингвокреативного мышления. Творческая интерпретация отдельных фрагментов и элементов концептуальной картины мира, осмысление их структурных взаимосвязей осуществляется на уровне языкового сознания, формирующего языковую картину мира. В ткань восприятия всегда вплетаются слова, знания, опыт и культура поколений, и именно они создают ментальность – своеобразную форму овладения миром» [1, с. 84].

Как видим, связь между языковым сознанием и менталитетом очевидна, она прослеживается и в том, что с помощью языка человек усваивает не только определенные когнитивные смыслы и языковые значения, но и ментальные стереотипы и установки, поэтому менталитет составляет глубинную основу языкового сознания. Однако менталитет – понятие более широкое, влияние на него оказывают не только языковые факты, но и природные явления, ландшафт, генетические факторы, социально-экономические и политические процессы и изменения. Считается, что в отличие от этнического менталитета, который имеет способность хоть и медленно, но трансформироваться, языковое

сознание более устойчиво. Несмотря на то, что менталитет и языковое сознание определяют и влияют друг на друга, источником изучения ментальных процессов, ключом к раскрытию лингвокогнитивных смыслов выступает языковое сознание.

На современном этапе развития лингвистики словосочетание «языковое сознание» звучит вполне привычно и осознается как одно целое понятие, несмотря на то, что язык и сознание относятся к разным сферам: язык – к лингвистике, сознание – к психологии, и отождествлять их нельзя. Бытование термина «языковое сознание» все же указывает на тесную взаимосвязь между языком и сознанием, которая обсуждается учеными в течение длительного отрезка времени. В связи с этим можно сказать, что изучение языкового сознания является одним из самых сложных психолингвистических феноменов, так как само сознание представляет собой высшую форму отражения психики, связанную с нейрофизиологическими механизмами функционирования когнитивной сферы человека, которые не даны нам в непосредственном наблюдении. Становление же, формирование и развитие сознания происходит только в языковой среде вербального общения как продукта человеческой деятельности и определенного уровня культуры, поэтому язык – это необходимое условие существования сознания.

Категорию сознания одним из первых ученых начал изучать Л.С. Выготский, который считал, что сознание целостно и его нужно рассматривать через поведение человека, а также его речевую деятельность. Исследование человеческого сознания в отрыве от языка представлялось ему невозможным: «<...> сознание есть взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов», это «вербализованное поведение», так как «слово услышанное – раздражитель, слово произнесенное – рефлекс, создающий тот же раздражитель. Здесь рефлекс обратим, потому что раздражитель может становиться реакцией, и наоборот» [2, с. 89, 95]. На основе такого понимания речевые рефлексы выступают в роли речевых знаков, обладающих определенным значением и создающих основу социального поведения и коллективной координации людей.

А.Н. Леонтьев в своих научных воззрениях исходил из того, что внутренние психические процессы возникают в практической деятельности человека и в процессе его общественной жизни, поэтому сознание – это «особая форма деятельности – продукт и дериват развития материальной жизни, внешней материальной деятельности, которая преобразуется в ходе общественно-исторического развития во внутреннюю деятельность, в деятельность сознания...» [3, с. 157].

С.И. Рубинштейн полагал, что связь языка и сознания «теснейшая» и что «без языка нет сознания», но между тем природа языка и сознания не позволяет отождествлять данные понятия: «Однако неверно попросту отождествлять сознание с языком, сводить его к функционированию языка (эта отнюдь не новая тенденция усилилась в последнее время у нас в связи со значением, которое приобрело понятие второй сигнальной системы). Верное положение о необходимой связи сознания и языка становится неверным, когда этой связи сознания с языком придается самодовлеющий характер, когда она обособляется от связи сознания с общественно осуществляемой деятельностью людей и добываемыми в ней знаниями. Только включаясь в эти связи, а не сам по себе, язык и обретает свое необходимое значение для сознания» [4, с. 154].

А.Р. Лурия также занимался разработкой проблемы языкового сознания и полагал, что человек отличается от животных наличием языка как системы кодов, обозначающих предметы и их отношения, с помощью которых предметы вводятся в известные системы или категории. Эта система кодов ведет к формированию «категориального сознания», поэтому проблема сознания и отвлеченного мышления находится в тесной связи с проблемой языка [5, с. 29].

Таким образом, сознание рассматривается учеными как психическая способность человека воспринимать действительность в виде образов и отображать ее в знаковой форме, взаимодействие различных систем рефлексов, способствующих постижению человеком объективного мира и своего бытия, феномен, отличающий человека от животного наличием мышления и языка, основа духовного мира человека, продукт общест-

венной жизни, результат практической и познавательной деятельности человека.

Важной особенностью сознания является способность воспринимать и отображать действительность в процессе мышления. В результате чего важно понимать, что сознание и мышление – не одно и то же, а суть разные понятия. Мы согласны с точкой зрения И.А. Стернина, который считает, что, во-первых, термин «сознание» акцентирует статический аспект явления, мышление – динамический, а во-вторых, сознание – это свойство мозга, мышление – это деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность) [6].

Исходя из вышеизложенного, под сознанием мы понимаем идеальную, недоступную непосредственному наблюдению форму восприятия и отражения действительности в мышлении в виде понятий, представлений, образов, неразрывно связанных с языком, культурой, социальным бытием в конкретно-исторических условиях, а также способность человека накапливать информацию о себе и своем окружении в мозгу, контролировать ее и оперировать ею в ходе мыслительной и вербальной деятельности.

Итак, язык и сознание неразрывно связаны, образуя органическое, но в то же время и противоречивое единство. Находясь в сложных взаимоотношениях, язык и сознание определяют развитие каждого из них. Сознание возникает и существует вместе с языком, так как идеальное отражение действительности проявляется во внешней материальной форме. Отсюда следует, что формирование человеческого сознания возможно только тогда, когда человек овладевает языком. Посредством речевой деятельности человек усваивает определенные когнитивные смыслы и языковые значения, формируется логика его мышления, и начинает происходить осознание себя и своего места в мире. Однако когнитивные смыслы и языковые значения, которые лежат в основе познавательных процессов человеческой деятельности, являющиеся неединственными в структуре сознания.

Сознание, будучи сложным психическим образованием, представляет собой особым образом организованное целое, имеющее достаточно сложную структуру. Факт нали-

чия структуры у человеческого сознания подтверждается многочисленными исследованиями в области социологии, психологии, а также психолингвистики. Н.Н. Болдырев отмечает, что именно структурированность сознания обеспечивает нормальную адаптацию и жизнедеятельность человека в окружающем мире, эффективность его вербального общения в социально-бытовой, профессиональной и научной сферах. Главным условием при этом называется то, что структура сознания должна соответствовать структуре мира, личности человека и видам его деятельности [7, с. 36].

Первые попытки изучения структуры сознания человека принадлежат З. Фрейду, согласно которому сознание личности имеет трехкомпонентную структуру. В структуре сознания по З. Фрейду выделяются такие элементы, как подсознание, сознание, сверхсознание. Подсознание и сверхсознание образуют состав бессознательного [8].

К.Г. Юнг, изучая психику человека, выделял в структуре сознания сознание (эго), индивидуальное бессознательное (оно) и коллективное бессознательное, основанное на архетипах – представлениях, сформированных у человечества в далеком прошлом. Сознание, по мнению К.Г. Юнга, это деятельность, поддерживающая связь между психическими содержаниями и эго [9].

Продолжая изучать сферу человеческого сознания, А.Н. Леонтьев выделил три его составляющих: чувственную ткань сознания, значение и личностный смысл. Для объяснения специфического характера деятельности человека ученый вводит понятие образа, который выступает в качестве конкретной единицы сознания. Чувственная ткань сознания образует чувственный состав конкретных образов реальности, которые воспринимаются сознанием или всплывают в памяти. Образы имеют различие по чувственному тону, степени ясности, модальности, большей или меньшей устойчивости и т. д. [3, с. 133].

Значение – это содержание, которое соотносится с тем или иным выражением (знаки, слова, предложения и т. д.) национального языка. В значениях обобщен культурный и исторический опыт, который сохраняется для последующих поколений. Познавая мир значений, человек познает и опыт, приобретает

к нему и может внести в него свой вклад. Личностный смысл отражает субъективную значимость тех или иных событий, явлений действительности к интересам, потребностям, мотивам человека. Он создает пристрастность человеческого сознания. Преломляясь в сфере индивидуального сознания, значение приобретает особый, только ему присущий (личностный) смысл [3, с. 134].

В.П. Зинченко дополняет структуру индивидуального сознания еще одной составляющей – биодинамической тканью движения и действия, которую он называет «наблюдаемой и регистрируемой внешней формой движения». Четвертая составляющая включает три слоя: бытийный, рефлексивный и духовный. Бытийный слой образуют взаимодействующие биодинамическая ткань действия и чувственная ткань образа, рефлексивный – взаимодействующие значения и смыслы, духовный – я–ты (другой). Позднее ученый приходит к заключению о существовании еще двух слоев – хронотопического и ценностного [10].

Хронотоп, согласно мнению ученого, – это сконструированное сознанием пространственно-временное измерение сознательной (и бессознательной) жизни. В хронотопе переплетаются субъективное и объективное, по-разному представлены значащие, смысловые и ценностные аспекты сознания. Ценностный слой заключает в себе со-значение (переживаемая значимость) и объективный смысл культурного явления. Со-значение – это опосредованное переживанием порождение или производная от взаимодействия значений и смыслов культурных явлений («культурных благ»). В со-значении объединяются в некоторое единое образование социальные значения и индивидуальные смыслы. Развитие сознания представляет собой не поэтапный или линейный, а единый синхронистический акт, в котором изначально участвуют все его образующие [10, с. 21].

Помимо структуры индивидуального сознания В.П. Зинченко определил и его некоторые важные свойства. Одним из основных свойств сознания является наблюдаемость компонентов структуры. Биодинамическая ткань и значение доступны для наблюдения, они могут быть зафиксированы и подвергнуты анализу, чувственная ткань и

смысл лишь частично доступны самонаблюдению, но не доступны стороннему наблюдателю. Биодинамическая ткань как проявление сознания может наблюдаться в действиях, значение – в языковых значениях слов, чувственная ткань – в личностных психических образах и ассоциациях, смысл – в значениях и личностном отношении человека к миру.

Другим важным свойством является относительность разделения слоев. Нет жесткого разделения сознания на слои. В рефлексивном слое присутствуют следы бытийного слоя, бытийный слой сознания несет на себе следы развитой рефлексии, содержит в себе ее истоки и начала, смысловая оценка включена в биодинамическую и чувственную ткань. Между слоями существует тесная взаимосвязь, а также в каждом слое присутствуют начала другого слоя. Выделение слоев достаточно относительно и необходимо для детального изучения каждого компонента структуры сознания.

Гетерогенность компонентов структуры сознания. Все компоненты структуры сознания имеют общий культурно-исторический генетический код, который заложен в социальном предметном действии, обладающем порождающими свойствами. Образ осмысливается, смысл воплощается в слове, образе, поступке, но не исчерпывается этим. Действие и образ означиваются и т. д. (цит. по [11, с. 28]).

Мы предлагаем включить в структуру сознания еще один слой – этнический, формирующий мировосприятие и мироощущение, обусловленные национальной спецификой. В этническом слое происходит осознание этносом своей идентичности, уклада жизни, обычаев и традиций, отношения к другим этносам. Объективный мир, отражаясь в этническом слое, преобразуется в субъективную реальность, которая получает «этническую окраску» и накладывает отпечаток на другие слои сознания.

Итак, ученые не подвергают сомнению структурированность человеческого сознания и выделяют в нем различные составляющие. Обобщив имеющиеся подходы к структуре сознания, мы считаем, что оно функционирует как одно целое в единстве сознательного и бессознательного. Граница

между осознанным и неосознанным является индивидуальной и ситуативно обусловленной. Сознание как единое целое представляет собой сложное многослойное образование, включающее в себя онтологический, рефлексивный, хронотопический, духовный, ценностный и этнический слои, отражающие взаимодействие субъективного и объективного факторов. Каждый из этих слоев не имеет четких внутренних разграничений, так как, наслаиваясь друг на друга, они обеспечивают функционирование сознания в целом. Сознание как взаимодействие слоев включает в себя восприятие, ощущения, мышление, память, волю, личностный опыт, эмоции и чувства, мнения, суждения, ценности, нормы, культурные символы, стереотипы, архетипы прошлого. В структуре сознания особая роль отводится языку, так как он выступает в качестве материальной, чувственной оболочки сознания, как средство общения и обмена мыслями.

Исследование сознания, как мы убедились, представляется невозможным без изучения речи и языковых особенностей, так как в отражении материального мира задействованы как мыслительные, так и вербальные процессы. Именно речевые механизмы и языковые значения способны раскрыть концептуальные конструкции (знания об окружающем мире, мнения, суждения, оценки, ценности). Языковое сознание, являясь одним из видов обыденного сознания, выступает механизмом управления и реализации речевой деятельности и формирует, преобразует и хранит языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы.

Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, языковое сознание использует вербализованные знания, которые служат средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания, прежде всего, социального, культурного и мировоззренческого происхождения. В итоге происходит трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемышлительным и модально-оценочным преобразованиям, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических зна-

ний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры артефакты – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества [1, с. 150-151]. Следует, однако, отметить, что «в процессах понимания текста и при выборе языковых средств участвуют как бессознательные механизмы, так и осознанные действия», поэтому «языковая личность, как правило, осознает лишь небольшую часть своего языкового поведения» [12, с. 54].

Детальное и системное изучение языкового сознания осуществляется на современном этапе в рамках психолингвистического и лингвокогнитивного подходов. Несмотря на имеющиеся лингвистические разработки, во-первых, нет четкого разграничения понятий «сознание», «языковое сознание» и «этноязыковое сознание», во-вторых, отсутствует однозначное понимание языкового сознания, что привело к появлению различных подходов к его определению. Так, Е.Ф. Тарасов считает, что необходимо разграничивать сознание и языковое сознание, понимая под последним «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей» [13, с. 36].

З.Д. Попова, И.А. Стернин также разграничивают сознание и языковое сознание и считают, что этот вопрос не сводится к проблеме терминологической традиции и является существенным для лингвистики. Ученые полагают, что именно механизмы речи, а также совокупность знаний человека о своем языке представляют языковое сознание, под которым они предлагают понимать «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [14, с. 32].

По мнению В.В. Красных, человек является носителем сознания, полноправным членом общества, личностью, одной из видов деятельности которой является деятельность речевая. Однако для нее вопрос разграниче-

ния понятий «сознание» и «языковое сознание» не является принципиально важным, она рассматривает языковое сознание как ипостась или часть сознания: «Говоря о языковом сознании, мы имеем в виду ту «ипостась» сознания, которая связана с речевой деятельностью личности» [15, с. 12]. Под языковым сознанием В.В. Красных понимает закрепленный в языковых значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящим на данном языке. Языковое сознание реализуется в вербальном поведении [16, с. 38].

Н.В. Уфимцева рассматривает языковое сознание как опосредованный языком образ мира той или иной культуры, «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [17, с. 208]. Н.В. Уфимцева считает, что представления об образах языкового сознания можно получить путем изучения лексических значений, тем самым акцентируя внимание на лексиколизированном, опосредованном единицей лексикона, содержании языкового сознания.

П.Я. Гальперин также рассматривает языковое сознание как образ мира и подразумевает под ним совокупность всех языковых значений, представляющих собой исторически сложившегося, специфического для данного народа преломления «внеязыковой действительности», выделения в ней определенных сторон, характеристик, которые в других языках не выделяются или выделяются иначе [18, с. 96].

В психолингвистике образ мира трактуется как основополагающая компонента культуры этноса. Именно образ мира является универсальным механизмом адаптации этноса к окружающему миру, поскольку им задается та система координат, в которых будет действовать представитель данной этнической культуры. В процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы [19, с. 228]. Понятию «образ мира» близким по значению оказываются термины «картина мира» и «языковая картина мира». Семантическое различие в данных терминах состоит в том,

что «образ мира» и «картина мира» – это категории психолингвистические, а «языковая картина мира» – лингвистическая. Отмечается, что «образ мира» относится к более общему, сложному, комплексному, многомерному представлению о мире, а «картина мира» зачастую используется применительно к какому-либо определенному фрагменту мира, сфере деятельности, познания и/или бытия (отсюда «научная картина мира», «наивная картина мира»)» [16, с. 117]. Носителем «картины мира» является человек или общество, носителем языковой картины мира является языковая личность или языковой коллектив.

Д.Б. Гудков пишет, что «языковое сознание – это мышление, реализующее себя в языковых формах для целей общения, коммуникации, иногда о нем говорят метафорически как о «говорящем сознании». Д.Б. Гудков различает языковое и когнитивное сознание. Когнитивное сознание связано с восприятием объективного мира, категоризацией его явлений в сознании индивидов и коллективном сознании общества. Языковое сознание является таким уровнем сознания, в котором образы представления, мыслительные представления получают оформление через язык» [20, с. 97].

О.И. Уланович рассматривает языковое сознание как вербально-смысловую конструкцию: «Знаки в единстве с формируемым за ними в сознании человека психологическим наполнением выступают базовыми смысловыми структурами языкового сознания индивида, образующими в комплексе вербально-смысловую конструкцию» [21]. При этом базовым элементом языкового сознания выступает смысловая единица, включающая индивидуально-пропорционально представленные у каждого человека знаковый, образный и эмоциональный компоненты. Так, помимо знаков естественного языка (звуков, слов, фраз), существуют ментальные знаки, обладающие индивидуальным смыслом, имеющие пристрастную природу и связанные с отношением, индивидуальной трансформацией [21].

В рамках антропоцентрического и этноцентрического подхода к языку становится очевидной этническая обусловленность языкового сознания. Так, Н.Ф. Алефиренко спра-

ведливо считает, что языковое сознание, будучи производным этнокультурного сознания, представляет собой «результат отражения и восприятия образа мира в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, представляющих содержательные контуры той или иной национальной культуры. Этнокультурное (этноязыковое) сознание – высшая духовная категория, представляющая собой ассоциативно-смысловую форму отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества [1, с. 184-189].

И.В. Привалова, исследуя этнокультурную маркированность языкового сознания, пишет: «Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксеологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» [22, с. 7]. Образ (модель) этноязыкового сознания, по мнению ученого, конституируют функциональные единицы трех особым образом структурированных типов пространства: лингвистического, когнитивного и культурного [22, с. 7].

А.А. Шаяхметова определяет языковое сознание как превращенную форму жизнедеятельности человека, способ вербализации человеческого социокультурного опыта и его национально-культурного осознания, включающий в себя материальное (языковое знание как материальный субстрат сознания), идеальное (психические состояния, семантика), социокультурный опыт (знания о мире), актуализирующиеся в процессе ментальной деятельности. Языковое сознание – часть национального общественного сознания, пласт умственной структуры, содержащий сведения об особенностях культуры, психического склада какой-либо нации, своеобразно отразившихся в языке в виде особого образа мира [23, с. 97].

А.Ж. Бахралинова вслед за Б.Х. Хасановым понимает под языковым сознанием механизм адаптации этноса к окружающему миру, способ отражения национально-специфических особенностей этноса. Изучив языковое сознание билингвов сквозь призму ассоциативного эксперимента, она приходит к заключению, что анализ фрагментов ассоциативно-вербальных сетей разных языков

позволяет увидеть особенности этнического мироощущения и мировидения через призму национального языкового сознания [24, с. 2].

Таким образом, ученые по-разному определяют понятие «языковое сознание»: как часть сознания, образ мира, совокупность образов сознания, вербально-смысловой конструкт, мышление, реализующее себя в языковых формах, ансамбль когнитивно-эмотивных и аксеологических структур, совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка, проекцию этнокультурного сознания, механизм адаптации этноса к окружающему миру, способ отражения национально-специфических особенностей этноса, ассоциативно-смысловую форму отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного сообщества.

В нашем исследовании мы рассматриваем языковое сознание в этническом аспекте, определяя его как часть национального сознания, способ вербального восприятия и отражения образа мира с помощью психических процессов порождения и восприятия речи, а также как опосредованную языком форму жизнедеятельности этноса, механизм его адаптации к окружающему миру.

Национальное сознание – форма общественного сознания, сложная совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов и убеждений, характеризующих определенный уровень духовного развития нации. Национальное сознание является продуктом длительного исторического развития этнической общности. Ядром национального сознания является национальное самосознание [25, с. 135]. Национальное сознание культурно детерминировано и включает в себя осознание нацией необходимости своего единства, осознанное отношение нации к своим материальным и духовным ценностям, любовь к родному языку. Данные структурные компоненты национального сознания находятся в постоянном диалектическом развитии.

В понимании этнического сознания мы придерживаемся концепции Л.Н. Гумилева, согласно которой в природе существует, подобно электромагнитному, гравитационному, и этническое поле, которое проявляется в

коллективной психологии, воздействующей на индивида как представителя этнической общности. Каждое из этнических полей имеет свой ритм, свой неповторимый дуальный код и стереотип поведения, а также отличие от других полей через противопоставление «я»–«он», «свой»–«чужой». Ритм этнического поля задает сила, которую Л.Н. Гумилев называет пассионарностью и определяет ее как биохимическую энергию живого вещества биосферы, проявляющуюся на поведении этнических коллективов, их активности в разные исторические эпохи [26].

Функционирование языкового сознания как неотъемлемой части этнического сознания обеспечивается национальным языком. Национальный язык – общий язык нации, выполняющий интегративную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах жизни общества [27, с. 160].

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркнем, что языковое сознание представляет собой сложный психолингвистический феномен, являющийся частью когнитивного сознания и отвечающий за механизмы речевой деятельности человека. Природа языкового сознания обусловлена структурированностью человеческого сознания, которое представляет собой сложное многослойное образование, включающее процессы восприятия и отражения действительности, мышление, чувства, эмоции, память, функционирование же языкового сознания обеспечивается языком. Языковое сознание человека представляет собой осознанное и неосознанное, так как в выборе языковых средств участвуют как бессознательные механизмы, так и осознанные действия. Языковое сознание как опосредованный языком образ мира той или иной лингвокультуры представляет собой часть национального сознания, способ вербального восприятия и отражения образа мира с помощью психических процессов порождения и восприятия речи, а также опосредованную языком форму жизнедеятельности этноса, механизм его адаптации к окружающему миру.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2016. 282 с.
2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М., 1982.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
4. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. 712 с.
5. *Лурия А.Р.* Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: МГУ, 1998. 336 с.
6. *Стернин И.А.* Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр., посвященных Е.С. Кубряковой. Москва; Воронеж, 2002. С. 44-51.
7. *Болдырев Н.Н.* Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 35-48.
8. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. СПб.: Алетейя СПб., 1999. 385 с.
9. *Юнг К.Г.* Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. 269 с.
10. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
11. *Рудакова А.В.* Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: «Истоки», 2004. 80 с.
12. *Бурнаева К.А.* Ассоциативное поле как способ моделирования языкового сознания // *Lingua Mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 51-58.
13. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34-47.
14. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
15. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
16. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
17. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. М., 2000. С. 207-219.
18. *Гальперин П.Я.* Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы психологии. 1977. № 4. С. 95-101.
19. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998. 448 с.
20. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
21. *Уланович О.И.* Вербально-смысловая конструктор сознания как оценочное поле мышления,

- отношения, общения, деятельности // Культурно-психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе: сб. науч. тр.: в 2 ч. Мн.: БГПУ, 2009. Ч. 1. С. 143-146.
22. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 50 с.
23. Шаяхметова А.А. Языковое сознание и особенности его проявления у представителей русского и казахского этносов (социолингвистический и психолингвистический аспекты): дис ... канд. филос. наук. Алматы, 2007.
24. Бахралинова А.Ж. Языковое сознание билингов сквозь призму ассоциативного эксперимента // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 1-10.
25. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. М., 1999. 343 с.
26. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. 336 с.
27. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. Словарь социолингвистических терминов. Алматы: Казак университеті, 2002. 170 с.

Поступила в редакцию 20.02.2018 г.

Отрецензирована 18.03.2018 г.

Принята в печать 11.05.2018 г.

Информация об авторе

Абильдинова Жанара Бериковна, кандидат филологических наук, докторант кафедры общего и русского языкознания. Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: abildinova_zhana@mail.ru

Для цитирования

Абильдинова Ж.Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 33-43. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43.

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43

LINGUISTIC CONSCIOUSNESS AS A PSYCHOLINGUISTIC PHENOMENON

Zhanara Berikovna ABILDINOVA

Bishkek Humanities University named after K. Karasayev
27 Chingiz Aymatov Ave., Bishkek720044, Kyrgyz Republic
E-mail: abildinova_zhana@mail.ru

Abstract. We present an effort to study the linguistic consciousness issue which currently constitutes one of significant problems in psycholinguistics due to its direct relationship to the issue of ethnic mentality. We give considerations of main provisions concerning the language and consciousness interrelations and analysis of the consciousness structure and properties. Considered as a unitary whole the consciousness represents a complicated multilayer formation which includes ontological, reflexive, chronotopical, spiritual and value-based layers to reflect interaction between personal and impersonal factors. We propose to enter into the consciousness structure another layer, that is, ethnic one which forms perception of environment and the world-view conditioned by national peculiarity. When reflected in the ethnic layer, the objective world is transformed into subjective reality which takes on the "ethnic overtone" and leaves traces on other layers of consciousness. We pay special attention to various approaches to understanding of the linguistic consciousness, since the scientists define and interpret this concept in different ways. This study considers the linguistic consciousness in ethnic aspect and defines it as a part of national consciousness and the way of the world image's verbal perception and reflection by applying psychical processes of the speech generation and perception, the form of the ethnos life activity intermediated by a language and mechanism of adaptation to the outside world.

Key words: consciousness; thought; linguistic consciousness; national consciousness; language; speech; mentality; image of the world

References

1. Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguoculturology: Axiological and Notional Space of Language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016, 282 p. (In Russian).
2. Vygotskiy L.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Complete Works: in 6 vols. Vol. 1. Issues of Theory and History of Psychology]. Moscow, 1982. (In Russian).
3. Leontev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, 1975. (In Russian).
4. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Bases of General Psychology]. St. Petersburg, "Piter" Publ., 2000, 712 p. (In Russian).
5. Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998, 336 p. (In Russian).
6. Sternin I.A. Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie [Communicative and cognitive consciousness]. *Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh E.S. Kubryakovoy «S lyubov'yu k yazyku»* [Digest of Scientific Works Dedicated to E.S. Kubryakova "With Love to Language"]. Moscow, Voronezh, 2002, pp. 44-51. (In Russian).
7. Boldyrev N.N. Yazyk i struktura soznaniya [Language and the structure of cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2016, issue 24, pp. 35-48. (In Russian).
8. Freud S. *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to Psychoanalysis]. St. Petersburg, Aleteyya SPb. Publ., 1999, 385 p. (In Russian).
9. Jung C.G. *Struktura psikhiki i protsess individuatsii* [Mentality Structure and the Process of Individuation]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 269 p. (In Russian).
10. Zinchenko V.P. *Soznanie i tvorcheskii akt* [Consciousness and Creative Act]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, 592 p. (In Russian).
11. Rudakova A.V. *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitology and Cognitive Linguistics]. Voronezh, "Istoki" Publ., 2004, 80 p. (In Russian).
12. Burnaeva K.A. Assotsiativnoe pole kak sposob modelirovaniya yazykovogo soznaniya [Associative field as the way of modeling speech consciousness fragment]. *Lingua Mobilis*, 2011, no. 6 (32), pp. 51-58. (In Russian).
13. Tarasov E.F. Yazykovoe soznanie [Linguistic consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2004, no. 2, pp. 34-47. (In Russian).
14. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and Cognitive Analysis of Language]. Voronezh, "Istoki" Publ., 2007, 250 p. (In Russian).
15. Krasnykh V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ["At Home" among "Strangers": Myth or Reality?]. Moscow, Publishing and Commercial House of Humanitarian Book "Gnozis", 2003, 375 p. (In Russian).
16. Krasnykh V.V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Bases of Psycholinguistics and Theory of Communication]. Moscow, Publishing and Commercial House of Humanitarian Book "Gnozis", 2001, 270 p. (In Russian).
17. Ufimtseva N.V. Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Linguistic consciousness and image of the world of the Slavs]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic Consciousness and Image of the World]. Moscow, 2000, pp. 207-219. (In Russian).
18. Galperin P.Y. Yazykovoe soznanie i nekotorye voprosy vzaimootnosheniya yazyka i myshleniya [Linguistic consciousness and some issues of interrelation of language and thinking]. *Voprosy psikhologii*, 1977, no. 4, pp. 95-101. (In Russian).
19. Lure S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Moscow, Aspekt Press, 1998, 448 p. (In Russian).
20. Gudkov D.B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Cross-Cultural Communication]. Moscow, Publishing and Commercial House of Humanitarian Book "Gnozis", 2003. (In Russian).
21. Ulanovich O.I. Verbal'no-smyslovoy konstrukt soznaniya kak otsenochnoe pole myshleniya, otnosheniya, obshcheniya, deyatel'nosti [Verbal and notional construct of consciousness as axiological field of thinking, relation, communication and activities]. *Kul'turno-psikhologicheskie zakonomernosti sotsial'nogo razvitiya lichnosti v ontogeneze* [Cultural and Psychological Regularities of Social Development of Personality in Ontogenesis]. Minsk, Belarusian State Pedagogical University Publ., 2009, part 1, pp. 143-146. (In Russian).
22. Privalova I.V. *Yazykovoe soznanie: etnokul'turnaya markirovannost': avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic Consciousness: Ethnocultural Markedness. Dr. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2006, 50 p. (In Russian).
23. Shayakhmetova A.A. *Yazykovoe soznanie i osobennosti ego proyavleniya u predstaviteley russkogo i kazakhskogo etnosov (sotsiolingvisticheskiy i psikholingvisticheskiy aspekty): dis ... kand. filos. nauk* [Linguistic Consciousness and Peculiarities of Its Manifestation among Representatives of Russian and Kazakh Ethnoses (Sociolinguistic and Psycholinguistic Aspects). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Almaty, 2007. (In Russian).
24. Bakhralinova A.Z. Yazykovoe soznanie bilingvov skvoz' prizmu assotsiativnogo eksperimenta [Language in the light of consciousness bilinguals association experiment]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 5, pp. 1-10. (In Russian).
25. Krysko V.G. *Etnopsikhologicheskiy slovar'* [Encyclopedical Dictionary]. Moscow, 1999, 343 p. (In Russian).
26. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Leningrad, 1990, 336 p. (In Russian).

27. Suleymenova E.D., Shaymerdenova N.Z. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Almaty, Kazak universiteti Publ., 2002, 170 p. (In Russian).

Received 20 February 2018

Reviewed 18 March 2018

Accepted for press 11 May 2018

Information about the author

Abildinova Zhanara Berikovna, Candidate of Philology, Postdoctoral Student. Bishkek Humanities University named after K. Karasayev, Bishkek, Kyrgyz Republic. E-mail: abildinova_zhana@mail.ru

For citation

Abildinova Z.B. Yazykovoe soznanie kak psikholingvisticheskiy fenomen [Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 33-43. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-33-43. (In Russian, Abstr. in Engl.).

КОНЦЕПТ 'НАУКА И ИСКУССТВО' В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДИСКУРСИОННОМ ПОЛЕ КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Вероника Павловна ГРЕДЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48
E-mail: nikas16@yandex.ru

Аннотация. Исследование, проведенное в аспекте дискурсионного подхода к художественному тексту – роману Е.И. Замятина «Мы», посвящено теме «наука и искусство», с целью демонстрации в Едином Государстве некой заинтересованности в научных достижениях при отсутствии заинтересованности в искусстве с его мощной творческой энергетикой. Развита идея о процессуальной значимости концепта 'ИСКУССТВО' в его особой форме 'НАУКА И ИСКУССТВО'. Роман Е.И. Замятина «Мы» трактуется как своеобразный художественный сплав собственно автора и вымышленного соавтора Д-503. Для первого «Мы» – космос, для второго «мы» – нумера Единого Государства. Роман становится своеобразной семиотической знаковой структурой, которая заключается в воссоединении двух создателей: живущего писателя (Е.И. Замятина) и сотворенного им повествователя Д-503. Именно между реальным и воображаемым автором на протяжении всего романа создается ментально-коммуникативная связь. Проблема же внутренней связи между автором и повествователем (Д-503) органично соотнесена с модусом текста по трактовке знаменитого швейцарского филолога Ш. Балли. Замятинское «Мы» особо отмечает объединение науки и 'ИСКУССТВА' за счет 'ТВОРЧЕСКОГО' начала, присущего тому и другому как неумной потребности гносеологической природы человека.

Ключевые слова: Е.И. Замятин; концепт; 'НАУКА И ИСКУССТВО', 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'; 'ПУШКИН'; модус; эпизод художественного произведения

Пушкин – наше все.

Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина [1].

Пушкин – наше ничто.

Парамонов Б.М. Пушкин – наше ничто [2].

Создатель романа «Мы» предстает, на наш взгляд, в двух ипостасях: с одной стороны, с идеей космического концепта¹ «Мы» Е.И. Замятина, с другой – с идеей «мы» – нумера Д-503. Именно между реальным автором и воображаемым соавтором на протяжении всего произведения имеется ментально-коммуникативная связь. «Мы» писателя Е.И. Замятина – обитатели Вселенной, космоса, «мы» повествователя Д-503 – нумера, одним из которых и является создатель конспектов – жалкое подобие рода человеческого, с претензией на космическое распространение

¹ Концепт, следуя определению Ю.Д. Чернейко, «включает в себя понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова – и денотативное, и коннотативное, отражающее представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [3, с. 75].

своего произведения. По словам Е.В. Падучевой, повествователь «может быть своего рода маской реального автора» [4, с. 39-40]. Роман «Мы» становится своеобразной семиотической знаковой структурой, которая заключается в воссоединении двух создателей: живущего писателя (Е.И. Замятина) и сотворенного им повествователя Д-503². Это способствовало определению общей семантики романа, которая многократно трактовалась как антиутопия.

1. Одно из устоявшихся суждений о романе «Мы» можно выразить словами самого Е.И. Замятина – предупреждение «об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства» [6, с. 257]. Общество Единого Государства демонстрирует вариант развития цивилизации, где люди (нумера) полностью поработаны Государством, которое превращает человека в винтик огромной государственной машины. Не имея возмож-

² М.А. Хатямова предлагает рассматривать роман Е.И. Замятина «Мы» как метароман [5, с. 136].

ности выбора, номера следуют всем продиктованным сверху распоряжениям, теряя при этом собственную личность и, как следствие, душу. В этом обществе живущему не нужно думать о будущем, все проблемы номеров решает Государство (образование, профессиональная реализация, искусство, религия, и т. д.). Для этого созданы Научное Бюро, Бюро Хранителей, Музыкальный Завод, Институт Государственных Поэтов и Писателей, Операционное, Медицинское Бюро и др. Распорядок их дня и личное время, сокращенное до минимума, полностью регулируются Часовой Скрижалью Единого Государства, не допускающей личного пространства. Создавая роман «Мы», Е.И. Замятин с тревогой предвидел, что человечество в будущем может столкнуться с ограничением личной свободы. По мнению В.Г. Шпак, в Советском Союзе это легко обнаружить в сопоставлениях: «Зеленая Стена – «Железный Занавес», Бюро Хранителей – НКВД, власть Благодетеля – тоталитарное правление И.В. Сталина, Часовая Скрижаль – «Краткий курс истории ВКП(б)» [7, с. 145]. Прибавим к этому сопоставлению В.Г. Шпак общую оценку культа вождя советского писателя А. Крона: «Культом порождает иерархию служителей культа – божеству нужны святители и угодники. Культи несовместим с критикой, самая здоровая критика легко превращается в ересь и кощунство» [8, с. 780].

Однако в Едином Государстве как будто не забывают о научных достижениях. Неслучайно в записках Д-503 есть упоминание имен ученых прошлого, некоторых терминов из области математики и физики, особенно в связи с этим выделяется имя Тейлора³. Как заметил Л. Геллер, теория Ф.У. Тейлора нашла свое отражение на страницах романа «Мы». Идея Ф.У. Тейлора об управлении рабочими во многом способствовала экономическим успехам Г. Форда в начале XX века, а также нашла свое отражение в научной организации труда СССР [9, с. 551].

³ Как пишет Дж. Куртис, Б. Тейлор, математик XVIII века, занимался исследованием дифференциальных и интегральных вычислений, что стало основой математически совершенной системы Единого Государства Е.И. Замятина, а также идеологического оружия номеров – космического корабля «Интеграл» [9, с. 551].

Тейлоризм – для Единого Государства главное научное достижение. Оно воплотилось в романе в концепте 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'⁴. Уже само название «Скрижаль» имеет глубокий символический смысл. «Скрижалями завета» (или заповедями) назывались 2 каменные плиты, будто бы начертанные самим Богом и переданные им Моисею на горе Синай [11, с. 158]. В Едином Государстве Божеством становится Благодетель, **Новым Заветом** – 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'. Метод Тейлора воспринимается как новое религиозное учение, а Тейлор оценивается как новый пророк: *Да, этот Тэйлор был, несомненно, гениальнейшим из древних. Правда, он не додумался до того, чтобы распространить свой метод на всю жизнь, на каждый шаг, на круглые сутки – он не сумел проинтегрировать своей системы от часу до 24. Но все же как они могли писать целые библиотеки о каком-нибудь там Канте – и едва замечать Тэйлора – этого пророка, сумевшего заглянуть на десять веков вперед* (Замятин Е.И. Мы.⁵). В Едином Государстве становится новое понятие, как правило, в форме словосочетания с определением, образованным от имени Тейлора: «зал **Тэйлоровских** экзерсисов», «**тэйлоризованное счастье**» – повествователь⁶ полагает, что счастливыми могут быть лишь номера, следующие рассчитанному математически расписанию, дающему право получить шторы, закрывающие окна (Замятин Е.И. Мы). Наука господствует над всеми сферами человечества, в том числе и над 'ИСКУССТВОМ'⁷. Примечательно, что само зарождение Единого

⁴ Н.Н. Фигуровский предполагает, что в «предках» Часовой Скрижали были произведения Т. Мора и «Таблица времяпрепровождения» Ш. Фурье [10, с. 21].

⁵ URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml.

⁶ Как пишет Е.В. Падучева, «именно повествователь является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель. Он же становится центром той системы пространственно-временных координат, которая необходима для приведения в действие разветвленного механизма действительной (указательной) референции, заложенного в языке и активно работающего в любом повествовательном тексте» [4, с. 202].

⁷ Подобное противопоставление (Тейлора и искусства) отмечает И.Н. Сухих в статье «О городе солнца, еретиках, энтропии и последней революции (1920. «Мы» Е. Замятина)» [12, с. 98].

го Государства связывают с появлением 'ЧАСОВОЙ СКРИЖАЛИ', и именно от создания 'ЧАСОВОЙ СКРИЖАЛИ'⁸ ведется летоисчисление. 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'⁹ регулирует жизнь нумеров полностью: режим сна, время приема пищи, работы и отдыха. Личные же часы включают в себя секс в талонный день, самообразование, посещение музея – Древнего Дома, создание произведений искусства (имеется в виду искусство, признанное таковым правительством Единого Государства, например, марш для ежедневной прогулки или ода во славу Благодетеля): *Но самым невероятным мне всегда казалось именно это: как тогдашняя – пусть даже зачаточная – государственная власть могла допустить, что люди жили без всякого подобия нашей Скрижали...* (Замятин Е.И. Мы). Пишущий конспекты Строитель «Интеграла» Д-503 сравнивает 'ЧАСОВУЮ СКРИЖАЛЬ' с «Расписанием железных дорог» древних людей, находя значительные преимущества первой, воспринимаемой в качестве достижения эволюции. В признании и высокой оценке «Расписанием железных дорог» лишний раз обнаруживается главное в характеристике романа «Мы»: его модусная основа. Модус/диктум Ш. Балли заключается не в грамматическом значении, а в семантическом с использованием тонкой градации [15, с. 44].

2. Эта градация требует перехода к диалектическому концепту, включающему два компонента в их сочинительной связи, – 'НАУКА И ИСКУСТВО'. Концепт 'НАУКА И ИСКУСТВО' можно считать одним из процессуальных концептов (С.Г. Ильенко). Рассмотрение не только статических, но и процессуальных концептов существенно продвинуло теорию концептологии. Приведем два убедительных высказывания. П. Хардер: «...наблюдается поворот от статического к

динамическому аспекту языка. Подтверждением этому служит тот факт, что в фокусе внимания оказывается не смысл *per se*, а процесс его формирования» [16, с. 666]. Н.Н. Болдырев: «к грамматическим схемам интерпретаций знаний о мире относятся грамматические и лексико-грамматические категории частей речи, синтаксические категории и синтаксические модели предложения, коммуникативные типы высказывания и грамматические средства коммуникативного членения, предикативные категории, артикли и т. д.» [17, с. 37]. Поучительно включение в интерпретацию знаний о мире самых различных грамматико-лексических, собственно-синтаксических и коммуникативных (с актуальным членением) предложений.

Нумерам Единого Государства были известны разновидности искусства, естественно, в самом примитивном их понимании, без внимания к основе подлинного искусства – 'ТВОРЧЕСКОМУ' его началу. И вдруг... Первый Строитель «Интеграла» Д-503 *«мечтает формулами»*, да еще и *«закрывши глаза»*, и по-своему, но реагирует на музыку А.Н. Скрябина. Еще раз повторим – Д-503 мечтает. Это весьма распространенное в русской поэзии, особенно у В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, слово оказалось в своем дискурсионном значении многогранным и многообещающим, напомним В.А. Жуковского: *Как часто о часах минувших я мечтаю...* (Жуковский В.А. К Филалету.¹⁰). Склонен к Мечте с большой буквы был и А.С. Пушкин, имя которого прозвучало в романе.

3. Обращенность в романе Е.И. Замятина к концепту 'ПУШКИН' невольно выводит к «Русскому ассоциативному словарю» 1996 г. (Кн. 3). На слово-стимул 'ПУШКИН' последовали вот такие реакции: «поэт 26; Лермонтов 11; стихи 5; А.С., гений 4; Александр, Онегин, писатель 3; Александр Сергеевич, бакенбарды, великий, книга 2; 19 век, Ахматова, в руке его всегда словарь лежал, в Царском Селе, великий поэт, великий русский поэт, веселый, всадник, глаза, Годунов, дуэль, Евтушенко, живой, К Керн, красота, кучерявый, Медный всадник, мой, Мусин, Мцыри, на юге, памятник, писал, прекрасно, природа, пушка, с нами, сказка, стихотворец, талант, терпеть не могу, убит, царь Салтан, я что ли

⁸ Этот факт может служить одним из признаков признания Единого Государства в качестве нового Бога взамен старого Бога – Иисуса Христа [13, с. 84].

⁹ Интересен тот факт, что одна из книг, принадлежащих по своему содержанию к оккультным наукам, имела название «Изумрудная Скрижаль». Эта книга была найдена в библиотеке И. Ньютона. Как пишет В.В. Иванов, «в этой книге содержится много того, что потом И. Ньютон, а также Г.Ф. Лейбниц и другие переложили на язык современного математического анализа» [14, с. 87].

¹⁰ URL: <https://ru-poem.ru/zhukovskij/gde-ty-dalekij.aspx>.

1» [18, с. 145]. Наши соотечественники связывают имя 'ПУШКИНА', прежде всего, с гениальным русским поэтом, создателем впечатляющих произведений поэзии и драмы, вспоминают факты его незаурядной биографии. По существу, чисто внешний оригинальный образ гениального поэта России соединяют с судьбой поэта в жизни и искусстве в целом. В романе Е.И. Замятина двойственность концепта 'ПУШКИН' проявляется в различии отношения автора – Е.И. Замятина и автора-повествователя. Если для самого писателя 'ПУШКИН' – великий русский поэт, то для Д-503 – лишь пример чего-то очень древнего для него, безразличного («кажется»), если не сказать смешного: *С полочки на стене прямо в лицо мне чуть приметно улыбалась курносая асимметрическая физиономия¹¹ какого-то из древних поэтов (кажется, Пушкина)* (Замятин Е.И. Мы). О подчеркнуто равнодушном отношении Д-503 свидетельствует вводное слово «кажется». Такое отношение обусловлено Единым Государством, пропагандирующим бесполезность 'ИСКУССТВА'. С.С. Хойсингтон одна из первых (и это главное) писала о роли А.С. Пушкина в семантической составляющей романа «Мы». Она определяет это присутствие как мифологическое. По мнению С.С. Хойсингтон, это присутствие воплощается образами поэта R-13 и революционерки I-330: «вместе они являют собой высочайший синтез поэта, пророка и духовного революционера» [19, с. 19]. Автор особо подчеркивает схожесть судьбы государственного поэта R-13, вынужденного работать по заказу правительства и под строгой цензурой¹² с

¹¹ Известно, что художники отмечали действительную асимметрию во внешности А.С. Пушкина в расположении глаз (один чуть ниже другого). Однако курносый А.С. Пушкин никогда не был. Поэт предпочитал свое изображение в профиль: *Зачем твой дивный карандаш / Рисует мой арапский профиль? / Хоть ты векам его предашь, / Его освищет Мефистофель* (Пушкин А.С. TO DAWE, ESQ // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 3. С. 58).

¹² Как отмечает С. Белковский, говоря о схожести судеб В.С. Высоцкого и А.С. Пушкина: «У каждого поэта свой памятник. У Пушкина – с высоты спокойного ожидания смерти, как утренней разностицы молока. У Высоцкого – из глубины мучительного ее ожидания, марева наркотической агонии» [20, с. 19]. Трагическую судьбу русских поэтов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, Н.С. Гумилева

судьбой А.С. Пушкина. С.С. Хойсингтон останавливается на внешности R-13: большие выступающие губы (в качестве, по существу, единственной внешней особенности), являющиеся для С.С. Хойсингтон «опознавательным лейтмотивом» мифологической связи двух поэтов [19, с. 15]. При самой положительной оценке этой работы, нельзя не увидеть в ней ряд существенных недоговоренностей. Прежде всего, это суждения о своем портрете самого А.С. Пушкина, начиная с лицейского периода. В лицейские годы написано стихотворение «Мой портрет»¹³, дающее описание собственной внешности с таким характерным для поэта дополнением, как внутренние черты личности, его характер и привычки. Написано оно по-французски и начинается так: *Vous me demandez mon portrait, / Mais peint d'après nature...* В переводе с французского: *Вы просите у меня мой портрет, / Но списанный с натуры...* Описывая внешность, поэт обращает внимание на свой рост, лицо и волосы: *Ma taille à celles des plus longs / Ne peut être égalée; / J'ai le teint frais, les cheveux blonds / Et la tête bouclée*, в переводе с французского: *По росту я с самыми долговязыми / Вряд ли могу ровняться; / У меня свежий цвет лица, русые волосы / И кудрявая голова.* Показательно, что на губы поэт внимания не обращает. Оканчивается стихотворение общей характе-

отмечал сам Е.И. Замятин в одной из лекций по русской литературе, с которыми писатель выступал перед читателями в европейских странах в 1930-х гг. [21]. Перенимая судьбу великого поэта А.С. Пушкина, R-13 «оказывается в драматическом положении художника в тоталитарном обществе» [22, с. 20]. Его внутренней трагедией является «трагедия понимания»: «R-13, презирающий свое служение Единому Государству, все же ищет объяснение существованию тоталитаризма и искусства, его обслуживающего» [22, с. 21].

¹³ «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1939. Т. 3, главная редакция Б.М. Волина и профессора Д.Н. Ушакова) дает следующее толкование слова «портрет»: «ПОРТРЕТ, портрета, м. (фр. portrait). 1. Картина, рисунок или фотография с изображением лица, фигуры какого-н. человека. Расстались мы, но твой портрет я на груди своей храню. Лермонтов. Поясный портрет. Портреты работы художника Серова. Портрет масляными красками. || перен. Полное подобие кого-н. (разг.). Он портрет своего отца. 2. перен. Изображение, характеристика. Намарал я свой портрет, как Байрон, гордости поэт. Пушкин. 3. Описание внешности персонажа в литературном произведении (лит.). Искусство портрета у Гоголя» [23, с. 611-612].

ристикой (внешней и внутренней): *Vrai démon pour l'espièglerie, / Vrai singe par sa mine, / Beaucoup et trop d'étourderie. / Ma foi, voilà Pouchkine*, в переводе с французского: *Суций бес в проказах, / Суцая обезьяна лицом, / Много, слишком много ветренности – / Вот каков Пушкин* (Пушкин А.С. Mon portrait.¹⁴). (В скобках заметим, что Е.И. Замятин дает своему главному персонажу – Д-503 – «обезьяньи» руки, возможно, как бы намекая на его писательский дар).

4. Рассмотрение художественного текста в дискурсионном аспекте предполагает использование в качестве единиц анализа не столько высказывание, сколько более масштабные единицы, обладающие объективно-субъективной оперативной совокупностью высказываний, связанных функционально и модусно-диктумной характеристикой, обладающей широкой вариативностью композиционно-синтаксической организации. С точки зрения рассмотрения художественного произведения целесообразно выделять понятие **эпизода**, имеющего свою структуру, связанную с количеством участников, принадлежностью их к главной или второстепенной роли. Опишем два эпизода с участием поэта R-13. Первый. Описание трех персонажей: повествователя Д-503, влюбленной в него О-90 («сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы») и поэта R-13. Эпизод связан с эвиденциальностью (обнаружением источников информации) двух номеров (Д-503 и R-13) и случившейся здесь О-90. Диалог начинается поэт, увидев стоявшего у Бюро Хранителей Д-503. R-13 начал с обращения: – *Эй, математик, замечтался!* (Замятин Е.И. Мы). От неожиданности Д-503 вздрогнул, и что же он обнаружил: *На меня – черные, лакированные смехом глаза, толстые, негрские губы. Поэт R-13, старый приятель, и с ним розовая О* (Замятин Е.И. Мы). Дальнейший диалог (диалогема – С.Г. Ильенко) со словами персонажа, сопровождающийся авторской ремаркой, передадим полностью:

– *Не замечтался, а уж если угодно – залюбовался, – довольно резко сказал я.*

– *Ну да, ну да! Вам бы, милейший, не математиком быть, а поэтом, поэтом, да!*

¹⁴ Пушкин А.С. Mon portrait // Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах, стихотворения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 217-218, 441-442.

Ей-ей, переходите к нам – в поэты, а? Ну, хотите – мигом устройю, а?

R-13 говорит захлебываясь, слова из него так и хлещут, из толстых губ – брызги; каждое «п» – фонтан, «поэты» – фонтан.

– *Я служил и буду служить знанию, – нахмурился я: шутка я не люблю и не понимаю, а у R-13 есть дурная привычка шутить.*

– *Ну что там: знание! Знание ваше это самое – трусость. Да уж чего там: верно. Просто вы хотите стенкой обгородить бесконечное, а за стенку-то и боитесь заглянуть. Да! Выгляните – и глаза зажмури-те. Да!*

– *Стены – это основа всякого человеческого... – начал я.*

R – *брызнул фонтаном, О – розово, кругло смеялась. Я махнул рукой: смейтесь, все равно* (Замятин Е.И. Мы). Характеризуя эту диалогему, обратим внимание на индивидуальную речь каждого говорящего. Для Д-503 – строгость литературной нормы собственно прямой речи и резкая характеристика слов ее сопровождающих: «*Стены – это основа всякого человеческого... – начал я*». Совсем по-другому представлены реплики поэта R-13: эллиптические предложения, обращения («*математик*», «*милейший*»), частицы («*ну да*», «*да уж*», «*ну*», «*да*»), междометия («*ей-ей*», «*ну*», «*а*»), которое часто заканчивает предложение). Обращает на себя внимание и концовка эпизода отсутствием коварной цифры: R вместо R-13, О вместо О-90 и «я» – выступающее как бы в противовес «мы». Характерны и предикаты: поэт «*брызнул*», розовая О «*розово, кругло смеялась*», «я» «*махнул рукой*».

В качестве второго эпизода рассмотрим Запись 6. Она представляет собой завершенность, поскольку это единственный конспект, подчеркивающий свою завершенность названием: *Случай. Проклятое «ясно». 24 часа* (Замятин Е.И. Мы). Эту часть повествования Д-503 можно считать началом новеллы, включенной в повествование «Мы». Новелла посвящена обретению у номера души. Процессу физически, психологически и коммуникативно наитруднейшему¹⁵. Что касает-

¹⁵ Интересно отметить, что у А.С. Пушкина жизнь души поэта связана с творчеством, без него она спит: *Молчит его святая лира; / Душа вкушает хладный сон,*

ся концептуального выражения этого процесса обретения души, то он может быть представлен ключевыми словами: от «ясно» – «Единое Государство» – «шторы» – «Бюро Хранителей» до «Древний Дом» – «хаос» – «сновидения» – «любовь» – «МЕФИ». В качестве иллюстрации может послужить диалогема двух основных персонажей: Д-503 и I-330. Самое существенное в ней представлено лексемой «ясно», которая употребляется в речевых актах¹⁶: дифференцировано психологически и семантически у Первого Строителя «Интеграла» и последовательно иронически у I-330. Приведем пассаж из использованных названных речевых актов:

– *Послушайте, вы, ясно, хотите оригинальничать, но неужели вы...*

– *Ясно, – перебила I, – быть оригинальным – это значит как-то выделиться среди других. Следовательно, быть оригинальным – это нарушить равенство... И то, что на идиотском языке древних называлось «быть банальным», у нас значит: только исполнять свой долг. Потому что...*

– *Да, да, да! Именно. – Я не выдержал. – И вам нечего, нечего...*

Она подошла к статуе курносого поэта и, завесив шторой дикий огонь глаз, там, внутри, за своими окнами, сказала на этот раз, кажется, совершенно серьезно (может быть, чтобы смягчить меня), сказала очень разумную вещь:

– *Не находите ли вы удивительным, что когда-то люди терпели вот таких вот? И не только терпели – поклонялись им. Какой рабский дух! Не правда ли?*

/ И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он. / Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта вострепнется, / Как пробудившийся орел (Пушкин А.С. Поэт // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 3. С. 21).

¹⁶ Как пишет А. Вежбица: «...различные так называемые речевые акты типа сообщения, просьбы, совета, обещания, предостережения и т. д. по определению включают различные намерения и предположения; наблюдая извне речевой акт любого рода, мы можем назвать или не назвать его сообщением, просьбой или советом и т. д. в зависимости от двух факторов: (1) что было сказано и (2) считаем ли мы, что намерения и/или предположения, выражаемые словами или интонацией того, что говорится, действительно могут быть предписаны говорящему» [24, с. 255].

– *Ясно... То есть я хотел... (это проклятое «ясно»!).*

– *Ну да, я понимаю. Но ведь, в сущности, это были владыки посильнее их коронованных. Отчего они не изолировали, не истребили их? У нас...*

– *Да, у нас... – начал я. И вдруг она рассмеялась* (Замятин Е.И. Мы).

Господствующее «ясно» делается ядром этой диалогемы. При этом представленным достаточно полным эпизодом, окрашенным неоконченным высказыванием, презентированным союзом «потому что». Характерна и ответная реакция Д-503, презентированная только служебными словами: неполным предложением «ничего, ничего», частицей «именно» и трижды повторенным «да, да, да»¹⁷. По существу оппонентом Д-503 выступает сам автор, уходя в тень номера I-330, но делая это с тонкой иронией (имеется в виду соотношение «гений»–«толпа»)¹⁸. Здесь напрашивается сравнение художественного творчества в Едином Государстве с догматическим влиянием марксизма на советскую культуру. Сам Е.И. Замятин в статье «Я боюсь» подчеркивал, что в отличие от экономики, народного образования, политики и торговли в искусстве, и, в частности, в литературе, «марксистской линии нет и быть не может», «потому что художественное творчество стандартизировать нельзя» [26, с. 22].

Но, как говорилось, следует рассматривать концепт 'ПУШКИН' в тексте романа в более широком смысле как одно из проявлений концептов 'ИСКУССТВО' и 'ТВОРЧЕСТВО': роль искусства в социуме, связь искусства и истории, воплощение в искусстве нравственных идеалов: в первую очередь любви и свободы духа. В этой связи вспоми-

¹⁷ Л.Р. Шевлякова отмечает особенности ритма романа Е.И. Замятина: «лексический повтор оказывает непосредственное влияние на количественные показатели синтагменного ритма. Увеличение повторяющихся элементов способствует росту числа малых колонов. <...> синтаксические приметы устности, способствуя членению речевого потока на минимальные синтагмы, закрепляют на письме ритмические особенности разговорной речи» [25, с. 13].

¹⁸ Ср. противопоставление «поэт»–«толпа» у А.С. Пушкина: *Он пел – а хладный и надменный / Кругом народ непосвященный / Ему бессмысленно внимал* (Пушкин А.С. Поэт и толпа // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 3. С. 85).

наются слова поэта и номера R-13 об одном осужденном, для которого он поэтизировал приговор для дальнейшей его декламации перед казнью: *Один идиот, из наших же поэтов... Два года сидел рядом, как будто ничего. И вдруг – на тебе: «Я, говорит, – гений, гений – выше закона». И такое наляпал... Ну да что... Эх!* (Замятин Е.И. Мы). Характерно, что поэт использует в качестве бранного «идиот», иронически «гений», пренебрежительно просторечное «наляпал», чем подчеркивается отношение номеров к происшествиям такого рода. По мнению М.А. Хатямовой, Е.И. Замятин в романе «Мы» выразил разные тупики в развитии искусства своего времени: «и соцреализм, и авангард, направленные на переделку мира и человека, на проектирование будущего», они обесценивают личность [5, с. 140]. Если попытаться продолжить убедительное высказывание М.А. Хатямовой, то следует, прежде всего, иметь в виду постоянное внимание Е.И. Замятина к гносеологической оценке индивидуальной личности, к вопросам антропоцентризма в современном его понимании. «Переделка мира и человека» – это ведь не только самый популярный советский лозунг, не только Беломорканал, суть которого не распознал даже М. Горький. Существует проектирование не только в отрицательном, но и допустимом, а на современном этапе необходимом (эпистематическом) уровне, чем нельзя не только пренебрегать, но следует идейно-прагматически заниматься. Только при этом вслед за А.С. Пушкиным мы сможем воскликнуть: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (Пушкин А.С. Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас?...»¹⁹).

Подведем итоги нашего исследования.

Роман Е.И. Замятина «Мы» становится своеобразной семиотической структурой. Автор романа «Мы» предстает в двух ипостасях: «Мы» (с заглавной буквы) писателя Е.И. Замятина и «мы» (с маленькой буквы) номера Д-503. Замятинское «Мы» особо отмечает объединение науки и «ИСКУССТВА» за счет «ТВОРЧЕСКОГО» начала, присущего тому и другому как неумной потребности гносеологической природы человека. Представленный нами лингвистический анализ, прежде всего, в аспекте коммуникативно-

структурного синтаксиса, является еще одним существенным доказательством идеи Е.И. Замятина о возможной катастрофе человеческой цивилизации и веры, однако, в окончательную победу космического духа «Мы».

Список литературы

1. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая. Пушкин – Грибоедов – Гоголь – Лермонтов // Григорьев А.А. Апология почвенничества / сост. и комм. А.В. Белова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008.
2. Парамонов Б.М. Пушкин – наше ничто // Звезда. 1999. № 6.
3. Чернейко Ю.Д. Гештальтная структура абстрактного имени // НДВШ – филологические науки. 1995. № 4. С. 73-83.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
5. Хатямова М.А. «Мы» Е.И. Замятина как метароман // Культура и текст. 2005. № 9. С. 136-144.
6. Лёфевр Ф. Один час с Замятиным, кораблестроителем, прозаиком и драматургом // Замятин Е.И. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999. С. 257-262.
7. Шпак В.Г. Синтетизм в системе художественного мышления Е.И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 196 с.
8. Крон А. Заметки писателя // Литературная Москва. М., 1956. Т. 2. С. 780-790.
9. Куртис Дж. Исследования романа «Мы» за рубежом // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. С. 535-563.
10. Фигуровский Н.Н. К вопросу о жанровых особенностях романа Е.И. Замятина «Мы» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 2. С. 18-25.
11. Абдусамедов А.И., Алейник Р.М., Алиева Б.А. и др. Атеистический словарь / под общ. ред. М.П. Новикова. М.: Политиздат, 1986. 512 с.
12. Сухих И.Н. О городе солнца, еретиках, энтропии и последней революции (1920. «Мы» Е. Замятина) // Двадцать книг 20 века: Эссе. СПб.: Паритет, 2004. С. 70-98.
13. Борода Е.В. Проза Е.И. Замятина: поэтика конфликта в замкнутом пространстве: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.

¹⁹ URL: <http://ilibrary.ru/text/562/p.1/index.html>.

14. *Иванов В.В.* Актовые лекции в Международном университете в Москве. М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2014. 100 с.
15. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
16. *Хардер П.* Язык, языки и языковое взаимодействие: к вопросу об объекте (объектах) лингвистического описания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 666-684.
17. *Болдырев Н.Н.* Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 34-39.
18. *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 2. М.: ИРЯ РАН, 1996. 212 с.
19. *Хойсингтон С.С.* Присутствие Пушкина в романе Замятина «Мы» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1999. Вып. 2. С. 14-22.
20. *Белковский С.* Высоцкий и Пушкин // Новая газета. 2018. 26 янв.
21. *Замятин Е.И.* Пушкин // Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: «Дмитрий Сечин»; «Республика», 2010.
22. *Хатямова М.А.* Искусство как должное в романе Е. Замятина «Мы» // Русская литература в 20 веке: имена, проблемы, культурный диалог: сб. ст. Томск: Нац. исслед. Томск. гос. ун-т, 2006. С. 7-26.
23. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. Т. 3. 1424 с.
24. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251-275.
25. *Шевлякова Л.Р.* Ритм орнаментальной прозы (на материале произведений Е.И. Замятина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007.
26. *Любимова М.Ю.* Биография Е.И. Замятина: Источники для реконструкции // Евгений Замятин и культура 20 века. Исследования и публикации. СПб.: Изд-во РНБ, 2002. С. 8-36.

Поступила в редакцию 15.03.2018 г.

Отрецензирована 10.04.2018 г.

Принята в печать 11.05.2018 г.

Информация об авторе

Гредель Вероника Павловна, аспирант, кафедра русского языка. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: nikas16@yandex.ru

Для цитирования

Гредель В.П. Концепт 'НАУКА И ИСКУССТВО' в художественно-дискурсионном поле коммуникативно-синтаксической структуры романа Е.И. Замятина «Мы» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 44-53. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53.

**A ‘SCIENCE AND ART’ CONCEPT IN ARTISTIC-DISCURSIVE FIELD
OF COMMUNICATIVE-SYNTACTICAL STRUCTURE
OF E.I. ZAMYATIN’S “WE” NOVEL**

Veronika Pavlovna HREDEL

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moyka River Emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation
E-mail: nikas16@yandex.ru

Abstract. The research, carried out in the aspect of discursive approach to literary text – E.I. Zamyatin’s “We” novel, is dedicated to ‘SCIENCE AND ART’ theme with a purpose to demonstrate into One State some interest in scientific attainments in the absence of interest in art, with its powerful creative energy. An idea of processual significance of ‘ART’ concept in its special form ‘SCIENCE AND ART’ is being evolved. E.I. Zamyatin’s novel is interpreted as unique artistic composition of the author himself and fictional co-author D-503. For the former “We” is a universe, for the latter “we” are numbers of One State. The novel has become a unique semiotic and symbolic structure, which consists of the union of the two creators: the real writer (E.I. Zamyatin) and the narrator D-503 created by him. Mental and communicative connection is constructed between the real and the fictional author throughout the novel. The problem of internal connection between the author and the narrator (D-503) correlates with the text modus according to famous Swiss philologist Ch. Bally. Zamyatin’s “We” marks specifically the integration of science and ‘ART’ due to ‘CREATIVE’ quality which is inherent by both of them as a persistent need of human’s gnoseological nature.

Keywords: E.I. Zamyatin; concept; ‘SCIENCE AND ART’; ‘TABLE OF HOURS’; ‘PUSHKIN’; modus; episode of artwork

References

1. Grigorev A.A. Vzglyad na russkuyu literaturu so smerti Pushkina. Stat'ya pervaya. Pushkin – Griboedov – Gogol – Lermontov [View of Russian Literature since the Death of Pushkin. Article One. Pushkin – Griboedov – Gogol – Lermontov]. In: Grigorev A.A. *Apologiya pochvennichestva*. [The Apology of Pochvennichestvo]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2008. (In Russian).
2. Paramonov B.M. Pushkin – nashe nichto [Pushkin is Our Nothing]. *Zvezda* [Star], 1999, no. 6. (In Russian).
3. Cherneyko Y.D. Geshtal'tnaya struktura abstraktnogo imeni [Gestalt structure of abstract name]. *NDVSH – filologicheskie nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1995, no. 4, pp. 73-83. (In Russian).
4. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic Research (Semantics of Time and Aspect in the Russian Language; Semantics of the Narrative)]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1996, 464 p. (In Russian).
5. Hatyamova M.A. «My» E.I. Zamyatina kak metaroman [“We” by E.I. Zamyatin as metanovel]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2005, no. 9, pp. 136-144. (In Russian).
6. Lefevr F. Odin chas s Zamyatynym, korablestroitelem, prozaikom i dramaturgom [One hour with Zamyatin, shipbuilder, novelist and playwright]. In: Zamyatin E.I. *Ya boyus'. Literaturnaya kritika. Publitsistika. Vospominaniya* [I'm Afraid. Literary Criticism. Publicism. Memories]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 257-262. (In Russian).
7. Shpak V.G. *Sintetizm v sisteme khudozhestvennogo myshleniya E.I. Zamyatina: dis. kand. filol. nauk* [Synthetism in the System of Artistic Thinking of E.I. Zamyatin: Cand. phil. sci. diss.]. Samara, 2001. (In Russian).
8. Kron A. Zаметки pisatelya [Writer’s notes]. *Literaturnaya Moskva* [Literary Moscow]. Moscow, 1956, vol. 2, pp. 780-790. (In Russian).
9. Curtis J. Issledovaniya romana «My» za rubezhom [Studies on the novel “We” in foreign countries]. *Evgeniy Zamyatin. «My»: Tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana* [Evgeniy Zamyatin. “We”: Text and Materials for the Creative History of the Novel]. St. Petersburg, Publ. House “Mir”, 2011, pp. 535-563. (In Russian).
10. Figurovskiy N.N. K voprosu o zhanrovyykh osobennostyakh romana E.I. Zamyatina «My» [On the question of the iconic features of the novel “We” by E.I. Zamyatin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*, 1996, no. 2, pp. 18-25. (In Russian).

11. Abdusamedov A.I., Aleynik R.M., Alieva B.A. et al. *Ateisticheskiy slovar'* [The Atheist Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 512 p. (In Russian).
12. Sukhikh I.N. O gorode solntsa, eretikakh, entropii i posledney revolyutsii (1920. «My» E. Zamyatina) [About the City of the Sun, Heretics, Entropy and the Last Revolution (1920. "We" by E. Zamyatin)]. *Dvadsat' knig 20 veka: Esse* [Twenty Books of the 20th Century: Essay]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2004, pp. 70-98. (In Russian).
13. Boroda E.V. Proza E.I. Zamyatina: poetika konflikta v zamknutom prostranstve: dis. ... kand. filol. nauk [The Prose of E.I. Zamyatin: the Poetics of Conflict in a Confined Space: Cand. phil. sci. diss.]. Tambov, 2003. (In Russian).
14. Ivanov V.V. *Aktovye leksii v Mezhdunarodnom universitete v Moskve* [Lectures at the International University in Moscow]. Moscow, International University in Moscow Publ., 2014, 100 p. (In Russian).
15. Bally C. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and French Language Issues]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1955, 416 p. (In Russian).
16. Harder P. Yazyk, yazyki i yazykovee vzaimodeystvie: k voprosu ob obekte (obektakh) lingvisticheskogo opisaniya [Language, languages and language interrelation – on the object(s) of Linguistics description]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2016, issue 24, pp. 666-684. (In Russian).
17. Boldyrev N.N. Rol' yazyka v strukturirovanii soznaniya [The role of language in structuring cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2015, issue 22, pp. 34-39. (In Russian).
18. Karaulov Y.N., Sorokin Y.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. *Russkiy assotsiativnyy slovar'. Kn. 3. Pryamoy slovar': ot stimula k reaksii. Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka. Ch. 2* [Russian Associative Dictionary. Part 2]. Moscow, Russian Language Institute of the RAS, 1996, 212 p. (In Russian).
19. Hoisington S.S. Prisutstvie Pushkina v romane Zamyatina «My» [The Pushkinian presence in Zamyatin's novel "We"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1999, no. 2, pp. 14-22. (In Russian).
20. Belkovskiy S. Vysotskiy i Pushkin [Vysotsky and Pushkin]. *Novaya gazeta – New Newspaper*, 2018, Jan. 26. (In Russian).
21. Zamyatin E.I. Pushkin [Pushkin]. In: Zamyatin E.I. *Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 4. Besedy eretika* [Complete Works: in 5 vols. Vol. 4. Heretic's Conversations]. Moscow, "Dmitriy Sechin" Publ., "Respublika" Publ., 2010. (In Russian).
22. Hatyamova M.A. Iskustvo kak dolzhnoe v romane E. Zamyatina «My» [Art is for granted in E. Zamyatin's novel "We"]. *Russkaya literatura v 20 veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue]. Tomsk, National Research Tomsk State University, 2006, pp. 7-26. (In Russian).
23. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1939, vol. 3, 1424 p. (In Russian).
24. Wierzbicka A. Rechevye akty [Speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika*. [New in Foreign Linguistics: Issue 16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 251-275. (In Russian).
25. Shevlyakova L.R. *Ritm ornamental'noy prozy (na materiale proizvedeniy E.I. Zamyatina): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rhythm of Ornamental Prose (on the Material of E.I. Zamyatin's Works). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Almaty, 2007. (In Russian).
26. Lyubimova M.Y. Biografiya E.I. Zamyatina: Istochniki dlya rekonstruktsii [The biography of E.I. Zamyatin: Sources for the reconstruction]. *Evgeniy Zamyatin i kul'tura 20 veka. Issledovaniya i publikatsii* [Evgeniy Zamyatin and Culture of the 20th Century. Research and Publications]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2002, pp. 8-36. (In Russian).

Received 15 March 2018

Reviewed 10 April 2018

Accepted for press 11 May 2018

Information about the author

Hredel Veronika Pavlovna, Post-Graduate Student, Russian Language Department. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: nikas16@yandex.ru

For citation

Hredel V.P. A "Science and Art" concept in artistic-discursive field of communicative-syntactical structure of E.I. Zamyatin's "We" novel [A "SCIENCE AND ART" concept in artistic-discursive field of communicative-syntactical structure of E.I. Zamyatin's "We" novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 44-53. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ЧТЕНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чэнь Сыци, Бальжима Базаровна БУДАЖАПОВА

Даляньский университет информатики “Neusoft”
116023, Китайская Народная Республика, г. Далянь, Софтвер Парк Роуд, 8
E-mail: tanyul2008@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые особенности обучения чтению на русском языке китайских студентов. Проблема обучения чтению китайских студентов, изучающих русский язык, является одной из важных и недостаточно разработанных проблем преподавания русского языка как иностранного. Для повышения эффективности при преподавании дисциплины чтения предложены принципы отбора текстового материала, предтекстовых и послетекстовых заданий, которые направлены на формирование навыков извлечения необходимой информации из печатного текста. Предложенные способы обучения позволяют повысить уровень мотивации чтения на русском языке в китайской аудитории. Приведены результаты исследования, которое проводилось в течение последних трех лет по отбору материала для чтения. Установлено, что используемый принцип отбора текста для чтения позволяет повысить уровень сформированности чтения, аудирования и говорения. Предложенная система работы с отбором текстов последовательно и конкретно направлена на облегченное понимание содержания читаемого и развивает умения оперировать языковым материалом с учетом специфики восприятия письменного текста, что помогает пониманию учебного материала. Ученый опыт работы позволяет констатировать, что отобранные тексты для чтения привлекают внимание обучающихся к изучению русского языка и формируют лингвокультурологическую толерантность.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; китайская аудитория; тексты для чтения; мотивация

Полноценный навык чтения в жизни современного человека имеет существенное значение, поскольку образовательная деятельность человека строится на основе чтения. Обучение китайских студентов, изучающих русский язык, чтению как виду речевой деятельности является одной из важных и недостаточно разработанных проблем в методике преподавания русского языка как иностранного.

На наш взгляд, главным является не только обучение чтению, но и умение понимать и оценивать прочитанное, особенно если понимание текстов обусловлено культурной семантикой прочитанного текста. В методике преподавания русского языка как иностранного имеются исследования, посвященные обучению чтению различных контингентов учащихся на разных этапах обучения, но их анализ свидетельствует о том, что решены лишь отдельные вопросы, не сводимые в единую целостную систему обучения чтению [1–5].

Привитие студентам интереса к чтению всегда было основной целью обучения чтению на русском языке. Способность правильно выбрать, получить информацию и в будущем преобразовать ее формируется и развивается не у каждого студента, изучающего русский язык. Существует много факторов, влияющих на способность читать, понимать и оценивать прочитанное (например, лексический запас, грамматика, психологические и физиологические факторы, сформированность умений чтения на родном языке, лингвокультурология и т. д.) [6; 7]. Отметим, что среди названных факторов ключевыми являются лексический запас, грамматика и фоновые знания. Сочетание этих трех факторов позволяет обучающимся эффективно работать и понять текстовую информацию.

В рамках вузовской программы по русскому языку в Даляньском университете информатики “Neusoft” учебную дисциплину «Чтение» проходят на третьем курсе. Цель данной учебной дисциплины – повышение скорости чтения и понимание студентами

содержания текста, развитие всестороннего мышления и способности анализировать, осмысливать и оценивать текстовый материал. При обучении студентов русскому языку необходимо использовать словари и справочники, что расширяет словарный запас и формирует языковое восприятие.

Предмет «Чтение» в учебном плане при изучении русского языка как иностранного планируется не как обязательная дисциплина, а как вариативный курс. В связи с этим на эту дисциплину отводится меньше часов, а именно: всего 2 часа в неделю. Занятия по этой дисциплине направлены на улучшение чтения русскоязычного текста (читается вслух), работу с вопросно-ответной формой, формирование навыков выполнения практических упражнений по тексту.

Замечено, что в процессе формирования навыков чтения некоторые преподаватели уделяют большое внимание объяснению слов, предложений, анализу каждого абзаца. В этом случае студенты сосредотачиваются только на понимании отдельных слов или предложений и не способны понять текст в целом, что не формирует способность выбирать, анализировать и обобщать текстовую информацию¹ [8; 9].

Таким образом, особую актуальность приобретает вопрос изучения и описания особенностей организации обучения китайских студентов чтению русского текста. Перед преподавателями стоит важная задача – разработать методы, приемы и способы для преодоления трудностей восприятия содержания текста и извлечения информации при чтении русского письменного текста китайскими студентами с учетом их языковой картины мира, обучить китайских студентов самостоятельному чтению и пониманию текстов средней трудности как в аудитории, так и дома.

Для повышения эффективности обучения чтению русского текста китайским студентам предлагаются следующие принципы.

1. Отбираются тексты, мало содержащие современную абстрактную лексику, например, *тайм-менеджмент*.

2. Учитываются фоновые знания: чем больше читатель имеет фоновых знаний о предмете, тем легче ему читать. Причина в том, что если неизвестны значения многих слов, то и текст воспринимается с трудом, это существенно затрудняет задачу осмысления предмета. Текст, содержащий большое количество новых слов и сложные грамматические конструкции, обычно вызывает у китайских учащихся наибольшее затруднение, в результате чего они теряют интерес к русскому языку и уверенность в себе.

3. Учитывается количество ключевых идей на 100 слов. Чем меньше идей содержится в материале, тем легче его быстро прочесть. Меньшее количество идей в расчете на 100 слов означает большее количество структурных слов, которые очень легко распознать и быстро прочесть. Большее количество новых идей на 100 слов приводит к тому, что студент вынужден читать медленнее, чтобы понять смысл текста.

4. Отбираются тексты, которые могут нести и культурологический характер: включать интересные факты и события из жизни современной российской молодежи, артистов, певцов, музыкантов, писателей, ученых и спортсменов.

5. Учитывается взаимосвязь текстов. Все тексты должны быть взаимосвязаны, специально составлены и структурированы, что позволяет развивать навыки прогнозирования у студентов. К каждому тексту прилагаются задания, словарь и комментарии на китайском языке.

6. Подбираются сайты для чтения. Для самостоятельного чтения предлагаются адреса сайтов, позволяющие студентам работать самостоятельно в удобном для себя режиме. Подборка сайтов для чтения осуществляется в зависимости от интересов учащихся.

К отобранному тексту для чтения предлагаются предтекстовые и послетекстовые практические задания, которые направлены на решение ряда задач, среди которых выделяются следующие.

1. Актуализация навыков работы со словарем. Студентам предлагается самим найти значения тех или иных слов, встречающихся им в тексте, составить с этими словами предложения. Этот вид работы направлен на умение использовать эти слова в речи.

---

¹ Что такое ассоциативное мышление. URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-903928-chto-takoe-associativnoe-myshlenie> (дата обращения: 14.09.2017).

2. Отработка навыков внимательного и выборочного чтения.

3. Ознакомление студентов со смыслом новых встречающихся слов, словосочетаний и выражений.

4. Понимание. Учащимся предлагается не только ответить на вопросы по тексту, но и понять смысл, который хотел донести автор, а также выразить свое мнение.

5. Закрепление навыков и умений.

6. Развитие навыков перевода и умения семантизации слов через контекст, что отражает умения и навыки анализа лингвистического материала обучающегося при изучении русского языка.

7. Работа с устойчивыми выражениями (поговорами, поговорками, фразеологическими единицами) нацелена на умение слышать их, понять значение. Данное задание способствует развитию памяти, языкового чутья и умения логично использовать устойчивые выражения. В процессе выполнения задания формируются навыки устной речи и мышления.

8. Развитие памяти и навыков мышления посредством разгадывания и запоминания загадок.

Комплекс упражнений представляет собой иерархически структурированное единство определенных типов упражнений, которые позволяют студентам формировать навыки и умения при изучении русского языка, где предмет «Чтение» является одной из важных дисциплин обучения.

Кроме того, тексты и разработанные на их основе упражнения направлены на развитие различных видов речевой деятельности: чтение, письмо, говорение. Таким образом, система упражнений ориентирована на развитие различных языковых и речевых навыков и умений. Содержание данных текстов, введение актуальной лексики и закрепление фактического материала способствуют развитию коммуникативной компетенции, поскольку в основе своей затрагивают лингвокультурологический аспект в преподавании.

Как показало обучение, проводимое на основе отбора текстов для чтения, предложенные способы для развития навыков чтения способствуют положительной динамике в китайской аудитории. В процессе выполнения предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений навыки понимания незнакомых слов успешно используются китайскими учащимися в процессе понимания незнакомых слов при чтении оригинальных текстов.

Обучение чтению студентов, изучающих русский язык данными способами, проводилось в течение трех лет, для эксперимента были взяты две группы третьих курсов. При одинаковой стартовой позиции в экспериментальной группе, где применялись вышеизложенные способы, испытуемые показали более высокий уровень сформированности чтения, аудирования и говорения, чем в контрольной группе. Ниже приводится график результатов опытного обучения (рис. 1).

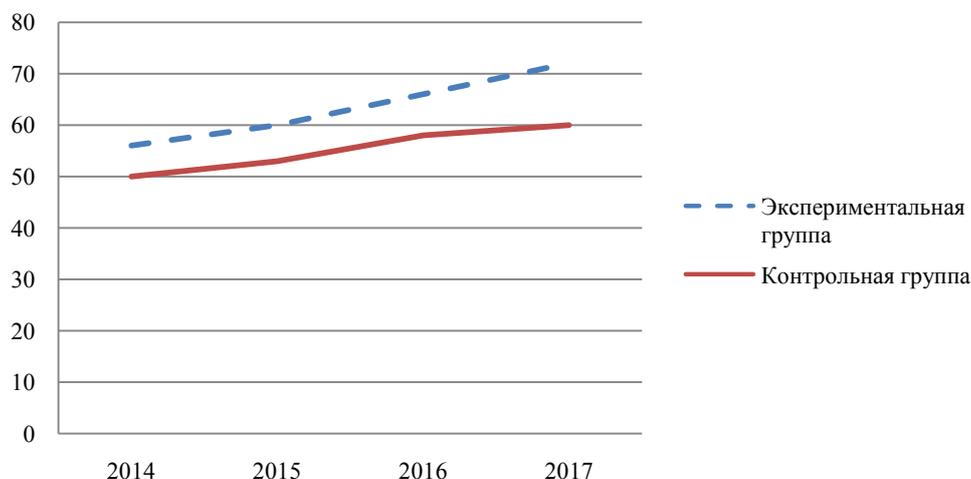

Рис. 1. График результатов экспериментального обучения

Хотелось бы отметить, что использование этих способов при обучении чтению привело к тому, что студенты начали интересоваться и смотреть российские сериалы. Из опрошенных респондентов сериалами начали интересоваться 23 % респондента.

Таким образом, вышеизложенные способы обучения чтению в китайских аудиториях позволяют повысить мотивацию к чтению русских текстов, и очень большое значение имеет подборка текстов. Система работы с текстами последовательно и конкретно направлена на облегчение понимания содержания читаемого и развивает умения оперировать языковым материалом с учетом специфики восприятия письменного текста.

Опыт показывает, что молодой китайской аудитории интересны тексты о современной молодежи в России, браке и семье в современном мире, кратких, но содержательных и интересных исторических фактах. Обращение студентов к интернет-ресурсам в ходе самостоятельного чтения свидетельствует, что у них проявляется интерес к русскому языку.

Таким образом, обучение чтению на русском языке китайских студентов должно быть последовательно и конкретно направлено на облегченное понимание содержания читаемого, что позволяет развивать умения и навыки оперировать языковым материалом, привлекать внимание обучающихся к изучению русского языка и формировать лингвокультурологическую толерантность.

Список литературы

1. *Бельдиян А.Е.* О принципах отбора текстового материала при обучении русскому языку как иностранному // *Наука, новые технологии и инновации.* 2009. № 1-2. С. 153-157.

2. *Вагнер В.Н.* Лексика русского языка как иностранного и ее преподавание. М.: Флинта; Наука, 2006. 71 с.
3. *Коновалова Е.Ю.* Современные подходы по формированию умений чтения, фиксации и воспроизведения учебной информации // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология.* 2010. № 3. С. 67-71.
4. *Лаврова О.В.* Учимся читать по-русски. СПб.: Изд-во «Лема», 2015. 101 с.
5. *Лю Цянь.* Обучение китайских студентов-филологов устной речи с использованием материалов исторического содержания: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 29 с.
6. *Близнюк Е.В.* Ключевые представления русской языковой картины мира в художественном тексте // *Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: материалы 14 Междунар. науч.-практ. конф.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 359 с.
7. *Макарова М.Ю.* Особенности изучения русской литературы в иноязычной аудитории // *Русский язык и культура: теория и практика преподавания в школе и в вузе: материалы Междунар. науч.-метод. семинара, посвящ. 20-летию Румынской ассоциации преподавателей русского языка и литературы.* Бухарест, 2010. С. 127-130.
8. *Низкошапкина О.В.* Этнометодическая система обучения чтению китайских студентов с использованием инфокоммуникационных ресурсов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 26 с.
9. *Чан Динь Лам.* Обучение китайских студентов за пределами Китая: проблемы и решение // *Успехи современного естествознания.* 2014. № 5-1. С. 170-173.

Поступила в редакцию 05.02.2018 г.

Отрецензирована 12.03.2018 г.

Принята в печать 26.04.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Чэнь Сыци, старший преподаватель кафедры русского языка. Даляньский университет информатики "Neusoft", г. Далянь, Китайская Народная Республика. E-mail: chensiqi@neusoft.edu.cn

Будажанова Бальжима Базаровна, кандидат технических наук, доцент кафедры русского языка. Даляньский университет информатики "Neusoft", г. Далянь, Китайская Народная Республика. E-mail: tanyul2008@rambler.ru

Для корреспонденции: Будажанова Б.Б., e-mail: tanyul2008@rambler.ru

Для цитирования

Чэнь Сыци, Будажанова Б.Б. Особенности обучения китайских студентов чтению на русском языке // *Неофилология.* 2018. Т. 4, № 14. С. 54-59. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-54-59.

FEATURES OF TEACHING CHINESE STUDENTS TO READ IN RUSSIAN

Chen Siqi, Balzhima Bazarovna BUDAZHAPOVA

Dalian Neusoft University of Information
 8 Software Park Rd., Dalian 116023, People's Republic of China
 E-mail: tanyul2008@rambler.ru

Abstract. We discuss some features of learning to read in the Russian language for Chinese students. The problem of teaching reading to Chinese students studying Russian is one of the important and insufficiently developed problems of teaching Russian as a foreign language. In order to improve the efficiency of teaching reading, we propose the principles of selection of text material, pre-text and post-text tasks, which are aimed at the formation of skills to extract the necessary information from the printed text. The proposed methods of teaching can increase the level of motivation of reading in Russian in the Chinese audience. We present the data of the research, which was carried out within three years, according to the proposed principle of selection of material for reading. The data show that in a group where the principle of text selection for reading, a higher level of formation of reading, listening and speaking than in another group. The system of work with texts is consistently and specifically aimed at facilitating understanding of the content and develops the ability to operate with language material taking into account the specifics of the perception of the written text. The proposed method of learning to read allows to attract attention and raise the interest of students to the Russian language and forms the linguistic and cultural tolerance.

Keywords: Russian as a foreign language; Chinese audience; texts for reading; motivation

References

1. Beldiyani A.E. O printsipakh otbora tekstovogo materiala pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [On the principles of selection text material in the teaching Russian as a foreign language]. *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii* [Science, New Technology and Innovations], 2009, no. 1-2, pp. 153-157. (In Russian).
2. Vagner V.N. *Leksika russkogo yazyka kak inostrannogo i ee prepodavanie* [Vocabulary of Russian as a Foreign Language and Its Teaching]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, 71 p. (In Russian).
3. Konovalova E.Y. Sovremennyye podkhody po formirovaniyu umeniy chteniya, fiksatsii i vosproizvedeniya uchebnoy informatsii [Modern approaches to formation skills of reading and reproduction of education information]. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya – Vector of Sciences. Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, 2010, no. 3, pp. 67-71. (In Russian).
4. Lavrova O.A. *Uchimsya chitat' po-russki* [Learning to Read in Russian]. St. Petersburg, Lema Publ., 2015, 101 p. (In Russian).
5. Lyu Tsyun. *Obuchenie kitayskikh studentov-filologov ustnoy rechi s ispol'zovaniem materialov istoricheskogo sodержaniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Training of Chinese Students-Philologists of Oral Speech with the Use of Historical Materials. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2015, 29 p. (In Russian).
6. Bliznyuk E.V. Klyuchevyye predstavleniya russkoy yazykovoy kartiny mira v khudozhestvennom tekste [Key ideas of the Russian language picture of the world in the literary text]. *Materialy 14 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yazyk, kul'tura, mentalitet: problemy izucheniya v inostrannoy auditorii»* [Proceedings of 14 International Scientific and Practical Conference “Language, Culture, Mentality: the Problems of Studying in a Foreign Audience”]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2015, 359 p. (In Russian).
7. Makarova M.Y. Osobennosti izucheniya russkoy literatury v inoyazychnoy auditorii [Features of the study of Russian literature in a foreign language audience]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskogo seminar, posvyashchenogo 20-letiyu Rumynskoy assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury «Russkiy yazyk i kul'tura: teoriya i praktika prepodavaniya v shkole i v vuzе»* [Proceedings of the International Scientific and Methodological Seminar on the 20th Anniversary of the Romanian Association of Teachers of the Russian Language and Literature “Russian Language and Culture: Theory and Practice of Teaching in the School and in the University”]. Bukharest, 2010, pp. 127-130. (In Russian).
8. Nizkoshapkina O.V. *Etnometodicheskaya sistema obucheniya chteniyu kitayskikh studentov s ispol'zovaniem infokommunikatsionnykh resursov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Ethnomethodical System of Teaching Chinese Students to Read Using Infocommunication Resources. Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2016, 26 p. (In Russian).

9. Chan Din Lam. Obuchenie kitayskikh studentov za predelami Kitaya: problemy i reshenie [Teaching Chinese students outside of China: problems and solutions]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*, 2014, no. 5-1, pp. 170-173. (In Russian).

Received 5 February 2018

Reviewed 12 March 2018

Accepted for press 26 April 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Chen Siqi, Senior Lecturer of the Russian Language Department. Dalian Neusoft University of Information, Dalian, People's Republic of China. E-mail: chensiqi@neusoft.edu.cn

Budazhapova Balzhima Bazarovna, Candidate of Technics, Associate Professor of the Russian Language Department. Dalian Neusoft University of Information, Dalian, People's Republic of China. E-mail: tanyul2008@rambler.ru

For correspondence: Budazhapova B.B., e-mail: tanyul2008@rambler.ru

For citation

Chen Siqi, Budazhapova B.B. Osobennosti obucheniya kitayskikh studentov chteniyu na russkom yazyke [Features of teaching Chinese students to read in Russian]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 54-59. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-54-59. (In Russian, Abstr. in Engl.).

«ТРОЦКИСТЫ»: ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАРС И САТИРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»**Владимир Викторович КОЛЧАНОВ**ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация: Проанализирована повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца». Рассмотрен ее сатирический вектор – тайный литературный фарс, направленный на Л.Д. Троцкого и его окружение. Определены композиция фарса, границы его встроения в текст. Прослежены связи с дьяблерией, мистерией-буфф, политическим фарсом, разыгранным советской пропагандой по освещению «Московских процессов» над «троцкистами». В качестве литературных источников привлечены романы-фельетоны «Москва» А. Белого и «Остров Эрендорф» В.П. Катаева. Значительное место отведено игровым особенностям произведения, в частности, разновидности аллюзии – приему суггестивного маркирования. Предложена гипотеза атрибуции повести.

Ключевые слова: фарс; дьяблерия; аллюзия; гротеск; П. Шеффер; Л.Д. Троцкий; А.Л. Парвус; И.П. Колесов; Л.Г. Рабинович; Я.А. Яковлев

(Окончание. Начало в т. 4, № 13)

И был бы вычеркнут в ходе дальнейшего исправления и переработки повести саркастический вопрос: «А нельзя ли, чтобы вы репортеров расстреляли?» Но если бы этот вопрос был вычеркнут, то тогда и 2 явление II акта скрытого литературно-политического фарса «Троцкисты» не состоялось бы, да и получилось ли бы все произведение в целом – таким, каким мы его сегодня читаем? Давайте возьмем ту его часть, где ответ на «жмурный» вопрос решается положительно и с величайшим размахом. Обратимся к массовым сценам на улицах и площадях, объединенным в произведении под названием «Москва в июне 1928 года», в нашем случае – к III акту фарса. Здесь особенно следует учесть многоплановость жанра – все четыре его видовые составляющие во взаимной связи друг с другом: 1) средневековый фарс, дьяблерия, достигающая апогея в бесовском карнавале; 2) авангардный театр первой трети XX века с его разновидностью – футуристической мистерией-буфф (эта составляющая, маркированная по всему тексту повести, описана нами достаточно полно¹, поэтому здесь пред-

стоит добавить немногое); 3) журнально-газетный фарс, разыгранный советской пропагандой по освещению «процессов» над «троцкистами»; 4) авторский литературно-политический фарс в более узком смысле – направленный против всей партийной политики: вакханалий партийной прессы, индустриализации и колхозно-совхозного строительства, складывающегося литературного направления социалистического реализма – Ленинианы. Эта многоплановость и питает те аллюзийные ряды и ту полифонию, которые создают тайные «пружины искусства».

Думается, по своей предельной концентрации «невидимых» голосов и поливариативной насыщенности всех «непроницаемых сил Зла» [1, с. 44] массовые сцены повести, которые включены и в 6 главу, более всего напоминают поэму А.А. Блока «Двенадцать». Поэтому следует еще раз отметить: «Москва в июне 1928 года» представляет собой бесовской карнавал, апогей дьяблерии, когда открываются люки ада и возникают в великом многообразии маски бесов (в нашем случае советских журналистов, писателей и издателей и их «Антихриста» А.С. Рокка), разыгрывающих приход Антихриста.

¹ Колчанов В.В. Между мистерией и буфф: повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральных модернистских жанров первой трети XX в. //

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 53-65.

К таким маскам принадлежат в 6-й главе писатели Эрендорф, автор пьесы «Куриный дох», и Ленивцев, создатель «обозрения» «Курицыны дети». Ставя рядом эти два произведения и их сочинителей, М.А. Булгаков запутывал недалеких советских цензоров и читателей, создавал эффект сумбура, и цензор с читателем лишь скользили по тем фрагментам текста, где можно было бы остановиться и задуматься.

Так, в общем-то, происходило и позже, в конце советской истории. Например, один из исследователей творчества М.А. Булгакова В.Г. Боборыкин увидел в первой маске – «Эрендорге» – лишь И. Эренбурга [2, с. 56], потому что не учел всего игрового диссипативного поля, наполненного приемами суггестивного маркирования: в нем денотатом явился не собственно Эренбург-сочинитель, а роман-фельетон В. Катаева «Остров Эрендорф», где И. Эренбург был выведен в качестве одного из главных героев. М.А. Булгаков играл с сатириками-современниками, причем такими, которые работали в жанре романа-фельетона и наносили сатирические удары по Л.Д. Троцкому и его окружению.

Вторая маска – «Ленивцев» с его «обозрением» (модным в те годы сатирическим жанром) «Курицыны дети» – уже не содержала конкретных имен. Она в силу своей экзотичности (сумчатые животные «ленивцы») скрывала такие инвективные значения, о которых в советское время любому сатирику можно было серьезно споткнуться. Маска пародировала большое и до сих пор неучтенное количество писателей направления советской литературы – «Ленинианы», и пародия эта выглядит сегодня как необычный гомологический ряд в форме «троичной оппозиции» [3], используемой в лексикологии:

«Сукины дети» –
– «Курицыны дети» –
– «Кухаркины дети».

Ее нейтральный лексический член «Курицыны дети» с левой стороны представляет собой эвфемизм, заменяющий ругательство («Сукины дети») [4; т. 1, с. 1554, т. 4, с. 587], с правой – подчеркивает сущность представителей советской Ленинианы («Кухаркины дети»), коллективный автор которых – писатель Ленивцев (омофон: «Ленинцев»/«Ленивцев»)

распространял лозунг советской эпохи: «Мы и кухарку // каждую // выучим // управлять государством!» [5, с. 285]. Он был сочинен В.В. Маяковским в 1924 г., в год смерти В.И. Ленина, и явился перифразом слов вождя мирового пролетариата². Левая часть «Сукины дети»/«Курицыны дети», выполняя антиномичную функцию «троичной оппозиции», обозначает место нахождения во дворе, правая часть «Курицыны дети»/«Кухаркины дети» – место нахождения в доме.

На В.В. Маяковского и его перифраз о кухарке, управляющей государством, указывает также каламбурная надпись на электрической вывеске с фамилией Кухтермана:

² Ср. двойную аллюзию на изречение В.И. Ленина и перифраз В.В. Маяковского в «Мастере и Маргарите». Она просматривается в том, что последним человеком, которого герои оставляют в Москве, является кухарка: «Комната уже колыхалась в багровых столбах, и вместе с дымом выбежали через двери трое, поднялись по каменной лестнице вверх и оказались во дворе. Первое, что они увидели там, это сидящую на земле кухарку застройщика; возле нее валялись рассыпавшийся картофель и несколько пучков луку. Трое черных коней храпели у сарая, вздрагивали, взрывали фонтанами землю. Маргарита вскочила первая, за нею Азazelло, последним мастер. Кухарка, простонав, хотела поднять руку для крестного знамения, но Азazelло грозно закричал с седла:

– Отрежу руку! – Он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в низкую черную тучу. Тотчас из окошечка подвала повалил дым. Снизу донесся слабый, жалкий крик кухарки:

– Горим!..

Кони уже неслись над крышами Москвы». (Цит. по: Булгаков М. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / подг. текста, сост. и вступ. ст. М.О. Чудаковой. Мн.: Маст. лит., 1990. С. 632. В целом же вся метафорическая история о «кухарке» или ее «детях» может восходить к так называемому «циркуляру о кухаркиных детях» (официально – «Циркуляр о сокращении гимназического образования»). Документ был издан в 1887 г. и разослан по учебным заведениям Министерством народного просвещения: в нем «предлагалось воздерживаться от приема в гимназии «детей лакеев, кучеров, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». М.А. Булгаковым сведения на ограничение обучения могли быть почерпнуты из романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес», в котором говорилось: «Есть циркуляр, чтоб всякой швали не пускать...» (Сологуб Ф.К. Мелкий бес: Роман / вступ. ст. В. Кельдыша; науч. подг. текста и коммент. М. Козьменко. Томск: Томское кн. изд-во, 1990. С. 296). Циркуляр, таким образом, выступает в роли сигнификата на «обозрение писателя Ленивцева «Курицыны дети».

«Театр покойного Всеволода Мейерхольда <...> выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга «Курий дох» в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана».

Нельзя отвергнуть и гипотезу, что «учеником Мейерхольда» и «заслуженным режиссером республики Кухтерманом» (Кухтерман – певец кухарок) мог стать не только В.В. Маяковский, но и Н.Р. Эрдман (маркирование по начальному/конечному слогам и букве: **Э**рендорг + **Кухтерман**), автор нашумевшего в свое время театрального фарса «Мандат» (1925). Пьеса была поставлена в том же году в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда (ГосТиМе) и побила все рекорды: выдержала за год 100 представлений³. Главной героиней в пьесе явилась кухарка Настя (Анастасия Николаевна Пупкина), и она же должна была стать управительницей государства. Пусть и в сатирической форме, но именно кухарка оказывалась замешанной в заговоре по воскрешению престолонаследницы и возвращению должности императрицы Российской империи.

Поэтому неудивительно, что в повести среди «сукиных/курицыных/кухаркиных» «детей», намекая на их продажность, попадает много женщин легкого поведения:

«Рядом, в Аквариуме, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнаженным женским телом, в зелени эстрады, под гром аплодисментов, шло обозрение писателя Ленивцева «Курицыны дети».

Получается, М.А. Булгаков бил советскую Лениниану, что называется, «наповал», ее же собственным «пером», «приравненным к штыку»⁴ [6, с. 94]. И не только реконструи-

рованная нами «троичная оппозиция», уходящая в подсознательное народных масс, – сама действительность и социальная атмосфера 1930-х гг. помогала в этом. Фраза из повести, которую мы только что процитировали, маркировала не просто знаменитый номер московского мюзик-холла «30 английских гёрлс». Она перепрограммировала контекст. Недаром публикуемые тогда репортажи свидетельствовали о том, что большинство журналистов увидели в выступлении не «элегантный» хореографический пассаж, «своего рода эстрадную физкультуру», в которой «центр тяжести – в единообразном повторении одного и того же движения, напоминающем своей четкостью и механичностью движение машин», а «демонстрацию полуобнаженного тела»⁵ и эротический подтекст.

К бесовскому маскараду принадлежит и другой групповой портрет советских газетчиков, писателей и издателей. Злостная, ядовитая сатира содержится в такой аллюзии М.А. Булгакова: «А по Тверской, с фонариками по бокам морд, шли вереницею цирковые ослики, несли на себе сияющие плакаты: «В театре Корш возобновляется «Шантеклер» Ростана». Несмотря на то, что в советское время пьеса «Шантеклер» в театрах не ставилась и в типографиях не печаталась, была порядком подзабыта, – да и театр с таким названием был уже преобразован в другой, – она аллегорически пародировала символ, тотем нового красного строя – «певца зари» петуха, победившего окончательно другого петуха из драмы «Шантеклер» – под именем Белая Стрела и защитившего цыплят курятника от коршуна. Ослиная электрическая процессия, таким образом манифестирующая по Тверской – улице центральных советских издательств – под пером М.А. Булгакова превращала происходящий в стране переход от нэпа к коллективизации в чудовищный улично-площадной фарс, в мимирию, петушиный бой, потеху, красную смеховую панораму, праздничную демонстрацию-репрезентацию, дьяблерию. Животные, олицетворение низменных страстей, перевозящие богов и богинь древности, становились животными Шантеклера – агитпропа,

³ Мандат (пьеса). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.11.2017).

⁴ Любопытен адресат стихотворения В.В. Маяковского «Домой!» (1925), которому по плечу такая задача:

«Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин» [6].

⁵ Московский мюзик-холл. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.11.2017).

партиздата, – возвещавшего новый исторический эон и «мерещившееся зарево абсолютной власти».

Бесовской маскарад с ослиной процессией мерцает и в аллюзии на средневековую мистерию «Хождение на ослиати», которая сакрализовала власть в Древней Руси. Мистерия представляла собой грандиозную церемонию, посвященную церковному празднику Вербного воскресения («Входа Господнего в Иерусалим»). Смысл ее был скрыт в аллюзии: после Лазаревой субботы, воскресения Лазаря и возвращения его из ада, чтобы очистить город от всего адского, плотского, животного, языческого, патриарх (или архиерей в провинциальных городах) верхом на жеребце (символизирующем осла), ведомый под уздцы царем или воеводой, объезжал стены города, затем двигался к кремлю или управе по центральной улице, откуда всякое греховное в виде скоморохов изгонялось вон. Скоморохи, естественно, пародировали подобную процессию, изображая в скабрёзном виде воевод и священников.

В повести М.А. Булгакова это скоморошеское, скабрёзное, греховное живет и, что называется, дышит, но во враждебном, западном виде – театре «веселого жанра» мюзик-холле (до революции «варьете»), в чем мы убеждаемся на примере номера «30 английских гёрлс». На московский мюзик-холл намекают в повести еще две ресторанные проекции. Это сады-рестораны «Аквариум» и «Эрмитаж», которые вмещали его концерты. Думается, намек на мюзик-холл названиями ресторанов был сделан М.А. Булгаковым с глубоким расчетом, – показать, что действие отбрасывает свой отсвет на первый, самый кровавый год времени «Большого террора»: набирая год от года силу (начиная с 1923 г.), мюзик-холл неожиданно закрылся в обеих столицах в 1937 г.

Фарс М.А. Булгакова затрагивал и западноевропейскую средневековую мистерию (в частности, «большую дьяблерию»), перенесенную на российскую почву В.В. Маяковским под названием «Мистерия-буфф». Как и в средневековой мистерии, действие в «Роковых яйцах» выходило за рамки игровых площадок. Со сценических площадок городских ресторанов-садов с «цирковыми осликами» «с фонариками по бокам морд»

оно шло в массы, в буфф, в коллективную клоунскую работу парами на улицах и площадях. Торговцы Мюр и Мерилиз, куплетисты Шрамс и Карманчиков, поэты Ардо и Аргуев, режиссеры Мейерхольд и Кухтерман, писатели Эрендорг и Ленивец, клоуны Бим и Бом, ученые Персиков и Португалов, чиновники Птаха-Поросюк и Рабинович, – буффонные пары этой главы разыгрывали финал естественного яйца, конец жирного нэпманского времени, «пир во время чумы», «фейерверк в момент самоуничтожения» и приход «Антихриста».

Не менее аллегорично выступает в главе политический фарс, связанный с судебными процессами над «троцкистами» в 1920–1930-х гг. Приведем тот отрывок из главы, который маркирует судебные процессы двух первых советских пятилеток, направленных на разоблачение скрытой вредительской деятельности, причем не только в партаппарате, но и в отраслях народного хозяйства. Сюда входили представители интеллигенции, руководители сельского хозяйства, промышленности, медицины, – практически вся интеллектуальная элита. Символичным здесь оказывается все: и место пребывания подсудимых в годы «Большого террора» – московская тюрьма Лефортово⁶, напоминающая своим названием жестокую Петровскую эпоху, и звуки уличного советского радио – «рупора»-«шакала», отзывающиеся эхом горных ущелий с родины нового автора перестройки России, и искусство, потерявшее в подмене шакалом коней на крыше Большого театра свою вольницу:

«А над Большим театром гигантский рупор завывал:

– Антикуриные прививки в Лефортовском ветеринарном институте дали блестящие результаты. Количество куриных смертей за сегодняшнее число уменьшилось вдвое.

Затем рупор менял тембр, что-то рычало в нем, над театром вспыхивала и угасала зеленая струя, и рупор жаловался басом:

– Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе **наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка**, профессоров Персикова и Португалова... и **товарища Рабинови-**

⁶ Лефортовская тюрьма. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

ча!.. Новые попытки интервенции!.. – хохотал и плакал как шакал, рупор, – в связи с куриной чумой! (выделено мною. – В. К.)».

Но ярче всего трагедия из-за экономических реформ и классового переустройства общества выражается в конкретных деталях, аллюзиях на исторических деятелей. Эти аллюзии в приведенном отрывке нагляднее начать рассматривать с конца: маркирование «процессов» над «врагами народа» и следственные «дела», которые якобы объединяли людей в «контрреволюционные организации» по занимаемым ими должностям и профессиям, писателю нужно было как можно виртуознее зашифровать, а чтение слева направо не способствовало этому.

Под первым, именованным маркером «Рабинович» скрывается горный инженер, Председатель промышленной секции Госплана СССР Л.Г. Рабинович (1860–1934). Ряд государственных преступлений, вменявшихся бывшему члену Второй Государственной думы и члену Конституционно-демократической партии, проходил в следственных мероприятиях под названием «Шахтинское дело» (1928) и «дело Промпартии» (1930). Арестованный в марте 1928 г., 5 июля 1928 г. он был приговорен к 6 годам тюремного заключения, которое так до конца и не отбыл в связи с сердечным приступом⁷.

Следующее историческое лицо («наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка») можно определить, если рассматривать маркеры во взаимной связи друг с другом. С первым маркером все просто: слово «наркомзем» указывает на наркомат «Народный комиссариат земледелия» (НКЗем), а вот второй маркер «Птаха-Поросюк» заставляет присмотреться к имени и фамилии того из наркомов, который имеет шаблон однофамильца-тезки, двойную или сменную фамилию. Таким требованиям удовлетворяет только один человек – Я.А. Яковлев (Эпштейн) (1896–1938), первый народный комиссар земледелия СССР (1929–1934), один из организаторов первой пятилетней перестройки народного хозяйства и, если так можно выразиться, колхозный проректор, проводивший в жизнь политику сплошной

коллективизации и массового переселения крестьян под названием «кулацкая ссылка».

Более точные координаты в нахождение искомого прототипа помогает внести сигнификат. Он перенаправляет действие маркера, и, захватывая дополнительное прочтение, обращает его в мистико-аллегорическое. В данном случае сигнификат указывает не на административную должность («заведующий животноводством товарищ Птаха-Поросюк»), а на крупную реформу сельского хозяйства в стране, проведенную народным комиссаром во вверенном ему ведомстве. Авторское указание на эту реформу помогает глубже зафиксировать прототип, так как именно она послужила одной из причин угрозы срыва пятилетнего плана и разверзшегося голода в стране; но в официальной версии прозвучала стандартно: проволочки, бюрократизм и шпионская деятельность. Суть ее состояла в том, что из Наркомзема 1 октября 1932 г. был выделен Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР (попросту говоря, проведена совхозная реформа!), а уже «В декабре – январе 1933 г. в этих наркоматах была выявлена вредительская контрреволюционная организация, проводившая шпионскую и вредительскую деятельность в сельском хозяйстве – так называемая группа Конара (заместитель наркома земледелия СССР) – Вольфа (заместитель наркома совхозов) – Коварского (заместитель председателя Тракторцентра) и др.»⁸. Поэтому чтобы сгладить эксцессы и крайне негативные последствия реформы, спрятать совхозную тему и ее неустойки в работе народного хозяйства страны, стрелки были переведены на вредительство, бюрократизм, проволочки и фантазии чиновников. На XVII съезде ВКП(б) (январь–февраль 1934 г.) Я. Рудзутак в отчете Центральной контрольной комиссии – Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК–РКИ) тему вообще закрыл шуточным вопросом, имеющим некоторое отношение к сюжету повести М.А. Булгакова: «Неужели Наркомзем выдумал какую-то новую породу овец, которая дает от 4 до 5 ягнят в течение года?»⁹.

⁸ Народный комиссариат земледелия СССР. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

⁹ Там же.

⁷ Рабинович, Лазарь Германович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

Реформа принесла в 1933 г. бед и смертей больше, чем в 1932 г. Только вина тогда легла не на главного исполнителя пятилетних рывков в светлое колхозное будущее, а на весь управленческий аппарат аграриев в целом. Все заместители народного комиссара земледелия и их помощники были расстреляны в марте 1933 г., как раз перед весенней посевной, во второй год массового голода в СССР (1932–1933 гг.). «Организованный» таким способом ужасной голод унес больше всего жизней в «житнице страны» – на Украине, там, где эксперимент, судя по Постановлениям Совета народных комиссаров (СНК СССР), проходил в первую очередь¹⁰.

Между тем сам «оборотень», руководитель НКЗема СССР Я.А. Яковлев, или Яковлев-Эпштейн (названный по-украински «Птаха-Поросюк»), пригревший под своими мягким крылом («Птаха») и жирным боком («Поросюк») многочисленный выводок несчастных реформаторов и прожектеров, упорхнул, чтобы, сменив ряд должностей в эшелонах власти, в завершающий год второй пятилетки самому попасться в силки и оказаться в переднем ряду «врагов народа». «Первые допросы Яковлева состоялись с 15 по 18 октября 1937 г., – говорится в документах, – и, что интересно, его (как и бывших заместителей и помощников) обвинили не в просчетах выполнения плана коллективизации и вызванного ею «голодомора», – его обвинили в связях с царской охранкой, близости к Троцкому, в многолетнем вредительстве и работе на немецкую разведку»¹¹.

Заслуживает внимания его новоиспеченный 1 октября 1932 г. партнер по сельскохозяйственному сектору экономики – глава Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР Т.А. Юркин (1898–1986), прославившийся до назначения на пост организацией знаменитого в 1928–

1930 гг. зерносовхоза «Гигант». Он не меньше Я.А. Яковлева претендует на право быть прототипом «Птахи-Поросюка». Т.А. Юркин дважды (1 октября 1932 – 4 апреля 1934 и 22 июля 1937 – 22 ноября 1938) занимал должность наркома Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов (Наркомсовхозов) и дважды уходил от ответственности, оставляя под расстрел своих заместителей и помощников. И, что еще интереснее, если вернуться в пласт мифологии, создал осенью 1932 г. в двух Главных управлениях (Главном управлении зерновых совхозов и Главном управлении животноводческих совхозов) вверенного ему наркомата по шесть отделов «согласно производственной направленности управлений» [7], ведь еще до него подобную реструктуризацию провел Я.А. Яковлев: 1 января 1932 г. НКЗем СССР «распался» на шесть «управлений и частей» [7]. Вполне вероятно, что писатель, богато использующий библейскую символику в своем творчестве, в частности цифру 666¹², глубоко закодировал ее в повести «Роковые яйца» – в парном маркере «наркомзема» и «заведующего животноводством Птахи-Поросюка». Новый гигантский монстр, страшнее библейского Молоха, пришедший из глубин титанического Тартара и мутировавший, с удвоенной энергией принялся пожирать человеческие жертвы.

Еще одной чудовищной чертой совхозной реформы явилось то, что «в составе животноводческих управлений» Наркомсовхозов «была образована ветеринарная группа, Политуправление» и наравне с ними создано «Управление учебными заведениями» («с подчинением ему вузов, техникумов и школ по особому списку Наркомсовхозов») [7], – явление небывалое в истории науки и образования на Руси. Становится понятным поэтому, что в выделенном фрагменте между «товарищем Птахой-Поросюком» и «товарищем Рабиновичем» оказываются университетские ученые-зоологи и по совместительству ветеринары – «профессора Персииков и Португалов».

¹⁰ И позже, судя по Постановлению СНК СССР от 17.02.1938 № 180 «Об утверждении «Положения о Народном комиссариате зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР», согласно которому стали вводиться новые формы руководства совхозами, «Главное управление зерновых совхозов Украины и Крыма» в списке других управлений значилось первым (См.: <http://sssr.regnews.org/doc/qq/9g.htm>).

¹¹ Яковлев, Яков Аркадьевич. URL: <http://deduhova.ru/statesman/yakov-arkadevich-yakovlev-epshtejn/> (дата обращения: 19.11.2017).

¹² В романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» с таким символом связан Петлюра, сидящий в «камере № 666» // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1997. Т. 4. С. 91.

Любопытно также, что второй народный комиссар земледелия (1934–1937) М.А. Чернов (1891–1938) преопределил судьбу своего оборотистого предшественника. Его осудили и расстреляли по делу право-троцкистского блока раньше, с разницей в три месяца: приговор Я.А. Яковлеву привели в исполнение 29 июля 1938 г., М.А. Чернову – 15 марта 1938 г.

Мы не обратились бы к преемнику Я.А. Яковлева в ходе нашего литературоведческого расследования, если бы не один факт, связанный с литературным прототипом Пеленжковского в «Роковых яйцах» – П. Шеффером. Приведем этот факт в качестве фрагмента из работы М. Сейерса и А. Кана «Тайная война против Советской России» (раздел «Пауль Шеффер. История одного дела»); кроме того, он помогает найти крайнее время написания булгаковской повести:

«Михаил Чернов, участник антисоветского заговора, правый оппозиционер и бывший нарком земледелия Советского Союза, давал показания перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Чернов сознался в том, что получал 4 тыс. рублей в месяц от германской военной разведки за передачу ей военных и экономических секретов России и за организацию вредительства в широких масштабах. Он назвал имя германского агента, под наблюдением которого им выполнялись первые шпионско-вредительские задания.

– Этим агентом, – сказал Чернов, – был Пауль Шеффер, корреспондент «Берлинер Тагеблатт» [8].

Пеленжковский, как видим, и здесь выпячивает, если воспользоваться фарсовой метафорой М.А. Булгакова, свою «гносную рожу», а маркер «какой-нибудь пустяк, 5000 рублей, например, задатку» уводит в политическую историю гораздо более позднюю, чем датировка повести или указанное в названии главы «Москва в июне 1928 года» время описываемых событий. Это весна 1938 г., время Третьего Московского процесса. Один из первых пунктов обвинений на этом процессе, между прочим, гласил (согласно выделенной нами фразе из приведенного выше фрагмента «Роковых яиц»: «Новые попытки интервенции!..»):

«Обвинение включало в себя классические пункты:

– составление заговорщицкой группы под названием «правотроцкистский блок», поставившей себе названные цели, а также восстановление капитализма и отторжение от СССР союзных республик и Приморья;

– связь с иностранными разведками, в частности, с немецко-фашистской (непосредственно или через Л.Д. Троцкого), **подготовка вооруженной агрессии против СССР**, получение помощи от иностранных правительств и антисоветской и троцкистской эмиграции;

– целенаправленное вредительство на производстве и в сельском хозяйстве;

– организация кулацких восстаний в тылу Красной Армии в случае будущей войны (выделено мною. – В. К.)» [9].

Недолго просуществовал на посту народного комиссара земледелия и второй преемник Я.А. Яковлева Р.И. Эйхе (1890–1940). Он был назначен наркомом 29 октября 1937 г., на следующий день после снятия с должности М.А. Чернова, а уже 29 апреля 1938 г. был арестован как «враг народа» и «фашистский» «шпион»¹³. Арест, заметим, произошел через месяц после расстрела М.А. Чернова и ровно за три месяца до расстрела Я.А. Яковлева. Над союзным наркомом земледелия будто тяготело проклятие самой Матери-Земли. Помещение подследственного в тюрьму Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (ГУГБ НКВД) «Лефортово», жестокие пытки в течение долгих месяцев, сопровождающиеся увечьем – потерей глаза, усиливали впечатление древнего титанического вмешательства.

Наконец, стоит взглянуть, кто скрывается за последним, если читать фрагмент с конца, маркером «наркомздрав», – ведь и профессора булгаковской повести Персикив и Португалов, стоящие в середине отрывка и служившие по части сельскохозяйственного ведомства, имеют к медицине непосредственное отношение: они являются членами чрезвычайной комиссии, куда входят представители «наркомздрава»; к тому же профессору Персикиву «народный комиссар здравоохранения» в квартиру на Пречистенку звонит лично. Для этого последуем логике игры вообще – найдем связующее звено ме-

¹³ Эйхе, Роберт Индрикович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

жду двумя весьма разной специфики наркоматами – «наркомземом» и «наркомздравом», или, в шутку говоря, «наведем мосты» между восточной Персией и западной Португалией, а если серьезно – присмотримся внимательнее к политику, спрятанному за играми в ономастику. Он как бывший руководитель обоих ведомств («наркомзема» и «наркомздрава») не был зачислен в число участников «бухаринского блока», не представлял на допросах «Третьего Московского процесса» и был, что называется, «своим». Это Г.Н. Каминский (1895–1938). Находясь в 1928–1929 гг. на должности председателя Колхозцентра (Всероссийского союза сельскохозяйственных коллективов), Г.Н. Каминский, по сути, запускал (сменил его на этом посту в 1929 г. Я.А. Яковлев) процесс коллективизации, а, став народным комиссаром здравоохранения РСФСР (1934–1936), затем возглавил новообразованный наркомат здравоохранения СССР (1936–1937). Но именно этот «свой», любимец партии «Гриша Каминский», неожиданно «выбыл из доверия» партии, когда в докладе, произнесенном 25 июня 1937 г. на Пленуме Центрального комитета (ЦК) КПСС, высветил главное зло эпохи. В тот же день он был арестован, подвергнут допросам и пыткам и 10 февраля 1938 г. расстрелян.

Что же заставило И.В. Сталина моментально убрать из своего окружения эту заметную фигуру, еще недавно помогавшую уничтожать «врага народа», унаследовавшего после смерти В.И. Ленина пост председателя Совнаркома А.И. Рыкова? Не разоблачение же на Пленуме Л.П. Берии как «агента мусаватистской контрразведки»? – эта версия кажется сегодня натянутой из-за того, что должность Л.П. Берии на момент снятия с поста наркома Г.Н. Каминского была невелика, – он не был на тот момент главой НКВД, не был, что называется, еще в числе избранных, не был в свите И.В. Сталина. Моментальному аресту подвергла его ставшая ныне расхожей фраза, касающаяся деятельности аппарата НКВД: «Так мы перестреляем всю партию»¹⁴. Эта фраза, брошенная в зал, обозначила болезнь материнского центра «системы», а синдром болезни – мас-

совое уничтожение большевиков первого ленинского призыва, который констатировал главный врач и «главный санитарный инспектор СССР» и который не решались высказать другие члены ЦК, прозвучал как смертельный диагноз, как неожиданный выпад против внутренней политики И.В. Сталина и как приговор идее социализма.

Расстрел Г.Н. Каминского, судя по всему, ознаменовал новую волну репрессий в СССР под названием «Третий Московский процесс», в том числе начало фабрикования следственных дел в отношении бывших подчиненных и приятелей Г.Н. Каминского – трех высших работников медицинской сферы, обвинявшихся «в умышленной организации смерти А.М. Горького, его сына и В.В. Куйбышева»¹⁵: консультанта лечебно-санитарного управления Кремля Л.Г. Левина, директора НИИ функциональной диагностики и экспериментальной терапии наркомздрава СССР Д.Д. Плетнева и директора НИИ института обмена веществ и эндокринных расстройств наркомздрава СССР И.Н. Казакова.

Тотальный страх, нагнетаемый в обществе работой НКВД, даже при свете дня превращал жизнь в фантазмагорию, бред, кошмарный сон наяву. Само пространство и история уходили из-под ног людей, и М.А. Булгаков запечатлевал это соответствующим образом: сворачивал в повести хронотоп, показывая разверзающуюся бездну.

«Сожжение куриных трупов на Ходынке», – начиналась, «говорила и показывала Москва», «завывали» машины скорой помощи по вызовам «обожравшихся гнилыми яйцами». И завершалась Москва – библейским образом апокалипсического «коня бледного, и на нем всадника, которому имя смерть» (Откровение 6:8), – блестяще преображенным модернистским видением автора:

«В цирке бывшего Никитина, на приятно пахнувшей навозом коричневой жирной арене мертвенно-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму:

– Я знаю, отчего ты такой печальный!

– Отциво? – пискливо спрашивал Бим.

– Ты зарыл яйца в землю, а милиция 15-го участка их нашла.

¹⁴ Каминский, Григорий Наумович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.11.2017).

¹⁵ Дело врачей 1929–1953 гг. URL: <http://biofile.ru/his/29394.html> (дата обращения: 19.11.2017).

– Га-га-га-га, – смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскливо кровь и под стареньким куполом веяли трапедии и паутина.

– А-ап! – пронзительно кричали клоуны, и кормленая белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико (выделено мною. – В. К.)».

В этой символической, небольшой цирковой сцене соединялось все: и окончательный уход старой декадентской культуры, и «дурная бесконечность» – бег России по кругу времени, – и неустойчивость положения, и обольстительный облик Смерти, и новый цвет времени – малиновый.

Выходя за рамки рассматриваемых глав, следует отметить, что с данного места эпитет «малиновый» использовался в повести столь часто (10 раз), что создается впечатление нарочитого его употребления. И это верно, если учесть, что приметой новой, «сталинской эпохи», стала новая униформа внутренних войск – милиции и НКВД: малиновые фуражки, звезды, шевроны и петлицы. Малиновый цвет маркировал не только форму НКВД (созданную в 1934 г.) и соответственно милицейскую реформу, но и сквозное действие повести, повести как «большой дьяблерии», большого средневекового фарса – самую страшную реальность, в которую погружалась Москва – новая, милицейская. Смысл ее, судя по этой цирковой сцене, был предельно аллегоричен: черное покрывало тайны со смерти сброшено (она в малиновом трико), все обнажено, лежит на поверхности, никуда не укроешься и ничего не укроешь, найдут и достанут хоть из-под земли, – в том числе и «зарытые в землю яйца». Недаром находят их именно милиция, причем «милиция из 15 участка», – намек, вполне ясный для осведомленных в магии и оккультизме: на 15-й карте в гадательной колоде Таро открывается Дьявол.

И действительно, при всей кажущейся искусственности выборки эпитета из дальнейших глав, в составе фраз и словосочетаний, рисуется хотя и абстрактная, но угадываемая картина сознания человека, поэтапно репрессированного органами НКВД: «малиновый ковер лестницы», где «становится плохо», «камеры, в которых, как в аду, мерцает малиновый, разбухший в стеклах луч», долгое сидение «на опрокинутых ящиках,

глядя, как в загадочном мерцающем свете созревали малиновые яйца», «густо-малиновое световое пятно», «малиновые рефлекторы», «малиновые башлыки», «малиновые шапки», «малиновый башлык», «военный с малиновым шевроном и звездой на левом рукаве».

Получается, что не случайно после цирковой сцены с «женщиной в малиновом трико» (Смерти) Персиков в маленькой, дополнительной подглавке этой главы впервые встречает персонажа из 13 главы Откровения Иоанна Богослова – «Антихриста Рокка» (по созвучию читай: РККА – представителя Рабоче-крестьянской Красной армии), вызванного из прошлого для того, чтобы «сатана был освобожден из темницы своей» и с «Гогом и Магогом» (агентами Государственного политического управления (ГПУ) Щукиным и Полайтисом)¹⁶ «обольщал народы, находящиеся на четырех углах земли <...> и собирал их на брань» (Откровение 20:7). Сам сатана, таким образом, – бог братоубийственной Гражданской войны возвращался, и спасителем от главного «врага народа» в последней главе повести объявлялся другой – «Морозный бог на машине». Запускалась, выражаясь языком историков, «репрессивная машина НКВД», наступал сталинский «ледниковый период».

Писателю не удалось пережить его. Но самая страшная эпоха малиновых шевронов и петлиц успела войти в энциклопедию, написанную на художественном языке суггестивного типа, под декадентским названием «Роковые яйца».

Игровая поэтика повести закодировала политическую историю страны, стилизовала общественное сознание и мышление, высветила абсцессы и гнойники нового государственного режима, и немаловажное значение сделала для этого драматическая форма фарса. Фарс М.А. Булгакова стал особенным, уникальным и одновременно универсальным фарсом. Он связал драматургию с прозой, фарс – в классическом его понимании – с его древними и современными модификациями, жизнь с цирком, историю с внутренней политикой и играми Кремля. «Кривое зеркало искусства» оказалось способным показать того,

¹⁶ Об этих агентах и их прототипах мы еще скажем в следующих номерах журнала, но пока нам важно связать эти образы с мифологической основой 6-й главы.

кого человек в 1920–1930 гг. боялся встретить пуше смерти – «врага народа», а значит, и собственного врага – древнего как мир ябедника и плута, шута и обезьяну – дьявола. В вечной игре бога и его обезьяны выигрывал в очередной раз, разумеется, бог, изгонялся шут, дьявол, а история катилась по той самой дороге, куда катилась «машина» «бога».

Список литературы

1. *Иванов Вяч.* Легион и соборность // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 37-46.
2. *Боборыкин В.Г.* Михаил Булгаков: книга для учащихся старших классов. М.: Просвещение, 1991.
3. *Руделев В.Г.* Слово в лексической системе языка. Тамбов: ТГПИ, 1984.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1, 4.
5. *Маяковский В.В.* Владимир Ильич Ленин // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Госиздат, 1957. Т. 6. С. 231-309.
6. *Маяковский В.В.* Домой! // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Госиздат, 1958. Т. 7. С. 92-95.
7. *Бражник М.В.* Становление и развитие системы органов государственного управления сельским хозяйством в РСФСР и в СССР в период 1917–1939 гг. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3425> (дата обращения: 22.10.2017).
8. *Сейерс М., Кан А.* Тайная война против Советской России. М.: Эксмо, 2011. 336 с.
9. *Буровский А.* Мифы и правда о 1937 годе. Контрреволюция Сталина. URL: <https://profilib.net/chtenie/121375/andrey-burovskiy-mify-i-pravda-o-1937-gode-kontrrevolyutsiya-stalina-41.php> (дата обращения: 19.11.2017).

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.

Отрецензирована 15.01.2018 г.

Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический фарс и сатирические средства его выражения в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 60-71. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-60-71.

**“TROTSKYISTS”: LITERATURE AND POLITICAL FARCE
AND SATIRICAL MEANS OF ITS EXPRESSION IN THE NOVELLA
BY M.A. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”**

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The novel “The Fatal Eggs” by M.A. Bulgakov is analyzed. Its satirical vector is secret literature fact about L.D. Trotskiy and his surroundings. The composition of farce and its borders of embeddedness in the text are defined. The connections with diablerie, mystery bouffe, political farce, which was done by Soviet propaganda in order to show “Moscow Trials” towards “Trotskyists”, are found. As references we use roman feuilleton “Moscow” by A. Bely and “Erendorf Island” by V.P. Kataev. The main place is given to playing peculiarities of the work, particularly, varieties of allusion – suggestive marking device. We present the hypothesis of attribution of the novel.

Keywords: farce; diablerie; allusion; grotesque; P. Schaeffer; L.D. Trotskiy; A.L. Parvus; I.P. Kolesov; L.G. Rabinowitz; Y.A. Yakovlev

References

1. Ivanov Vyach. Legion i sobornost' [Legion and Communal Spirit]. In: Ivanov Vyach. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Global]. Moscow, G.A. Leman i S.I. Sakharov Publ., 1917, pp. 37-46. (In Russian).
2. Boborykin V.G. *Mikhail Bulgakov: kniga dlya uchashchikhsya starshikh klassov* [Mikhail Bulgakov: a Book for High Schoolers]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. (In Russian).
3. Rudelev V.G. *Slovo v leksicheskoy sisteme yazyka* [Word in the Lexical System of Language]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1984. (In Russian).
4. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Incorporation of State Book and Journal Publ., 1935–1940, vol. 1, 4. (In Russian).
5. Mayakovskiy V.V. Vladimir Ilich Lenin [Vladimir Ilyich Lenin]. In: Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Gosizdat Publ., 1957, vol. 6, pp. 231-309. (In Russian).
6. Mayakovskiy V.V. Domoy! [Back Home!]. In: Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Gosizdat Publ., 1958, vol. 7, pp. 92-95. (In Russian).
7. Brazhnik M.V. *Stanovlenie i razvitie sistemy organov gosudarstvennogo upravleniya sel'skim khozyaystvom v RSFSR i v SSSR v period 1917–1939 gg.* [Formation and Development of State Administration Bodies System of Agriculture of the RSFSR and the USSR during 1917–1939]. (In Russian). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3425> (accessed 22.10.2017).
8. Seyers M., Kan A. *Taynaya vojna protiv Sovetskoj Rossii* [Secret War Against Soviet Russia]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 336 p. (In Russian).
9. Burovskiy A. *Mify i pravda o 1937 gode. Kontrrevolyutsiya Stalina* [Myths and truth about 1937. Stalin's counterrevolution]. (In Russian). Available at: <https://profilib.net/chtenie/121375/andrey-burovskiy-mify-i-pravda-o-1937-gode-kontrrevolyutsiya-stalina-41.php> (accessed 19.11.2017).

Received 10 December 2017

Reviewed 15 January 2018

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Kolchanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Trotskyists»: literaturno-politicheskiy fars i satiricheskie sredstva ego vyrazheniya v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Trotskyists”: literature and political farce and satirical means of its expression in the novella by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 60-71. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-60-71. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ЭПОХА Г.Р. ДЕРЖАВИНА И ТАМБОВСКИЙ ТЕАТР

Валентина Александровна САЗОНОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: v.sazonova@list.ru

Аннотация. Гаврила Романович Державин – виднейший поэт и государственный деятель эпохи Просвещения, внесший огромный вклад в развитие культуры и просвещения народа. Дан общий анализ развития русского театрального искусства второй половины XVIII века во времена правления Екатерины II. Рассматриваются основные этапы биографии Г.Р. Державина: детство, военная служба, административная деятельность на посту советника Правительствующего Сената. Силой своего поэтического дара он обличал коррупцию, казнокрадство, лесть, угодничество вельмож. Отмечены главные черты его личности: смелость, честность, справедливость, борьба за укрепление государственности на основе соблюдения законов. Подробно раскрыта деятельность Г.Р. Державина в должности губернатора Тамбовского наместничества. Отмечены не только его достижения в организации делопроизводства и законности, градопланирования и градостроительства, благоустройства города, но и забота о нравственном просвещении и образовании молодежи, ее эстетическом воспитании. Отмечены роль Г.Р. Державина и его жены в появлении первого театра в Тамбове, непримиримая борьба против нарушителей закона, подчеркнута значение деятельности поэта-гражданина для потомков.

Ключевые слова: Просвещение; театральное искусство; поэт-гражданин; государственный деятель; губернатор; Тамбов; театр

Деятельность Г.Р. Державина, одного из виднейших просветителей на Тамбовской земле, пришлось на вторую половину XVIII века – время эпохи Просвещения.

Просветители и в Западной Европе, и в России выдвинули идею прогресса, приносящего наукой, критическим разумом. Наука, знание, разум стали для Просвещения сильнейшим оружием против старого феодального общества и устоев. Просветители верили, что просвещенный человек, достигший гармонии разума и чувства, будет видеть жизненную цель в служении общему благу, а не своей корысти.

В борьбе против старого общества просветители уделяли огромное внимание театру. XVIII век – одна из великих эпох развития этого вида искусства. Театр Просвещения выразил и содержанием своим, и методом тот взгляд на мир, который был наиболее адекватен эпохе.

Передовые деятели русской культуры XVIII века принимали непосредственное участие в жизни театра, боролись за утверждение прогрессивной драматургии. Театр был самым демократичным видом искусства, доступным широкому зрителю, лишенному

возможности читать книги, газеты. Актуальность тематики пьес, стремление к многожанровому репертуару, самобытности актерского искусства – все это способствовало быстрому росту русской театральной культуры. Передовые умы России боролись за театр широкого зрителя, против сословной замкнутости, придворного театрального зрелища, учитывая опыт народного театра.

Во второй половине XVIII века в центре репертуара лидировала народная драма «Людка», в которой рассказывалось о том, как плавающие по Волге и Дону разбойники во главе с есаулом расправлялись с жестокими помещиками и вершили над ними праведный суд. Спектакли «Охочих комедиантов» способствовали утверждению актерской профессии, приобщали широкие массы к театральному искусству.

В противовес этому правительство решило открыть официальные «Народные театры», артистами которых были любители, получающие плату за выступления от государства. Надзор за этими театрами и репертуаром был поручен полиции. Дозволялось играть народные интермедии и безобидные комедии Ж.-Б. Мольера. Но, опасаясь боль-

шого скопления простого люда на спектаклях народных театров, в 1770 г. правительство запретило их.

В 1756 г. в Санкт-Петербурге императрицей Елизаветой был учрежден первый публичный «Русский для представления трагедий и комедий театр». Директором его был назначен А.П. Сумароков. Это был платный и общедоступный театр, посещать его могли широкие слои населения.

Основу труппы публичного театра составляли Ф.Г. Волков, его брат И. Дмитриевский и другие актеры Ярославского театра, которые были приглашены в Санкт-Петербург и показали спектакли «Хорев», «Синав и Трувор» А.П. Сумарокова придворным зрителям. Увидев «превеликие способности» ярославцев, по распоряжению императрицы их отправили в Шляхетский корпус для изучения театрального дела и различных наук, а по окончании ими учебы и был учрежден государственный публичный театр.

А.П. Сумароков многое сделал для становления первого русского профессионального театра. Многократно он обращался к правительству с письмами, в которых требовал поддержки и внимания к театру, резко обвинял чиновников в бездушии. Но в 1781 г. он был уволен, и во главе театра встал Ф.Г. Волков, первый русский актер. Отказавшись от высокого правительственного поста и дворянского звания, предложенного Екатериной II, Ф.Г. Волков предпочел театр, актерскую деятельность, которым отдал весь свой великий талант.

Вторая половина XVIII века богата открытиями театров не только в Санкт-Петербурге, но и в Москве. Если петербургские театры находились под строгим контролем двора, то московские развивались под сильным воздействием просветительских идей, в их создании участвовала нарождающаяся разночинная интеллигенция.

В 1756 г. был открыт Университетский театр, при котором начали функционировать классы для обучения драматическому искусству. Первая московская профессиональная труппа была создана в 1759 г. и стала называться Русским театром. Руководили театром И.А. Дмитриевский, а затем А.П. Сумароков. Успешно продолжал свою деятельность Театр Воспитательного дома. Особую роль в разви-

тии московского театрального дела сыграл Петровский театр, открывшийся в 1780 г., под руководством англичанина М. Медокса. Это был общедоступный театр, вмещавший около тысячи зрителей. На репертуар театра, творческие принципы, манеру исполнения оказал влияние Московский университет, представители передовой общественной мысли. На сцене театра шли отечественные и зарубежные драмы, комедии, трагедии, оперы, комические оперы: «Бригадир» и «Недоросль» Д.И. Фонвизина, «Женитьба Фигаро» П. Бомарше, ставились пьесы Г.Э. Лессинга, Я.Б. Княжнина, Н.П. Николева.

Во второй половине XVIII века получили развитие не только театры Санкт-Петербурга и Москвы, но и провинциальные, и крепостные театры. Провинциальные театры были открыты в городах Харьков, Казань, Саратов, Нижний Новгород, Иркутск и Богородицк. В основном в этих театрах ставили комедии отечественных авторов. Провинциальный театр способствовал широкой профессионализации актерского творчества.

При Екатерине II появилось желание посещать театры во всех сословиях. Передвижные труппы актеров стали появляться на ярмарках, в большие праздники в крупных городах. Балаганщики, фокусники, комедианты разъезжали повсюду и показывали народу представление, разбив палатку на рынке и соорудив места для зрителей.

Не желали отставать от императорского двора и русские помещики – владельцы крепостных. При своих усадьбах они сооружали роскошные театры, картинные галереи. Крепостные театры Шереметевых (Кусково и Останкино), князя Н.Б. Юсупова (в Архангельском под Москвой) по широте репертуара, одаренности актеров, сценической технике, роскоши костюмов соперничали с императорской сценой. При них содержались драматические, оперные, балетные труппы, оркестры, штат декораторов и учителей актерского искусства. Из среды провинциальных и крепостных актеров вышло много одаренных мастеров сцены, в том числе великий М.С. Щепкин, П.И. Жемчугова, трагическая крепостная актриса графа Н.П. Шереметева.

Во второй половине XVIII века репертуар русского театра был жанрово разнообразен. Это и сатирическая комедия, политиче-

ская трагедия, «мещанская» драма и «слезная» комедия, комическая опера.

«Слезная» комедия и «мещанская» драма представляли на русской сцене новое литературное направление – сентиментализм. Теме разума и гражданского долга – ведущей теме классицизма – сентиментализм противопоставляет внимание к внутреннему миру человека, его чувствам, его праву на личное счастье.

Значительное место в репертуаре русского театра занимала комическая опера, возникшая в начале 70-х гг. XVIII столетия. Комическая опера была связана с крестьянской тематикой, тема участи крепостных становилась актуальной и злободневной в период усиления антифеодального движения в конце века. Герои комических опер – крестьяне и разночинцы, способные на благородные поступки, на борьбу за свои права. Комическая опера представляла собой драму, включающую в себя различные вокальные номера, сольные и хоровые танцы. Но главное место отводилось драматическому жанру. Популярность комической оперы у демократического зрителя обеспечивали актуальность тематики, сочетание в одном спектакле различных сценических искусств, живость и яркость представления. Представителями этого жанра были М.И. Попов (1742–1790), Я.Б. Княжнин, И.А. Крылов и Н.П. Николев, в произведениях которых («Анюта» М.И. Попова, «Розана и Любим» Н.П. Николева) рассказывается об участии крепостных, страдающих от барской прихоти. Комическая опера А.А. Аблесимова (1748–1783) «Мельник, колдун, обманщик и сват» надолго вошла в репертуар русского театра. Комические оперы писала и Екатерина II. Она идиллически изображала крестьян радостными, счастливыми, бесконечно веселящимися на лоне природы, любящими отцов-помещиков, разрешающих все конфликты. Спектакли по ее пьесам ставились как феерические представления.

Таков был общий характер русского театрального искусства во второй половине XVIII века, во времена правления Екатерины II, в которой многие просветители надеялись увидеть пособницу просвещению, развитию искусств. Держа репутацию просвещенной государыни, Екатерина II задалась целью создать «новую породу людей»: сме-

лых, благородных, истинных патриотов Отечества. Дворянство – элита общества, и воспитанию отпрысков голубых кровей следовало уделить особое внимание. Они – опора трона. Екатерина II справедливо считала, что если воспитанию ребенка уделять внимание с детства, он вырастет талантливым человеком и востребованным обществом, что принесет ему неоценимую пользу.

В это время в среде знатного и богатого дворянства считалось хорошим тоном завести в своем имении театральную труппу, иметь собственных художников, музыкантов.

В имениях наиболее просвещенных тамбовских помещиков также возникали крепостные театры. Например, помещица Е.К. Нилова, талантливая переводчица драматургии, у себя в имении имела крепостной театр, где «крепостные девки и парни разыгрывали слезные комедии с песнями и танцами». В имении князей Гагариных был крепостной роговой оркестр. Родоначальником тамбовского театра принято считать Г.Р. Державина, так как до него театра в городе не было.

Г.Р. Державин происходил из бедной дворянской семьи (14 июля 1743 – 8 июля 1816). Его детство прошло в провинциальной глуши под Казанью. Он рано лишился отца и, проучившись три года в гимназии, был отправлен в Санкт-Петербург в лейб-гвардии Преображенский полк для службы Отечеству, где оказался в солдатской казарме бок о бок с крепостными. «Служба в гвардейских полках при Петре III была тяжелой, состояла из постоянной муштры и смотров. Отдушину Г.Р. Державин находил в чтении книг и сочинении собственных стихов», – пишет исследователь деятельности Г.Р. Державина Н.С. Цинцадзе [1, с. 28]. Хотя казенное содержание было скудным, юный Г.Р. Державин не унывал: «Едя хлеб с водой, марал стихи при слабом свете полушечной сальной свечки», – вспоминал он позднее [2, с. 285].

Военная карьера Г.Р. Державина складывалась не лучшим образом. В 1763 г. он был произведен в капралы и переведен в дворянские казармы. Многие офицеры «ценили его умение копировать гравюры и эстампы, практически ничем не отличавшиеся от оригиналов, а также за составление прошений на имя императрицы для обиженных по службе... Писательский талант Г.Р. Державина

был востребован и полковым начальством, которое привлекало его к составлению отчетов и докладов и прочих официальных бумаг» [1, с. 28]. Только через девять лет, в 1772 г., Г.Р. Державин получил первый офицерский чин прапорщика, а в мае 1774 – поручика. Г.Р. Державин добросовестно исполнял свои служебные обязанности, в свободное время занимался поэзией. В чине офицера Г.Р. Державин принимал участие в подавлении Пугачевского бунта. После окончания военной службы Г.Р. Державин вышел в отставку в чине коллежского чиновника, получил за службу 300 душ в Белоруссии. Молодой, горячий Г.Р. Державин во что бы то ни стало стремился выбиться в люди. Он действительно многого достиг: начав жизненный путь простым солдатом, в 34 года служил в Правительствующем Сенате, состоял личным секретарем у императрицы Екатерины II, возглавлял государственное казначейство и министерство юстиции, был генерал-прокурором.

«Державин, – писал поэт В.Ф. Ходасевич, – был одним из сподвижников Екатерины не только в насаждении просвещения, но и в области устройства государственности. Во дни Екатерины эти две области были связаны между собой теснее, чем когда бы то ни было. Всякая культурная деятельность, в том числе и поэтическая, являлась прямым участием в создании государства. Необходимо было не только вылепить внешние формы России, но и вдохнуть в них живой дух культуры. Державин-поэт был таким же непосредственным строителем России, как и Державин-администратор» [3, с. 22].

Г.Р. Державиным написаны множество стихотворений, в которых он выразил, по его собственным словам, «глагол времен», оды, комическая опера «Глупая для чужих, умная для себя». Ему, познавшему нужду, хотелось роскоши и почестей, но быть царедворцем претило его честной и благородной натуре. По мнению Г.Р. Державина, вельможа должен «змеей пред троном не сгибаться, стоять – и правду говорить». Он высмеивал бездарных людей, пытавшихся выслужиться и выдвигаться в приближение к императрице:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами:

Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами [4, с. 88].

Г.Р. Державин дорожил государственной службой и считал ее главным делом в своей жизни. Поэзия была его «хобби», когда выпадали свободные минуты: в опале, в дороге, в поездках по имениям. Сначала он пишет в школе классицизма, но быстро, в 36 лет, создает свои произведения в поэзии повседневной жизни. Он стал отцом поэзии русской жизни во всех ее проявлениях.

Воспевая «царицу счастья» – Фелицу, «которая законы пишет, любовью к народу дышит», он создал образ идеального правителя России, который «ходит пешком», питается простой пищей, много читает, хранит обычаи, обряды, никого не обижает и не оскорбляет.

Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плести [4, с. 9].

Г.Р. Державин считал, что богатая сановная знать должна беззаветно, верой и правдой служить государю и Отечеству.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь [4, с. 213].

Г.Р. Державин видел задачу вельможи в самоотверженной поддержке не только монарха, но и народа, в стремлении быть советливым, великодушным, правдивым.

Он сердцем царский трон объемлет,
Душой народным нуждам внемлет,
И правду между их хранит;
Отечеству он верно служит,
Монаршу волю свято чтит,
А о себе никак не тужит.
Не ищет почестей лукавством,

Мздоимным не прельщен богатством,
 Не жаждет тщетно сан носить;
 Но тщится тем себя лишь славить,
 Что любит он добро творить
 И может счастье доставить.
 Закону божию послушен,
 Чувствителен, великодушен,
 Не горд, не подл и не труслив,
 К себе строгае, чем к другому,
 К поступкам хитрым не ревнив,
 Идет лишь по пути прямому.
 Не празден, не ленив, а точен;
 В делах и скор, и беспорочен... [4, с. 107-108].

Почти все стихи Г.Р. Державина о человеке и человеческом достоинстве. Многогранно и глубоко понимание им сущности человека:

Я связь миров, повсюду сущих,
 Я крайня степень вещества;
 Я средоточие живущих,
 Черта начальна божества;
 Я телом в прахе истлеваю,
 Умом громам повелеваю,
 Я царь – я раб – я червь – я бог!
 Но, будучи я столь чудесен,
 Отколе произошел? – безвестен;
 А сам собой я быть не мог.
 Твое созданье я, создатель!
 Твоей премудрости я тварь,
 Источник жизни, благ податель,
 Душа души моей и царь!
 Твоей то правде нужно было,
 Чтоб смертну бездну преходило
 Мое бессмертно бытие;
 Чтоб дух мой в смертность облачился
 И чтоб чрез смерть я возвратился,
 Отец! – в бессмертие твое [4, с. 116].

Неизменная тема творчества Г.Р. Державина – любовь к России. Преисполненный гордости за великие дела знаменитых соотечественников, он обращается со словами благодарности и признания к Екатерине II, М.В. Ломоносову, А.П. Сумарокову.

Се Пиндар, Цицерон, Вергилий – слава россов,
 Неподражаемый, бессмертный Ломоносов.
 В восторгах он своих где лишь черкнул пером,
 От пламенных картин поныне слышен гром
 [4, с. 249].

Однако, отдавая должное успехам и достижениям тогдашней России, Г.Р. Державин

не только восхвалял свой век просвещения и науки, но и клеймил человеческие пороки.

«По любви к отечественному слову, – писал Г.Р. Державин, – желал я показать его гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежных чувствований, какие в других языках вряд ли находятся» [2, с. 285].

На слова Г.Р. Державина «Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый Росс!» композитор О. Козловский сочинил в 1791 г. полонез для оркестра и хора, который был до 1816 г. национальным гимном России.

Положение Г.Р. Державина в свете укрепления не только благодаря службе в Правительствующем Сенате, но и женитьбе на дочери бывшего императорского камердинера Е.Я. Бастидон, ставшей ему верным другом, помощницей во всех благотворительных и культурных начинаниях.

Но в 1784 г. Г.Р. Державин был уволен с должности финансового советника Сената, где он впервые воочию столкнулся с грубейшими нарушениями закона, наглыми утайками и открытым воровством государственных денег, приписками и махинациями в составлении государственных отчетов [1, с. 34]. Смело, не взирая на высокие должности, он боролся с беспорядками, предлагая конкретные меры по их устранению, проявив принципиальность и неподкупность.

Императрица Екатерина II, уважая честность и деловые качества чиновника-поэта, назначила его губернатором в далекую Олонецкую губернию. Г.Р. Державин ревностно приступил к наведению порядка в губернии, проявив незаурядные администраторские способности. Но его принципиальность и нравственный максимализм вызвали резкое неприятие местного чиновничества. Последовали письма-доносы, в которых клеветнически утверждалось, что «наш пиит к управлению не пригоден».

По приказу Екатерины II от 15 декабря 1785 г. Г.Р. Державина переводят начальником наместничества в Тамбов, что было внешне представлено как повышение по службе, хотя больше походило на почетную ссылку. Здесь он пробыл почти три года с марта 1786 г. по январь 1789 г.

4 марта 1786 г. Г.Р. Державин вступил в должность губернатора Тамбова.

В письмах к друзьям в Казань и Петрозаводск он, полный радужных надежд, считает себя счастливым, потому что встретил корректные замечания генерал-губернатора, «умеренность в изъяснениях, предоставление должной власти наместническому правлению». Г.Р. Державин был доволен своим назначением в Тамбов, ему нравился и дом, и общество, и доброжелательность, и единодушие.

Тамбовское наместничество было открыто в 1779 г. В него входило 13 уездных городов: Тамбов, Моршанск, Козлов, Шацк, Лебедянь и др. Губернский город Тамбов имел неприглядный вид и, по замечанию известного краеведа И.И. Дубасова: «Походил на большое черноземное село. Присутственные места развалились без ремонта, частные здания строились как попало... Почти все дома его крыты были соломою, а болотистые улицы выложены фашинником, изрыты ямами и пересечены сорными буграми... на главной улице весной и осенью протекал широкий тенистый ручей, на западных окраинах города стояли болота, поросшие лесом и кустарником, богатым дичью, на базарной площади расстилалось большое озеро, в котором в летнюю пору тамбовские обыватели купались» [3, с. 22].

Как видим, Тамбов второй половины XVIII века представлял собой захолустный провинциальный город, застроенный деревянными неказистыми домами, крытыми тесом, а зачастую и соломой. Дороги были ужасными. Каменных зданий было немного. Поистине город соответствовал тому облику, который нарисовал позже М.Ю. Лермонтов в «Тамбовской казначейше»:

Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые...
Там зданье лучшее острог.

Градостроительство более упорядоченное началось по велению Екатерины II в 1782 г., 1784 г. – Петропавловская церковь перенесена на кладбище. В 1784 г. был построен мост через р. Студенец, каменный почтовый двор – в 1785 г.

До приезда Г.Р. Державина в Тамбове была Духовная семинария для детей и духовенства и батальонная школа, где обучали детей солдат основам грамоты, некоторым

армейским дисциплинам (И.Д. Булдаков окончил ее, сумел дослужиться до чина полковника). В школах обучали детей неимущих дворян, за обучение которых Приказ общественного призрения регулярно выплачивал определенные денежные суммы.

Состоятельные дворяне отдавали детей в 1778 г. в частное училище Я. Ружу, преподававшему латинский, немецкий и французский языки, арифметику, геометрию, артиллерию, историю, географию, физику, философию, политику, логику. За каждого ученика брал по 15 руб. в год. Занимались до обеда и после обеда. Некоторые жили за особую плату в его доме. Но при Г.Р. Державине этого училища уже не было.

В крае действовала только одна гарнизонная школа, учитель которой С. Петров сам был невеждой.

В Тамбове за шесть лет сменились четыре губернатора. Г.Р. Державин застал губернию в полном расстройстве.

Непосредственным начальником Г.Р. Державина стал генерал-фельдмаршал И.В. Гудович, довольно образованный человек с университетским (Лейпцигским, Кенигсбергским, Галльским) образованием.

Г.Р. Державин активно принялся за дело во многих направлениях организации делопроизводства и законности, градопланирования и градостроительства, благоустройства города.

Наведение порядка Г.Р. Державин начал со срочных мер по улучшению положения колодников, содержащихся в тюрьмах, приказал освободить многих арестантов и приступить к постройке новых тюрем и острогов. Строгий блюститель закона, он столкнулся со многими неожиданностями. В городе не было ни одной книги собрания законов, сотни чиновников управляли губернией по своему произволу. Г.Р. Державину пришлось обратиться с просьбой к родственнику И.М. Арсеньеву прислать из Москвы списанные, но верные собрания законов. Он добился непрерывности в сборе податей и недоимок, искоренил беспорядочное хранение казны, увеличил доходы приказа. Положил начало сиротскому дому, больнице, дому для умалишенных. Положил начало судоходству на р. Цна.

«Лучшая эпоха жизни Г.Р. Державина, – утверждает И.И. Дубасов, – это его тамбовское губернаторство. Державин был самым неутомимым и просвещенным администратором своего времени и в этом отношении он имеет только одного современного ему соперника, известного новгородского губернатора Я.Е. Сиверса. Г.Р. Державин – человек неподкупной честности, и потому его губернаторство отличалось систематическим и неумолимым преследованием казнокрадства» [3, с. 27].

«Державин, – по словам В.М. Ходасевича, – обнаружил за это время несомненный административный дар, желание вникнуть в местные нужды, обстоятельства, умение действовать смело и широко, но обдуманно» [5, с. 108].

Не меньшие трудности выпали и в связи с организацией просвещения в крае, прежде всего, отсутствие денег. Г.Р. Державин обращается к дворянам и купцам с просьбой о пожертвовании в пользу училища. С целью сбора средств «по церквям было разослано 25 кружек, на обеде в честь открытия училища в Тамбове объявили подписку. Г.Р. Державин внес 100 рублей, богатые купцы больше 2–5 рублей не давали...» [2, с. 16].

5 августа 1786 г. императрица утвердила «Устав народным училищам в Российской империи». В нем предписывалось «в каждом Губернском городе быть одному главному народному училищу, состоявшему из 4-х разрядов или классов» [3, с. 192]. В нем приводился перечень предметов, которым должны обучать учеников каждого класса, определялись функции директора, смотрителей училищ и преподавателей.

Екатерина II пожелала открыть тамбовское училище 22 сентября 1786 г., а также открыть училища в Козлове и Лебедяне. На открытие училищ нужны были деньги. И Г.Р. Державин обратился к дворянам с призывом сделать «доброхотные подаяния». Тамбовское училище открылось в доме (каменном) купца И.П. Бородина. Однако тамбовчане не спешили отдавать своих детей в училище, и Г.Р. Державину, по мнению историка И.И. Дубасова, пришлось идти на крайние меры: «По распоряжению Г.Р. Державина мальчиков забирали в классы насильно, через полицию. Дворянских детей,

конечно, не трогали, и поэтому большинство учеников принадлежали к мещанскому и одноподворному сословиям. Немало было в училищах и дворовых детей» [3, с. 197].

Ко дню рождению Г.Р. Державина в списке был 51 человек, большей частью 8–9-летних. К концу года в училище насчитывались 100 учеников, а через год – 200.

И вот через год, 22 сентября 1786 г., училище было открыто: «По священнодействию Божественной литургии просвещенным Феодосием, епископом Тамбовским и Пензенским в соборной Казанской церкви, – писал Г.Р. Державин генерал-губернатору, – при многочисленном собрании здешних чиновников, дворянства, граждан и простого народа, и по сказании проповедником приличного торжественному дню и знаменитому случаю поучительного слова, отправлено было полным священным Собором за высочайшее Ее Императорского Величества и Их Императорских Высочеств здравие, ко всевышнему благодарственное молебствие. При возгласении многолетия ее Императорскому Величеству и всему Августейшему дому производилась пушечная пальба. Потом всем собранием следовали в изготовленный дом для училища, где его же преосвященством учинено было водоосвящение, окроплен святою водой дом и приведенные для обучения дети, коим простирается число до 73 и кои были порядком поставлены за учебными столами. После окончания сей духовной церемонии паки возгласено многолетие Ее Императорскому Величеству, причем еще проводилась пушечная пальба, слышно было вокруг дома народное восклицание, радостный восторг, изъявляющее обыкновенным словом: ура» [3, с. 199].

Двадцать человек детей доставались в день открытия из самых бедных поселений.

Занятия же в училище начались к началу зимы, так как к открытию еще не были подобраны преподаватели. На открытии училища пламенную речь произнес поэт-самоучка П.М. Захарьин, до слез доведя толпу зрителей, отцов и матерей.

Состав учащихся был разнообразен: дети мещан, солдат, небогатых купцов и обедневших дворян. После открытия главного училища Г.Р. Державин взялся за организа-

цию малых народных училищ в уездных городах Лебедяни, Козлове, Елатье.

Большим событием для культурной жизни Тамбова было открытие типографии в ноябре 1787 г. Типография выпускала «Губернские новости», которые информировали читателей о ценах на хлеб и другие товары, о проходе воинских команд и т. д. «Губернские новости» стали прообразом первой провинциальной газеты в России. Газета выходила регулярно.

Поэт, прежде всего, заботился о нравственном просвещении, о чем заявляет в стихах, сочиненных экспромтом и оттиснутых в типографии, посвященных владыке Феофилу, назначенному в 1788 г. епископом в Тамбовскую епархию:

На память твоего, Феофил, к нам прихода.
Бессмертью здесь твое мы имя предадим, –
И должно ли молчать учителю народа!
Рассыпь свой бисер нам: мы свет обогатим
[6, с. 19].

Г.Р. Державин, однако, был озабочен строительством дома для народного училища. В январе 1787 г. на деньги, пожертвованные епископом Феодосием, после его кончины по завещанию был куплен дом купца Ознобишина в деревне и перевезен в Тамбов (за 1200 руб.: 1000 руб. – по завещанию, 200 руб. – заняты). Г.Р. Державин не только вникал в финансовые и технические вопросы строительства училища, но и сам участвовал в проведении экзаменов зимой. Благодаря стараниям директора Тамбовского училища А.А. Жохова учителя исправно получали жалованье, экзаменами губернатор был доволен, чего нельзя было сказать о положении учителей в г. Козлов. Например, жалование выдавали нерегулярно и частями. Новый училищный дом был построен в 1788 г. на Астраханской улице близ церкви Покрова Богородицы.

Однако детей дворян в училище было мало. В основном малый процент среди учащихся составляли дети бедных дворян. Г.Р. Державин решил самолично заняться делом дворянского образования.

К 1787 г. губернаторский дом представлял собой некое подобие частного полупансионата. «Не только одни увеселения, но и самые классы для молодого юношества были

учреждены поденно в доме губернатора, – писал в записках Г.Р. Державин, – таким образом, чтобы преподавать, учение дешевле стоило и способнее, и заманчивее было для молодых людей» [3, с. 206]. Для преподавания танцев, грамматики, арифметики и геометрии были «приглашены за умеренные цены учителя из народных училищ, у которых считалось за непристойное брать уроки девицам в публичной школе. Дети и учителя были обласканы, довольствованы всякий раз чаем и всем нужным, что их чрезвычайно утешало и ободряло соревнованием друг против друга» [5].

Дом Г.Р. Державина, находившийся на берегу Цны (на месте Академии детства), с большим вместительным залом и крытыми галереями вскоре стал культурным центром города.

Г.Р. Державин заботился не только о нравственном просвещении и образовании молодежи, но и ее эстетическом воспитании. Он быстро убедился в том, что молодые дворяне Тамбова необразованны и невоспитанны, не умеют общаться. Вместе с супругой они устраивали в своем доме балы и праздники, видя в них средство образования тамбовской дворянской молодежи, неотесанной, не владеющей этикетом благородного человека.

Как и многие просветители XVIII века Г.Р. Державин считал важнейшим средством просвещения театр как средство, обращенное к разуму и эмоциям человека.

Первые ростки тамбовского профессионального театра связаны с театральными начинаниями Г.Р. Державина и его супруги. В доме губернатора вскоре был открыт небольшой театр, «на котором, – пишет в мемуарах Г.Р. Державин, – юноши и девицы представляли разные нравоучительные драмы и комедии» [7]. Тексты представлений зачастую сочинял сам Г.Р. Державин. Кроме того, в доме губернатора ежедневно были открыты классы для детей и молодежи, куда приглашались учителя, велись занятия два раза в неделю – танцами и уроки хороших манер, обучение основам наук.

Душой губернаторских начинаний была его верная помощница Е.Я. Державина. Известный тамбовский театровед А.Н. Смирнов в книге «Театр и вся жизнь» приводит отзыв

писателя И.И. Дмитриева о губернаторше, характеризуя ее как замечательную личность: «Екатерина Яковлевна <...> с прижеством лица соединяла образованным ум и прекрасные качества души, так сказать, любовной и возвышенной. Она пленялась всем изящным и не могла скрывать отвращения своего ото всего низкого. Воспитание ее было самое обыкновенное, какое получали тогда в частных учебных заведениях, но она, при выходе в замужество, пристрастилась к лучшим сочинениям французской и отечественной словесности. В обществе друзей своего супруга она приобрела верный вкус о красотах и недостатках сочинения, <...> получила основательные сведения о музыке и архитектуре. Кроме того, Екатерина Яковлевна была мастерица рисовать, была искусная рукодельница» [6, с. 20].

Е.Я. Державина руководила всем воспитательным и постановочным процессом театра, фактически выполняла обязанности режиссера-педагога. Для налаживания постановочной техники из Санкт-Петербурга был приглашен театральный механик Бразанти.

28 июня 1786 г. в доме Г.Р. Державина был дан спектакль в честь восшествия на престол Екатерины II и гостившего Рязанского и Тамбовского генерал-губернатора И.В. Гудовича. Сперва шло сочинение Г.Р. Державина – представление аллегорического характера «Торжество восшествия на престол императрицы Екатерины II» с музыкой итальянского композитора Дж. Паизиелло, где артистами предстали семьи Свечиных, Беклемишевых, Хвоцинских, Мелиных. Действие происходило в храме, где являлись фебы и гении, были гирлянды шествия юношей и девушек с венками и цветами – все как в Афинах. Закончили праздник балом с иллюминацией. Спектакль гостю понравился, и Г.Р. Державин получил разрешение от своего начальника строить профессиональный театр в Тамбове. После получения финансовой поддержки «для строительства театра был выписан каменных дел мастер» итальянец Лукини. Театр был построен на улице Театральной, ныне там находится спортивный магазин (рядом с гостиницей «Державинская»). Г.Р. Державину удалось добиться «суммы в 1000 руб. на его постройку и столько же бы-

ло отпущено на ежегодное содержание театра» [2, с. 34].

Первые театральные представления состоялись в конце 1786 г. Зрители увидели лучшие пьесы русских драматургов: «Недоросль» Д.И. Фонвизина, трагедии А.П. Сумарокова, на сцене ставились французские оперы и комедии.

24 ноября 1786 г. в Тамбове официально открылся постоянный театр. Строительство театра еще не было окончательно завершено, и поэтому «Пролог на открытие в Тамбове благородного театра и народного училища» игрался в доме губернатора. В «Прологе» в аллегорической образной форме рассказывалось о необходимости образования, содержался призыв зрителей к просвещению. Была показана борьба Петра I за распространение просвещения в России, искусства и науки. Петр I изображен в виде пустынноика, прорубающего в темном лесу дорогу к свету. Под темным лесом Г.Р. Державин подразумевал невежество тамбовского общества. В заключительный монолог Талии поэт вложил свои заветные мечты об искоренении невежества и несправедливости. Он обличает в монологе:

Обманщиков, лжецов, ханжей и пустословов,
Хулителей, льстецов, язвителей, злословов,
Кокеток, игроков, неправедных судей,
И в прозе, и в стихах безграмотных вралей,
Безмозглых стихотворцев,
Безчестных крючкотворцев,
Кашеев, гордецов,
И пьяниц, и мотов,
Господ немилосердных...
И в то же время он прославляет хвалою тех:
Кто будет нравами благими удивлять,
Себе и обществу окажется полезен –
Будь барин, будь слуга, но будет мне
любезен [4, с. 98].

Г.Р. Державин обладал обостренным чувством справедливости. Всякая несправедливость сильным образом как болезнь даже физически поражала его, так писал он о себе.

Действующие лица и исполнители «Пролога»: Гений – девица А.Г. Бибикова, Пустынник – Беклемишев, Мельпомена – М. Орлова, воспитанница классов Е.Я. Державиной, впоследствии продолжившая ее дело в собственном театре мужа, купца Маслова. «Кроме того, в представлении участвовали двадцать мальчиков и девочек, испол-

нявшие танцы, два хора подростков обоего пола, хор певчих помещика Сатина и музыкантов помещика Свечина» [6, с. 21].

По завершению «Пролога» игралась нравоучительная комедия М.И. Веревкина, учителя Г.Р. Державина по Казанской гимназии «Так и должно». Представление имело огромный успех и являлось достойным подражанием для других помещиков, восплававших любовью к театру и устраивающих спектакли у себя.

Когда же театр был построен и на его сцене стали постоянно идти отечественные и переводные произведения современных драматургов, победа была полной.

Наконец в Тамбове появился театр, главная цель которого – воспитание зрителей и участников. Театр, в котором систематически и регулярно шли представления, грамотно подготовленные по всем компонентам: музыка, движение, речь, декорация, актерское исполнение. Репертуар театра составляли пьесы, присланные из Санкт-Петербурга другом губернатора, известным общественным деятелем И. Новиковым.

Служба Г.Р. Державина на посту губернатора была при внешнем благополучии непростой. Губернатор, свято исполнявший свой гражданский долг, честный, не берущий взяток, твердо придерживающийся законов, пекущийся о просвещении и благе не только дворян, но и простого люда, стал неугоден многим местным чиновникам. Вновь посыпались доносы, как и на предыдущей службе, обострились взаимоотношения с генерал-губернатором И.В. Гудовичем, который хотел видеть в наместнике послушного подчиненного, а не самостоятельного новатора, борца за правду, доставлявшего «головную боль», как в случае с купцом И.П. Бородиным. Г.Р. Державин, планируя ремонт зданий в городе, распорядился купить у купца 1140500 штук кирпича, заплатив за них 3400 руб. Но за взятку купец доставил лишь половину некачественного кирпича, непригодного для строительства. В письме к И.В. Гудовичу Г.Р. Державин потребовал сурового наказания взяточника и мошенника. Но И.В. Гудович не предпринял никаких мер по пресечению незаконных операций купца, фактически оказав ему покровительство, несмотря на доказательство его мошенничества.

Это привело к конфликту Г.Р. Державина с генерал-губернатором, который желал теперь избавиться от «неуживчивого и строптивого» наместника, не умеющего и не желающего закрывать глаза на беспорядки в крае. Сплетней и клеветой было запятнано доброе имя Е.Я. Державиной, якобы на балу она «била опухалом» одну из тамбовских дам.

Как только представилась возможность, И.В. Гудович постарался избавиться от Г.Р. Державина, обвинив его в превышении власти, в «нецелевом расходовании средств». 18 декабря 1788 г. Екатерина II утвердила доклад об отрешении Г.Р. Державина от губернаторства, вскоре он предстал перед судом, где был оправдан не без помощи графа Г.А. Потемкина.

После оправдания в 1791 г. Г.Р. Державин был назначен кабинет-секретарем при императрице Екатерине II, рассчитывающей сделать Г.Р. Державина своим лейб-поэтом. Убедившись, что он не желает исполнять эту роль, Екатерина II постепенно отстранила его от участия в решении важных государственных вопросов.

В дальнейшем Г.Р. Державин занимал должность президента Коммерц-коллегии, возглавлял министерство юстиции. Г.Р. Державин видел залог справедливости и порядка в свято соблюдаемых законах. Злоупотребления, взяточничество и другие пороки общества, по его мнению, возникали из-за нарушения законов. Он все же был сторонником монархии.

Последние годы жизни Г.Р. Державин провел в своем имении, в Званке, на берегу Волхова в Новгородской области, где 8 июля 1816 г. умер и похоронен на кладбище Хутынского монастыря. После Великой Отечественной войны останки Г.Р. Державина перенесены на территорию Новгородского кремля.

Г.Р. Державин – один из крупнейших государственных деятелей России, просветитель XVIII века. Прямой, честный человек, Г.Р. Державин не терпел взяточничества, мошенников и их покровителей, борясь с ними, требовал соблюдения законов. Противостоя с сильным миром сего, конфликты с вельможами, взлеты и падения, искренняя вера в то, что просвещенный человек будет

бескорыстно услужить Отечеству – таков облик этого благороднейшего человека и поэта, государственного деятеля [8; 9].

За несколько дней до смерти он сочинил последние стихи:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То в вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы [4, с. 360].

Прошло более двух столетий, как не стало Г.Р. Державина. Но река времен не унесла в забвение его дела. Общественные и культурные начинания Г.Р. Державина, в том числе и театральные, продолжились в будущем: в театральных начинаниях купца Маслова, в антрепризах Н. Голощапова и др. Несмотря на то, что регулярные спектакли после отъезда Г.Р. Державина в тамбовском театре прекратились, но крепостные помещицы Е.К. Ниловой и помещика Елагина изредка выступали на этой сцене. Наиболее заметными были спектакли любителей из числа воспитанников Державинского театра.

Начинания Г.Р. Державина продолжили впоследствии М. Маслова и ее супруг, купец, страстно влюбленный в театр. Он построил городской театр, который был доступен и простому люду, а бывшая воспитанница Е.Я. Державиной М. Орлова-Маслова продолжила традиции, начатые Г.Р. Державиным в качестве режиссера: распределяла роли, руководила подготовкой всех компонентов спектакля, формировала репертуар, учитывая возможности актеров, и сама выступала в классических трагедиях: «Поликсена», «Ксения и Темир», «Сорена и Замир», играя величественных героинь и почетных матрон [10; 11].

К сожалению, как театр на Театральной улице, сгоревший в один из пожаров, так и масловский, прекратил свое существование. Но в начале 40-х гг. XIX века началась пора антрепризного театра, продолжавшаяся до XX века, начатая Н. Голощаповым, который добился постановки «Горе от ума» в г. Тамбов. На сцене его театра игрались водевили Ф. Кони и Д. Ленского. Труппа

Н. Голощапова была достаточно профессиональной. Именно с этой труппой играли знаменитые столичные актеры П. Мочалов, В. Самойлов, В. Живокини. Впоследствии на тамбовской сцене играли Н.Х. Рыбаков, приезжали такие великие гастролеры, как А. Олдридж, актриса Малого театра Г. Федотова. Тамбов стал культурным центром края, а начало этому положил Г.Р. Державин.

Г.Р. Державин, по утверждению В.Г. Белинского, «для себя не имел ничего образцом... Он один был свободным и торжественным выражением своего любимого народа и своего дивного времени, а потому – народен в высшей степени» [7, с. 10].

В заключение хотелось бы привести одно из стихотворений Г.Р. Державина, очень точно передающее его суть.

Признание

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я – богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моя царям, –
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, –
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть в слух, –
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, Отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, –
Признаюсь, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек [4, с. 113].

Вклад Г.Р. Державина в жизнь г. Тамбов весьма значителен. Все его начинания: открытие улиц, строительство и основание театра, типографии, газеты – способствовали просвещению и развитию культуры. Тамбов помнит имя своего замечательного губернатора, увековечив его в названии улицы Державинской и гостиницы. Тамбовский государственный университет носит имя Гавриила Романовича. Все это – дань памяти выдающемуся человеку, поэту и просветителю, за все что он сделал для жителей Тамбова.

Список литературы

1. *Цинцадзе Н.С.* Гавриил Романович Державин: на службе у трех императоров. Ч. 1. Государственная деятельность в царствовании Екатерины II. Тамбов, 2014.
2. *Авдощенко Е.В.* Поэт Г.Р. Державин в Тамбове. Тамбов, 1962.
3. *Мецераков Ю.В.* Гавриил Романович Державин. Тамбовский период деятельности. 1786–1788. Тамбов: ООО «Юлис», 2006. 446 с.

4. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л., 1957. 468 с.
5. *Курилов А.С.* Поэзия русской жизни // Москва. 2003. № 7. С. 177-185.
6. *Смирнов А.Н.* Театр и вся жизнь. Тамбов: ООО «Юлис», 2005. 409 с.
7. *Курилов А.С.* Народен в величайшей степени // Литература в школе. 1993. № 5. С. 4-10.
8. *Егорошилов Л.* К отечеству любовь. 250 лет со дня рождения Г.Р. Державина // Библиотека. 1993. № 4. С. 62-63.
9. *Курилов А.С.* «Ода к Фелице» Г.Р. Державина: Поэзия русской жизни XVIII века // Русская словесность. 2003. № 5. С. 5-11.
10. *Левенштейн О.Г.* Г.Р. Державин на государственной службе. К 250-летию со дня рождения // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1999. № 6. С. 3-11.
11. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Проза. Воронеж, 1980. 215 с.

Поступила в редакцию 14.02.2018 г.

Отрецензирована 25.03.2018 г.

Принята в печать 26.04.2018 г.

Информация об авторе

Сазонова Валентина Александровна, кандидат искусствоведения, профессор, заслуженный работник культуры РФ, научный консультант специальности «Актерское искусство». Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: v.sazonova@list.ru

Для цитирования

Сазонова В.А. Эпоха Г.Р. Державина и тамбовский театр // Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 72-85. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-72-85.

THE EPOCH OF G.R. DERZHAVIN AND TAMBOV THEATRE

Valentina Aleksandrovna SAZONOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: v.sazonova@list.ru

Abstract. Gavriila Romanovich Derzhavin is an outstanding poet and statesman of the Enlightenment epoch; he contributed a lot to the development of culture and people's education. We present the general analysis of the Russian theatrical art development in the second half of the 18th century during the reign of Catherine the Great. We consider the milestones of G.R. Derzhavin's biography: childhood, military service, civil service during his tenure as counselor of the Governing Senate. With his poetic talent G.R. Derzhavin condemned corruption, speculation, flattery, servility of noblemen. We note his main personality traits: courage, honesty, fairness, his struggle for consolidation of statesmanship on the foundations of law. We reveal in details G.R. Derzhavin's service as the governor of the Tambov Viceroyalty. We note not only his achievements in the organization of clerical duties and legitimacy, urban planning and town-building, provision of urban amenities, but his care of moral awareness and youth's education, especially their aesthetic education. The impact of G.R. Derzhavin and his spouse on the development of the first theatre in Tambov and his radical struggle against law violations are highlighted, the significance of poet-citizen's activities for the descendants is emphasized.

Keywords: Enlightenment; theatrical art; poet-citizen; statesman; governor; Tambov; theatre

References

1. Tsintsadze N.S. *Gavriil Romanovich Derzhavin: na sluzhbe u trekh imperatorov. Ch. 1. Gosudarstvennaya deyatelnost' v tsarstvovanii Ekateriny II* [Gavriil Romanovich Derzhavin: in the Service of Three Emperors. Part 1. Civil Service During the Reign of Catherine the Great]. Tambov, 2014. (In Russian).
2. Avdoshchenko E.V. *Poet G.R. Derzhavin v Tambove* [Poet G.R. Derzhavin in Tambov]. Tambov, 1962. (In Russian).
3. Meshcheryakov Y.V. *Gavriil Romanovich Derzhavin. Tambovskiy period deyatelnosti. 1786–1788* [Gavriil Romanovich Derzhavin. Tambov Period of Activity. 1786–1788]. Tambov, LLC "Yulis", 2006, 446 p. (In Russian).
4. Derzhavin G.R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, 1957, 468 p. (In Russian).
5. Kurilov A.S. Poeziya russkoy zhizni [Poems of the Russian life]. *Moskva* [Moscow], 2003, no. 7, pp. 177-185. (In Russian).
6. Smirnov A.N. *Teatr i vsya zhizn'* [Theatre and Lifetime]. Tambov, LLC "Yulis", 2005, 409 p. (In Russian).
7. Kurilov A.S. Naroden v velichayshey stepeni [Patritotic in the highest degree]. *Literatura v shkole* [Literature in School], 1993, no. 5, pp. 4-10. (In Russian).
8. Egoroshilov L. K otechestvu lyubov'. 250 let so dnya rozhdeniya G.R. Derzhavina [Love to the Fatherland. To the 250th anniversary of G.R. Derzhavin]. *Biblioteka* [Library], 1993, no. 4, pp. 62-63. (In Russian).
9. Kurilov A.S. «Oda k Felitse» G.R. Derzhavina: Poeziya russkoy zhizni XVIII veka ["Ode to Felicia" by G.R. Derzhavin: Poems of the Russian life of the 18th century]. *Russkaya slovesnost' – Russian Literature*, 2003, no. 5, pp. 5-11. (In Russian).
10. Levenshteyn O.G. G.R. Derzhavin na gosudarstvennoy sluzhbe. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya [G.R. Derzhavin in the civil service. To the 250th anniversary]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya – Moscow State University Bulletin. Series 8. History*, 1999, no. 6, pp. 3-11. (In Russian).
11. Derzhavin G.R. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Voronezh, 1980, 215 p. (In Russian).

Received 14 February 2018

Reviewed 25 March 2018

Accepted for press 26 April 2018

Information about the authors

Sazonova Valentina Aleksandrovna, Candidate of Art Criticism, Professor, Honoured Worker of Culture of Russian Federation, Research Adviser of “Acting Art” Specialty. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: v.sazonova@list.ru

For citation

Sazonova V.A. Epokha G.R. Derzhavina i tambovskiy teatr [The epoch of G.R. Derzhavin and Tambov theatre]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 72-85. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-72-85. (In Russian, Abstr. in Engl.).

УЧЕНЫЙ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Айнагуль Бектасовна ТУМАНОВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Антонина Семеновна ЩЕРБАК

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Аннотация. Посвящено чествованию в национальном рамочном симпозиуме «Эпоха и Личность» ученого с большой буквы за вклад в науку – Элеоноры Дюсеновны Сулейменовой, вице-президента Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Президента Казахской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, известного специалиста в области языкознания, автора учебников, учебных пособий, программ по обучению русскому и казахскому языкам.

Ключевые слова: Э.Д. Сулейменова; личность; ученый; учитель; вклад в науку

Сулейменова Элеонора Дюсеновна – доктор филологических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби работает в данном вузе с 1970 г. Она является академиком Международной академии наук высшей школы (МАН ВШ), членом Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана, вице-президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ),

Президентом Казахской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КазПРЯЛ).

Имя Элеоноры Дюсеновны широко известно не только в казахстанской, но и в зарубежной научной среде. Она – специалист в области языкознания, социолингвистики, а также автор и консультант серии учебников, учебных и наглядных пособий, программ по обучению казахскому и русскому языкам.

Докторскую диссертацию на тему «Семантические параметры слова в интерлингвальном исследовании (теоретические и прикладные аспекты контрастивного анализа)» по специальности 10.02.19 – теория языка успешно защитила в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (1992).

Научно-педагогическую деятельность в Казахском национальном университете им. аль-Фараби начала в 1970 г. и работает по настоящее время. В период перестройки принимала активное участие в модернизации образовательной системы Республики Казахстан (разработка госстандартов, типовых программ, учебников и учебных пособий в соответствии с новыми требованиями Министерства образования и науки РК).

Э.Д. Сулейменова – творческий человек, ученый нового формата, один из авторов

концепции о преемственности образовательных уровней: дошкольное, школьное, высшее образование в Казахстане. Она является обладателем Государственного гранта «Лучший преподаватель вуза» (2006, 2013); грантов Фонда Сорос-Казахстан (1996, 1997), гранта INTAS (1996–1997, 2004–2007), гранта ASTR/ACCELS (1998–2006), Государственной научной стипендии для ученых и специалистов, внесших значительный вклад в развитие науки и техники (2001–2002; 2004–2006; 2010–2011), и др.

Э.Д. Сулейменова – автор более 300 научных работ, опубликованных в зарубежных и отечественных изданиях на казахском, русском и английском языках. Приведем наиболее весомые из них: словари «Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник», «Әлеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі. Словарь социолингвистических терминов» (Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х., Астана, 2008) и др., монографии «Смысл слова» (Алма-Ата, 1988), «Языковые процессы и политика» (Алматы, 2011), «Макросоциолингвистика» (Алматы, 2011) и др.; учебники и учебные пособия по русскому языку для школ Казахстана с русским и казахским языком обучения и др.

Результатом большой плодотворной работы в качестве научного руководителя является подготовка 19 докторов, 40 кандидатов филологических наук, а также 6 докторов PhD по актуальным проблемам общего языкознания, современной филологии, казахстанской русистики. Ежегодно под ее руководством успешно защищаются выпускники бакалавриата и магистратуры КазНУ им. Аль-Фараби.

В течение ряда лет Э.Д. Сулейменова была председателем специализированного совета по защите кандидатских, докторских диссертаций при КазНУ им. Аль-Фараби (1989–2010) и членом специализированного совета по защите докторских диссертаций PhD (с 2013 г. по настоящее время).

Награждена: Почетной грамотой Республики Казахстан «За заслуги перед государством и значительный вклад в социально-экономическое и культурное развитие страны, а также активную общественную деятельность» (2004); орденом «Құрмет» (2009),

нагрудным знаком «За заслуги в развитии науки Республики Казахстан» (2001), нагрудным знаком «Почетный работник образования Республики Казахстан» (2009), медалью А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка» (2009), золотой медалью «Бірлік» Ассамблеи народа Казахстана (2014), медалью Евразийской ассоциации университетов «За вклад в евразийское сотрудничество» (2015), серебряной медалью «Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-ға сіңірген ерен еңбегі үшін» (2015), медалью «Қазақстан халқы Ассамблеясына 20 жыл» (2016), медалью «Қазақстан Республикасының тәуелсіздігіне 25 жыл» (2016).

Научное сообщество выражает огромную благодарность Элеоноре Дюсеновне Сулейменовой за популяризацию, сохранение и развитие русского языка как в Казахстане, так и за его пределами, плодотворную научную и педагогическую деятельность.

От всей души желаем дорогой Элеоноре Дюсеновне новых творческих успехов в казахстанской и мировой филологической науке, крепкого здоровья и благодарных учеников.

Основные труды:

1. Kazakhstan // The Handbook of Business Discourse. Edinburgh: Edinburgh Press, 2010.
2. Макросоциолингвистика: монография. Алматы: Қазақ университеті, 2011.
3. Языковые процессы и политика: монография. Алматы: Қазақ университеті, 2011.
4. Turco-Slavica: Язык, этнос, культура в едином пространстве. Астана: Полиграфия-сервис К, 2011.
5. Русский язык: методическое руководство. 9 класс общеобразовательной школы. МОН РК. Алматы: Атамұра, 2013.
6. Русский язык: учебник для 9 класса общеобразовательной школы с русским языком обучения. МОН РК. Алматы: Атамұра, 2013.
7. Тюркские языки и этносы: языковые и этнодемографические процессы. Алматы: Қазақ университеті, 2015.

Поступила в редакцию 15.03.2018 г.

Отрецензирована 07.04.2018 г.

Принята в печать 26.04.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Туманова Айнагуль Бектасовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Щербак Антонина Семеновна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Для корреспонденции: Щербак А.С., e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Для цитирования

Туманова А.Б., Щербак А.С. Ученый с большой буквы // Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 86-88. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-86-88.

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-86-88

A SCHOLAR WITH A CAPITAL “S”

Aynagul Bektasovna TUMANOVA

Al-Farabi Kazakh National University
71 al-Farabi Ave., Almaty 050040, Republic of Kazakhstan
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Antonina Semenovna SHCHERBAK

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: ant_scherbak@mail.ru

Abstract. It is dedicated to honoring at the national framework symposium “Epoch and Personality” a Scholar with a capital “S”, Eleonora Dyusenovna Suleymenova, Vice President of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, President of Kazakhstan Association of Teachers of Russian Language and Literature, famous specialist in the field of Linguistics, author of textbooks, teaching guides, programs of teaching the Russian and Kazakh Languages.

Keywords: E.D. Suleymenova; personality; scholar; teacher; contribution to science

Received 15 March 2018

Reviewed 7 April 2018

Accepted for press 26 April 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Tumanova Aynagul Bektasovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Shcherbak Antonina Semenovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian Language Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ant_scherbak@mail.ru

For correspondence: Shcherbak A.S., e-mail: ant_scherbak@mail.ru

For citation

Tumanova A.B., Shcherbak A.S. Uchenyy s bol'shoy bukvy [A Scholar with a capital “S”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 86-88. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-86-88. (In Russian, Abstr. in Engl.).